

онъ находится и въ картинѣ. Въ этомъ задача подражанія. Но и это еще далеко не все. Иначе любой фотографическій снимокъ, какъ нельзя болѣе точно передающій и очертанія, и форму предметовъ, и ихъ взаимныя соотношенія, былъ бы выше картины художника, а стенографическій отчетъ по дѣлу о какомъ-нибудь убійствѣ лучше драмы. Но стенографія не искусство, а фотографія, хотя и можетъ къ нему приближаться, но отнюдь его не замѣняетъ, ибо художникъ не простой списыватель жизни, а и творецъ. Какъ таковой, онъ имѣетъ право видоизмѣнять и самыя соотношенія частей подлинника, если это нужно для его цѣлей. Цѣль же художника изобразить не то, что было когда-нибудь—малоли что бываетъ на свѣтѣ!—не то даже, что бываетъ обыкновенно, но то, что *пребываетъ* всегда, т.-е. сущность жизни, смыслъ ея или по меньшей мѣрѣ смыслъ даннаго жизненнаго явленія, ту черту, которая является въ немъ наиболѣе важною, преобладающею, изъ которой проистекаютъ всѣ остальные. Въ дѣйствительности эта черта, хотя и является основной, но она нерѣдко бываетъ затемнена другими побочными и случайными чертами. Задача художника высмотрѣть ее среди всѣхъ остальныхъ, устранить все, что ее закрываетъ, выбрать все, что ее особенно ярко обнаруживаетъ, и представить такимъ образомъ читателю или зрителю идею даннаго явленія, смыслъ его яснѣе, чѣмъ онъ раскрывается въ дѣйствительности. Какъ на примѣрѣ, не выходя за предѣлы отечественнаго искусства, укажемъ на драму гр. Алексѣя Толстого „Смерть Иоанна Грознаго“. Какихъ только тамъ нѣту историческихъ ошибокъ! Событія, на самомъ дѣлѣ отдѣленныя другъ отъ друга десятками лѣтъ, сосредоточены въ драмѣ всѣ передъ смертью Грознаго. Временныя соотношенія нарушены совершенно. И однако никакой историческій рассказъ, какъ бы точно ни была тамъ соблюдена хронологія и другія подробности, не даетъ такого яркаго, живого представленія о Грозномъ, какъ эта драма. Отчего же? Да оттого, что здѣсь выбраны

и соединены въ одно всѣ существенныя, наиболѣе характерныя для Грознаго, какъ человѣка, черты за все его царствованіе, и въ результатѣ этой подтасовки необыкновенная сила впечатлѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ правда его!

Если теперь мы возвратимся къ нашей пѣснѣ и примѣнимъ къ ней сказанное, мы поймемъ вполне не только введеніе въ пѣсню неизвѣстной намъ изъ исторіи подробности объ убійствѣ Щелканомъ сына, но и заключительный стихъ пѣсни. Изображая частное историческое событіе, одинъ изъ эпизодовъ татарскаго ига, народъ на этомъ частномъ примѣрѣ охарактеризовалъ общій смыслъ татарскаго ига, какъ явленія. Черныя тучи татарщины двѣсти пятьдесятъ лѣтъ висѣли надъ русской землей, мороса на нее безпрестаннымъ дождемъ, а иногда прорываясь громовыми раскатами, градомъ и всеопустошающимъ ливнемъ. Но въ концѣ концовъ подъ этимъ дождемъ выросло сѣмя новой Руси. Раздоръ, распри и разъединеніе отдали землю на жертву татарскимъ насильникамъ, но, когда подъ ихъ гнетомъ Русь сплотилась въ народное и государственное единство, татарское иго потеряло какъ-бы свое право на существованіе, и пораженіе Мамаю на Куликовомъ полѣ поистинѣ „ни на комъ не сыскалося“. Всѣ вѣроятія за то, что вначалѣ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ разгрома тверской области Калитою пѣсня наша заканчивалась иначе. Есть разночтенія ея безъ послѣдняго стиха. Это, очевидно, древнѣйшія. Но всякая пѣсня—плодъ вѣкового народнаго творчества и носить на себѣ цѣлый рядъ позднѣйшихъ наслоеній. Послѣ знаменитаго стоянія на Угрѣ, когда разсѣялось послѣднее облачко татарщины, должно было измѣниться кореннымъ образомъ и окончаніе пѣсни. Новая свѣтлая нота зазвучала въ заключеніи радостной прибавкой: „ни на комъ не сыскалося“. Изъ воспоминанія о частномъ случаѣ пѣсня превратилась въ характеристику татарскаго ига на всемъ его протяженіи, углубилась и выросла въ своемъ значеніи.

Правда фотографическая, быть можетъ, пострадала отъ

новой прибавки, нарушилась отчасти и правда историческая въ узкомъ смыслѣ этого слова, но правда художественная была соблюдена, а она есть въ своемъ величайшемъ завершении и правда нравственная, ибо изображаетъ то, что всегда пребываетъ, сущность и смыслъ явленій. Въ капелькѣ воды отражается солнце. Въ пѣснѣ о частномъ историческомъ событіи отразился смыслъ татарщины и побѣда надъ ней. Зло не можетъ устоять передъ усиленіемъ сознанаго добра. Въ это—иногда даже невольно—вѣрятъ всѣ, кто работаетъ на полѣ жизни.

Итакъ, наша пѣсня выводитъ подлинныя историческія лица; на частномъ примѣрѣ она указываетъ общій смыслъ извѣстнаго историческаго явленія; въ ней нѣтъ мифическаго элемента, стихъ ея простъ и чуждъ всякихъ прикрасъ. Слѣдовательно, она соединяетъ въ себѣ всѣ признаки исторической пѣсни и можетъ считаться ея образцомъ.

XIV.

Перелистаемъ хотя бѣгло дальнѣйшія страницы составленной народомъ исторіи его жизни. При самомъ поверхностномъ ея просмотрѣ здѣсь, какъ и прежде, поражаетъ изумительное явленіе. Казалось бы, что на фонѣ той громадной исторической картины, которая зовется жизнью человѣчества, простой народъ играетъ роль только косной массы, въ лучшемъ случаѣ только зрителя событій, которыя, происходя на переднемъ планѣ, почти не доносятся до темныхъ закоулковъ фона. Казалось бы, что историческая жизнь прошла мимо этого сѣраго народа, застывшаго на тысячелѣтія въ своемъ земледѣльческомъ быту, что всѣ тѣ войны и преобразованія, которыя наполняютъ страницы нашей писанной исторіи, это только мелкая рябь на поверхности глубокаго, невозмутимо-спокойнаго народнаго океана. Но нѣтъ! Перепутывая годы, мѣстности, имена даже, народныя пѣсни

мѣтко и вѣрно отмѣчаютъ не только общій смыслъ событій, но и значеніе дѣйствовавшихъ въ нихъ лицъ. Въ сложной сѣти нервовъ, изъ которыхъ состоитъ народный организмъ, одинъ изъ главныхъ жизненныхъ нервовъ, очевидно, находится въ наиболѣе глубокихъ, потому что нижнихъ, слояхъ народа. Народныя массы не учились въ цѣпи историческихъ событій отличать важное отъ мелкаго, существенное отъ второстепеннаго, но они знаютъ это и безъ ученія: переживъ и почувствовавъ эти событія, кровью сердца запечатлѣли они свое знаніе. Народныя пѣсни до появленія широко распространенной письменной словесности — пульсометръ, точно и безъ ошибки отмѣчающій біеніе народнаго сердца.

Послѣднимъ живымъ звукомъ въ былинахъ былъ гикъ и свистъ татарскихъ наѣздниковъ. Но сердце русскаго человека не знаетъ отчаянія, не знаетъ безысходнаго горя. „А и въ горѣ жить—не кручинну быть“, поетъ народная пѣсня. Изъ-подъ пепелищъ сожженныхъ татарами деревень, на почвѣ, обильно политой русскою кровью, выросла не обида только, но и мысль о русской землѣ, какъ объ единомъ политическомъ цѣломъ. Рожденная среди ужасовъ войны, политая слезами и воплями народа, пустила она глубокіе корни въ душу народную, засвѣтилась передъ нимъ единственной звѣздой спасенія. Облечь ее въ плоть и кровь стало первой задачей народа, передъ которой ступевались все остальные интересы, не исключая и духовныхъ. Вся энергія, вся мощь народная направилась на созданіе государства. Отъ Кіева, что еще недавно горѣлъ на солнцѣ золотыми главами своихъ церквей, не осталось камня на камнѣ. Русскій югъ палъ и теченіе народной жизни раздѣлилось на два русла. За топями ливскихъ болотъ, въ глуши литовско-бѣлорусскихъ дебрей, на замковой виленской горѣ свилъ себѣ гнѣздо орлиный родъ Гедиминовъ и подъ его сильныя и крѣпкія крылья потянулись, ища себѣ защиты отъ татаръ, земли кіевская, черниговская, минская

и другія, старое наслѣдіе св. Владимира. Но Гедиминовичи не были русскими и кто знаетъ, какая судьба готовилась бы русскому народу подъ ихъ властью, если бы на востокъ куда издавна уже отливали съ юга волны русскихъ колонистовъ, на высокоомъ берегу финской рѣчки Москвы не засіялъ крестъ Спаса на Бору и не создалась бы „съ невеличка каменна Москва“. Мутная вода значить это слово по-фински, но столько пережито русскимъ сердцемъ съ Москвою и въ Москвѣ, что стало это слово для насъ русскихъ синонимомъ всего самаго святого и завѣтнаго, именемъ любимой и дорогой матери. Москва собрала и спасла Русь.

Какъ это случилось?

Русскій народъ хранить въ своей исторіи столько свѣтлыхъ и безпримѣрно-высокихъ страницъ, что можетъ безъ боязни взглянуть въ лицо правдѣ. Не будемъ же скрывать отъ себя истины. Много темнаго и дурного было въ собираніи Руси. Покаянная молитва Хомякова сохранила для насъ силу и теперь:

Молитесь, кайтесь, къ небу длани!
 За все грѣхи бывшихъ времянь,
 За ваши Каинскія брани
 Еще съ младенческихъ племень,
 За двоедушіе Москвы,
 За узаконенный развратъ,
 За грѣхъ царя-святоубійцы,
 За разоренный Новоградъ,
 За все, за всякія страданья,
 За темныя отцовъ дѣянья
 Предъ Богомъ благости и силъ
 Молитесь, плача и рыдая,
 Чтобъ онъ простилъ, чтобъ онъ простилъ!

Не съ гордо и благородно поднятымъ забраломъ выѣзжали на жизненный бой за Русь московскіе князья. Смѣлая удалъ и прямодушная отвага были отъ нихъ за тридевять земель. Хитрые и осторожные скопидомы, они, какъ Калита, цѣпко держались за денежный мѣшокъ и не любили его развязы-

вать. За низкіе поклоны татарскимъ ханамъ получивъ себѣ на откупъ ханскую дань, они нажились при ея сборѣ и на эти деньги округлили свои владѣнія, не брезгая для этого ничѣмъ. Мы только-что видѣли низкое вѣроломство Калиты въ тверскомъ дѣлѣ со Щелканомъ. Но не вѣроломствомъ создалась Москва, а вмѣстѣ съ нею и новая Россія.

Одно дѣло—начало, а другое—его примѣненіе. Послѣднее нерѣдко бывало дурно у московскихъ князей, но начала ихъ политики были вѣрны. Молодымъ соколомъ бросался рыцарственный Данила Галицкій на татарскія орды, но изъ этой удали что же вышло? Она разсыпалась мгновеннымъ огнемъ ракеты, оставляя за собою обуглившіеся города и деревни. Не желая уступать и не имѣя силъ сопротивляться, Данила бѣжалъ въ Венгрію, а русскимъ людямъ самимъ своими собственными руками пришлось, по приказанію Бурндая, разметать стѣны Львова, Кременца, Луцка, Владимира. Умный и дальновидный родоначальникъ московскихъ князей, святой Александръ Невскій, понялъ ошибочность этой блестящей и рыцарской, но неразумной политики. Когда бушуетъ стихійная сила несущагося надъ землею урагана, безумно съ открытою грудью выходить въ поле. Надо притаиться и ждать, пока вихрь ослабѣетъ. Это и сдѣлали московскіе князья. А народъ оцѣнилъ ихъ дѣло: среди духовныхъ стиховъ, напечатанныхъ Безсоновымъ, есть стихъ объ „уродникѣ Божіемъ, благовѣрномъ Александрѣ, который „разбилъ и прогналъ нечестивыхъ татаръ“, хотя на самомъ дѣлѣ, храбрый побѣдитель шведовъ и нѣмцевъ, Александръ никогда не думалъ пробовать своего оружія съ татарами. Не за вѣроломство и двоедушіе Калиты, а за спасительное для Руси общее направленіе московской политики благословилъ Москву ея первый митрополитъ, св. Петръ, когда сказалъ Калитѣ свои пророческія слова: „Богъ благословитъ тебя и поставитъ выше всѣхъ другихъ князей и распространитъ городъ этотъ паче всѣхъ другихъ городовъ; и будетъ родъ твой обладать мѣстомъ симъ вѣки; и

руки его вздыдутъ на плечи враговъ вашихъ; и будутъ жить въ немъ святители, и кости мои здѣсь положены будутъ“.

Но и политика есть только способъ дѣйствія, умѣние выбрать въ хаосѣ современныхъ обстоятельствъ вѣрный путь. Но мало ли кто видитъ дорогу! Чтобы пуститься въ путь и добраться до цѣли его, нужна сила матеріальная и духовная, нравственная. Въ этомъ смыслѣ государство не есть нѣчто внѣшнее народу; оно создается не двумя-тремя людьми, стоящими на переднемъ планѣ. Какъ у науки и искусства, его корни тянутся глубоко въ нижніе и темные слои народа и оттуда берутъ свои соки. На созданіе цвѣтка уходятъ силы всего растенія. Невидимыя глазу, онѣ съ трудомъ поддаются учету, но тѣмъ не менѣе именно въ нихъ находится средоточіе тяжести. Сила накопившагося во всемъ народѣ добра и есть та единственно-прочная и неколебимая основа, на которой создается крѣпкое государство. Для Руси это были молитвенные подвиги величайшихъ отшельниковъ-идеалистовъ, изъ которыхъ одинъ Сергій Радонежскій чего стоитъ, а затѣмъ и тѣ незамѣтные подвижники, чьи имена не записаны ни въ исторіи ни въ святцахъ. „Неистощимыя, неисчислимыя“ лились слезы народныя вѣка и вѣка, пока не стали крѣпкимъ цементомъ для спайки государственнаго фундамента. Въ одномъ изъ стихотвореній въ прозѣ Тургенева рассказывается о крестьянскомъ семействѣ, принявшемъ сироту-племянницу въ свой разоренный домишко.

— Возьмемъ мы Катьку, — говорила баба: — послѣдніе наши гроши на нее пойдутъ, — не на что будетъ соли добывать, похлебку посолить...

— А мы ее... и несоленую, — отвѣтилъ мужикъ, ея мужъ.

Статистикъ не подсчитать такихъ подвиговъ, ибо истинно доброе дѣло кроется отъ любопытнаго взора. Но подъ соломёнными крышами полуразвалившихся и почернѣлыхъ деревенскихъ хатъ, какъ теперь живетъ, такъ и прежде чи-

стымъ золотомъ горѣло сердце народное. Оно было основой нашей силы въ прошломъ, имъ крѣпка наша вѣра въ великое будущее Россіи.

Не на вѣроломствѣ и двоедушїи, а *несмотря* на это вѣроломство создалась Русь. Создалась — молитвами святыхъ угодниковъ и чудотворцевъ всея Руси, Михаила, Петра, Алексія, Іоны, Филиппа и Сергія, слезами, горемъ и подвигами народа, а затѣмъ, конечно, и дальновидною политикою московскихъ князей.

Имена ихъ почти не дошли до насъ въ пѣснѣ, но собираніе Москвы народъ помнитъ, ея значеніе, какъ новаго очага государственной силы, онъ понимаетъ. Онъ связываетъ ея начало съ именемъ виднѣйшаго изъ московскихъ князей, Ивана четвертаго:

Когда зачиналась каменна Москва,
Тогда зачинался и Грозный царь,
Что Грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ.

Разсказавъ о томъ, какъ Грозный покорилъ Казань и наказаль за гордость казанскаго царя Симеона, пѣсня продолжаетъ:

Онъ и взялъ съ него царскую корону
И снялъ царскую порфиру,
Онъ царскій костыль въ руки принялъ.
И въ то время князь воцарился
И насѣлъ въ Московское царство,
*Что тогда де Москва основалася;
И съ тѣхъ поръ великая слава.*

Для народа Иванъ Грозный—

Содержатель онъ всей Руси,
Сберегатель каменной Москвы,—

точно въ его лицѣ воплотились сразу всѣ московскіе князья, начиная съ Калиты, а въ его дѣятельности ихъ вѣковое дѣло. Пѣсни объ Иванѣ это пѣсни о созданіи русской государственной мощи и только этимъ объясняется, что эта эпопея носить свѣтлый характеръ.

Народъ зналъ, что царь жестокъ безъ границъ, но жестокость забылась передъ лицомъ „измѣны“ боярской: тѣ, кого царь каралъ, шли противъ „государева дѣла“ и народного, и народъ, забывая о личныхъ грѣхахъ царя, сталъ на сторону „основателя Москвы“ и „сберегателя Руси“ потому, что „вывелъ онъ измѣну изъ каменной Москвы да вывелъ измѣну изъ Новагорода“. Во всемъ обширномъ собраніи Кирѣвскаго только въ одной пѣснѣ слышится слабая, хотя и опредѣленная нота упрека:

Охъ, вы, горы, горы крутыя!
 Охъ, вы, головы златыя православныхъ церквей!
 Охъ, косяцаты окошки царскихъ теремовъ!
 Какъ во теремѣ живетъ православный царь,
 Православный царь Иванъ Васильевичъ:
 Онъ грозенъ, батюшка, и милостивъ,
 Онъ за правду милуетъ, за неправду вѣшаетъ.
 Ужъ настали годы злые на Московскій народъ,
 Какъ и сталъ православный царь грознѣй прежняго:
 Онъ за правду за неправду дѣлалъ казни лютыя.
 Какъ восплачется народъ русскій на Грознаго царя:
 Преставился Грозный царь на шестидесятомъ году,
 А сынъ его Федоръ сталъ Русью управлять.

Но эта нота тонетъ въ переливающейся гармоніи свѣтлыхъ звуковъ. Видно, крѣпко въ памяти народа отпечатлѣлся тотъ день 1550 года, когда на широчайшей изъ широкихъ площадей Европы собрались впервые послы отъ всей русской земли, а посреди этого волнующагося моря головъ на высокомъ лобномъ мѣстѣ стоялъ онъ, молодой государь съ первымъ пухомъ на верхней губѣ, съ юношески-благороднымъ взоромъ, въ которомъ мутныя страсти еще не успѣли погасить огня въ даль уносящихся идеаловъ,—стоялъ и калялся передъ народомъ въ грѣхахъ правленія и обѣщалъ впредь править во благо народа своего, а сердца всѣхъ были обращены къ нему, какъ къ весеннему солнцу „юныхъ листьевъ миллионы“. Свѣтлое озареніе на грозномъ ликѣ легло на всѣхъ пѣсняхъ объ Иванѣ.

Вотъ

Со тѣми ли пѣхотными полками,
Что со старыми славными казаками

стоитъ онъ подъ стѣнами Казани и, пылкій и нетерпѣливый, ждетъ не дождется, когда догоритъ въ землѣ „свѣча воску яраго“ и взорветъ подкопы; подозрительный, онъ уже готовъ винить канонеровъ въ измѣнѣ, но свѣча догорѣла, черный снопъ дыма, искрѣ и стѣнныхъ камней взлетаетъ на небо,— и Казань у ногъ Иоанна.

Вотъ онъ въ Москвѣ судить „вдалаго молодца“ за убійство молодого опричника и уже готовъ казнить удалаго молодца, но тотъ говоритъ царю объ опричникахъ:

Поносилъ онъ нашу святую Русь,
Еще тебя поносилъ кровопийцею,
Поносилъ православный людъ,
А славенъ-то былъ онъ тобою, царь,
Твоей милостью,—

и Иванъ, принимая укоръ, отпускаетъ виновнаго со словами милости, потому что, хотя близокъ былъ ему опричникъ, но еще ближе интересы народные:

Исполать тебѣ, вдалый молодецъ,
На добромъ словѣ, на честномъ дѣлѣ.

Вотъ въ той же Москвѣ, окруженный рындами въ бѣлоснѣжныхъ кафтанахъ, сидитъ онъ на царскомъ престолѣ, вмѣстѣ и грозный и милостивый, и принимаетъ пословъ отъ понизовой вольницы, что, погулявъ вдоволь и дома и по синему морю и не зная, куда дѣваться—

Въ Астрахани жить нельзя.
На Волгѣ жить—ворами слыть,
На Яикъ идти—переходъ великъ,
Въ Москву идти—перехватаннымъ быть,
По разнымъ городамъ разосланнымъ
И по темнымъ тюрьмамъ рассаженнымъ—

пошла съ Ермакомъ во главѣ „въ усолья къ Строгановымъ“ и теперь поклонилась царю Сибирью.

Вотъ, наконецъ, гнѣвный и страшный, пируетъ онъ съ

боярами во дворцѣ и по одному злому навѣту Малюты за мнимую измѣну государству любимаго сына посылаетъ на смерть

Ко той ко лужѣ кровавыя,
Ко той ко плахѣ бѣлодубовой,

а на утро, „вызнавъ дѣло, рвется—мечется“, коритъ слугъ, что не уняли гнѣвной руки, „пустили дѣло окаянное“, и отдаетъ приказъ

По церквамъ служить молебны частые,
Заводить печальны звонъ колокольные,
Надѣвать всѣмъ платье черное,
Собираться во большой соборъ,
Служить панихиду по царевичѣ,

а самъ въ монашеской одеждѣ бьетъ челомъ объ полъ, пока на лбу не появится синее пятно,

Богу молится и поклоняется,
Самъ горячими слезами заливается.

Но вѣрный себѣ народъ и здѣсь—уже наперекоръ исторіи—спасаетъ царевича отъ плахи и руками боярина Никиты Романова возвращаетъ отцу сына, и темная глубь царева сердца, какъ глубь озера, напрасно силится выступить наружу. Свѣтлое отраженіе народнаго сочувствія побѣдно качается на переливающихся волнахъ гнѣви.

Дивиться можно этому освѣщенію, но разгадка ясна: ее подсказываютъ и психологія народнаго творчества и исторія.

Народъ не знаетъ отвлеченностей, онъ не умѣетъ оцѣнить дѣла иначе, какъ соединивъ его съ опредѣленнымъ историческимъ или миѣическимъ лицомъ. Подъ именемъ Іоанна онъ воспѣваетъ созданіе Москвы. Это не олицетвореніе, какъ не олицетвореніемъ государства быть въ былинахъ Вольга. Олицетвореніе—это сознательный переходъ отъ общаго понятія къ его воплощенію въ образѣ. Оно предполагаетъ полное логическое пониманіе общаго. Въ этой *придуманной* плохими поэтами фигурѣ есть что-то сухое, искусственное и бесконечно далекое отъ непосредственной свѣжести народной поэзіи, которая, вѣрно чувствуя истину, ни-

когда о ней не разсуждаетъ и даже не умѣетъ разсуждать, а потому все общее и отвлеченное приписываетъ частному. А къ какому же частному лицу могла всего скорѣе пристать не столько сознаваемая, сколько чувствуемая, общая истина о созданіи Москвы, какъ выраженія русской государственной и народной силы? Исторія можетъ дать на это только одинъ отвѣтъ: къ Іоанну.

Недаромъ народъ „взвылъ“, услышавъ о кончинѣ грознаго царя. Это Іоаннъ, отрубивъ голову змѣѣ боярскаго себялюбиваго хищничества, утвердилъ на Руси единодержавіе, отъ созданія котораго зависѣло въ то время все будущее русскаго народа. Это онъ пытался первый обосновать свою власть на широкой основѣ народнаго самоуправленія, созвавъ первый Земскій Соборъ, давъ Руси выборныхъ губныхъ старостъ, цѣловальниковъ и излюбленныхъ головъ. Это онъ былъ защитникомъ наиболѣе плодотворныхъ теченій русской церковной мысли и авторомъ самыхъ живыхъ и важныхъ статей Стоглава. Это онъ, наконецъ, первый обратилъ свой взоръ къ Балтійскому морю, предвосхищая мысль Петра. Сама опричина въ свѣтѣ новыхъ изслѣдованій, по крайней мѣрѣ въ идеѣ своей, получаетъ совершенно новый смыслъ, и историкъ, изслѣдуя тѣ нити, которыя вяжутъ новую Россію со старою московскою Русью, концы ихъ неизмѣнно находитъ въ рукахъ Іоанна. Послѣ кропотливой работы и изысканій исторія приходитъ о Грозномъ, какъ государѣ, къ тому выводу, который уже давно непосредственнымъ чутьемъ правды сдѣлалъ народъ, величая Ивана дальновиднымъ „сберегателемъ Руси“:

Князь Иванъ, сударь, Васильевичъ, прозритель.

Правда, государственное дѣло Іоанна запятнано его тиранствомъ. Но тотъ жестокий вѣкъ былъ временемъ тирановъ. Эрихъ XIV въ Швеціи, Генрихъ VIII въ Англии, Филиппъ II въ Испаніи, Медичисы въ Италіи и Карлъ IX во Франціи — современники Іоанна. Въ этомъ обществѣ онъ въ

самомъ безчеловѣчїи своемъ сохранилъ, пожалуй, человѣчность: по крайней мѣрѣ онъ мучился самъ отъ своего тиранства, тщетно ища покоя своей душѣ „страдающей и бурной“. Народъ, кажется, заглянулъ въ глубину этой души и потому ему легко было сдѣлать Іоанна героемъ своихъ пѣсенъ о государственной мощи Россїи. Онъ воспѣлъ въ немъ не тирана, конечно, и не человѣка, а самаго яркаго представителя московскихъ князей, завершителя всей ихъ политики. И, если на грозномъ фонѣ выступаетъ здѣсь свѣтъ, мы имѣемъ тутъ дѣло не съ недостаткомъ, а напротивъ, съ высотой нравственнаго чувства, которое, топя въ морѣ забвенія всѣ болѣзненные и невольныя проявленія мятущихся человѣческихъ страстей, выноситъ наверхъ свѣтлую и разумную мысль. Паукъ ищетъ въ цвѣткѣ яду; пчела добываетъ изъ него медь.

Иная въ народномъ творчествѣ оцѣнка Бориса Годунова, но иной и смыслъ явленій, подлежащихъ оцѣнкѣ. Иванъ былъ наслѣдникомъ государственной мысли московскихъ князей. „На дѣдовскомъ престолѣ я сажу“, говоритъ онъ о себѣ у Островскаго. Въ самыхъ ужасныхъ отклоненїяхъ отъ правды передъ нимъ не меркъ яркій свѣтъ идеала, за которымъ онъ шелъ со всею страстностью своей больной и мятежной души. У Бориса въ основѣ всего лежалъ змѣенышъ личнаго честолюбія. Въ лицѣ его приподняла свою вновь отросшую голову гидра боярскаго самовластія, съ которою такъ страстно и упорно боролся Грозный. И чѣмъ же думалъ новый царь спятыя воздвигаемое имъ зданіе? Липкой кровью изъ перерѣзаннаго ножомъ дѣтскаго горла! И основа и цементъ слишкомъ ненадежныя. Возведенное на смрадномъ болотѣ зданіе разлетѣлось мыльнымъ пузыремъ, но русскій народъ заплатилъ за боярское честолюбіе ужасами смутнаго времени, отъ которыхъ едва-едва не рушилось самое государство. Для народа Борисъ—это „злой коршунъ, что свилъ себѣ гнѣздо во дворцѣ черной ноченькой“, вызывая противъ себя гнѣвъ Божій:

Что не вихрь крутить по долинушкѣ,
 Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится—
 То идетъ ли грозный Божій гнѣвъ
 За православную Русь:
 И погибъ коршунъ на гнѣздѣ своемъ,
 Его пухъ прошелъ по поднебесью,
 Проточилась кровь по Москвѣ-рѣкѣ

То самое народное чувство, которое нашло въ себѣ столько
 нѣжнаго и трогательнаго сочувствія къ Ксеніи Годуновой
 въ особой поэтической думѣ о ней, не простило Бориса,
 ибо въ немъ, какъ представителѣ боярства, погубившаго
 царевича Дмитрія, уже таилось въ зародышѣ все послѣ-
 дующее „лихолѣтье“: гнѣвъ Божій и народный постигъ Бо-
 риса за святую Русь.

Еще отрицательнѣе, хотя уже въ иномъ тонѣ, отношеніе
 народа къ несчастному выкидышу боярскаго и Борисова
 властолюбія — Самозванцу. Для народа онъ — обманщикъ,
 „прелестникъ, воръ, Гришка-Разстрижка“:

Не успѣлъ воръ-собака воцариться,
 Похотѣлъ воръ-собака пожениться:
 Не у князя онъ будетъ, не у боярина,
 Не у насъ на Руси, въ каменной Москвѣ,
 Беретъ воръ-собака въ проклятой Литвѣ,
 У Юрья, панѣ Стредомірскаго,
 Меньшую дочь его душевнѣку,
 Душевнѣку Маринку дочь Юрьевну.
 На вешній праздникъ въ Миколинъ день
 Въ четвергъ у Разстрижки свадьба была,
 А въ пятницу праздникъ Николинъ день.
 Стали благовѣстить къ заутренѣ
 У святого Михаила Архангела,
 Гдѣ кладутся цари благовѣрные;
 Бояре идутъ къ заутренѣ,
 А Гришка-Разстрижка съ Маринкою
 Заводитъ законъ по-своему:
 Идетъ онъ во мыльню-баенку,
 Маринка во умываленку;
 Бояре Богу молятся,
 А онъ въ мыльнѣ моется,
 Маринка во умываленкѣ.
 Бояре пошли отъ заутрени,

А Гришка-Разстрижка со мыльни идетъ,
Маринка—со чистой умываленки.

Разорванность между народомъ и царемъ изображена здѣсь превосходно и исторически-вѣрно, да и самый судъ надъ Самозванцемъ, если только не думать, что онъ искренне считалъ себя настоящимъ Дмитріемъ, вѣренъ. Во всякомъ случаѣ совершенно вѣрно отношеніе къ самозванству, какъ явленію, и тутъ мы вновь встрѣчаемся съ тѣмъ же чувствомъ, которое примирило народъ съ Іоанномъ и заставило его покарать Годунова—съ бессознательнымъ инстинктомъ, подсказавшимъ русскому человѣку, что въ созданіи крѣпкаго государства лежатъ для него зачатки лучшей жизни.

Самозванство, впрочемъ, слишкомъ ярко противорѣчило этому идеалу, чтобы не оцѣнить его надлежащимъ образомъ, но нельзя не дивиться, что народъ сумѣлъ разобраться въ дикомъ хаосѣ смутнаго времени и изъ множества сталкивающихся въ этомъ историческомъ водоворотѣ лицъ выхватить нить жизни, воспѣвъ князя Скопина-Шуйскаго, который былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ въ то время людей, кто думалъ не о себѣ, а о спасеніи государства и народа:

А Скопинъ князь Михайло Васильевичъ,
Онъ правитель царству Московскому,
Оберегатель міру крещеному
И всей нашей земли Сваторусскія.

Отмѣченъ былъ народнымъ творчествомъ и „богатый мѣщанинъ Кузьма Сухорукій сынъ“ съ „удалымъ молодцомъ, воеводушкой княземъ Димитріемъ, по прозванію Пожарскимъ“ за то, что „сражались они за славный Москву-городъ“. Выдѣлены были и Романовы.

Мы уже имѣли случай говорить о пѣснѣ, которою привѣтствовалъ народъ вѣздъ въ Москву патріарха Филарета. Не случайно, конечно, и въ пѣснѣ о гнѣвѣ Грознаго на сына спасителемъ царевича явился бояринъ Никита Романовъ. Избраніе народное почило на Романовыхъ раньше, чѣмъ изъ костромскихъ лѣсовъ былъ вызванъ на царскій

престоль юный Михаилъ Ѳедоровичъ. Въ лицѣ боярина Никиты Романова послѣдніе Рюриковичи черезъ голову Годунова и самозванцевъ подали свою руку будущей династіи, представительницѣ тѣхъ самыхъ государственныхъ началъ, за которыя такъ крѣпко держался народъ, чувствуя, что въ ихъ ростѣ заключенъ прежде всего залогъ народнаго счастья. Особою пѣснью объ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича замыкается народная эпопея о созиданіи московской государственной мощи.

* * *

Прошло около ста лѣтъ, и государство русское, войдя въ возрастъ, возмужало и окрѣпло. Физическая сила народа организовалась и въ новую государственную форму предстояло влить теперь своеобразное содержаніе. Цвѣтъ его опредѣлился еще въ Кіевскую Русь. Благородными надеждами и желаніями никогда не переставалъ свѣтиться взглядъ русскаго народа. Непосредственнаго, свѣжаго чувства былъ у насъ неисчерпаемый родникъ, но инстинктивно вѣрныя мысли не закалились еще до степени вполнѣ сознательнаго убѣжденія. Нужно было для этого пройти образовательную школу и это стало теперь для Руси такой же насущной задачей, какою прежде было образованіе государства.

Суровый былъ данъ намъ учитель въ этой новой „наукѣ славы“. Дубинка Петра гуляла не по однимъ только спинамъ царедворцевъ и бояръ. Ея тяжесть почувствовалъ на своей спинѣ и весь русскій народъ. Петръ со своей жестокой и безграничной прямолинейностью былъ страшнѣе Грознаго. Съ русской неподвижностью, съ русскимъ сномъ и лѣнью боролся онъ безъ пощады: старая московская жизнь со всѣмъ ея домостроемъ безвозвратно отлетѣла въ минувшее вмѣстѣ съ тысячью стрѣлецкихъ головъ, скатившихся съ плахи на Красной площади.

Петръ не зналъ для себя преградъ ни въ чемъ. Родная косность и сосѣдская зависть, равно не желавшія про-

пустить къ намъ западной науки и искусства, одинаково капитулировали передъ его волей. Шведы были отброшены отъ Балтики, и царь и государь всея Руси, побѣдоноснымъ властелиномъ вступая въ Ригу, отплатилъ этой побѣдой Дальбергу за то, что онъ не позволилъ когда-то дворянину Петру Михайлову осмотрѣть рижскую крѣпость. Оставалась Польша. Но, ломая съ Августомъ подковы въ петроковской Равѣ и сгибая одною рукою серебряныя тарелки, Петръ показалъ своему польскому брату, что если онъ и умѣетъ однимъ взмахомъ сабли рубить головы конямъ, то въ силѣ другой, государственной, долженъ склониться передъ „сѣвернымъ медвѣдемъ“: со временъ Петра Польша стала вращаться по путямъ, указаннымъ властною рукою сосѣда. Заборы были проломаны и въ открытыя двери потянулись къ намъ съ запада мастера на всѣ руки и зароилась ими нѣмецкая слобода. А среди этихъ мастеровъ ходилъ съ дубинкою, за всѣмъ наблюдая зоркимъ хозяйскимъ глазомъ, самый главный изъ нихъ,

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,—

самъ Peter.

Стѣны теремовъ, гдѣ скрывалась отъ посторонняго взгляда русская семейная жизнь, распались, и русская боярышня на ассамблеяхъ должна была терпѣливо сносить, какъ какой-нибудь голландскій шкиперъ пускалъ ей прямо въ лицо густые клубы табачнаго дыма, этого еще недавно „богомерзкаго зелья“ по стариннымъ русскимъ понятіямъ. Не понравилось царю, что новый годъ праздновался у насъ въ сентябрѣ—онъ не побоялся народныхъ волненій, приказалъ начинать годъ съ января, и стало по его хотѣнью: не успѣли въ сентябрѣ проводить старый годъ, какъ черезъ 4 мѣсяца, не отпраздновавъ ни Пасхи ни Троицына дня, уже встрѣчали новый. Подрѣзая своими ножницами бороды, преобразователь и умъ нашъ подстригалъ на нѣмецкій манеръ, и хоть трудна была русскому человѣку эта нѣмецкая школа

но понукаемый государевой дубинкой влѣзь онъ въ кургузый нѣмецкій кафтанъ, трескавшійся по всѣмъ швамъ на здоровыхъ и могучихъ плечахъ славянскаго великана. Съ самой природой Петръ не церемонился и на зло наводнениамъ на чухонскомъ болотѣ воздвигъ свой „Парадизъ“. Сына своего казнилъ царь, но дѣло свое сдѣлалъ: расшевелилъ Русь, разбудилъ русскую спячку, все привелъ въ движеніе. Работа закипѣла, и русскій корабль, тяжело колыхаясь, двинулся наконецъ съ доковъ и выплылъ съ свободно развѣвающимся флагомъ на новый, всемірный путь.

Начиная отъ стрѣлецкихъ казней и кончая убійствомъ сына, много при этомъ было такого, о чемъ хотѣлось бы не знать и не слышать. Много жестокости не только лишней, но часто и преступной. Имя Петра останется навсегда пререкаемымъ, но крутой поворотъ, совершенный имъ, былъ повидимому неизбѣженъ. Россія, вѣка проборовшись съ татарами, слишкомъ отстала отъ западныхъ сосѣдей и надо было скорѣе вдвинуть ее въ семью европейскихъ народовъ. Не прихоть руководила Петромъ. Съ прострѣленной шляпой, съ крестомъ на груди, поврежденнымъ отъ пули, жизнью жертвуя за родину, онъ имѣлъ право сказать о себѣ на полѣ Полтавской битвы: „Вы сражаетесь не за Петра, а за государство, Петру врученное. А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія, слава, честь и благосостояніе ея!...“ И народъ понялъ своего государя. Въ свое время, мы знаемъ, его называли „антихристомъ“; изъ раскольничьей среды вышла злая сатира „Какъ мыши kota погребаютъ“, гдѣ подъ именемъ „кота Алабрыса“ выведенъ Петръ, но собственно въ пѣснѣ народной, этой устной своей исторіи, народъ передалъ потомкамъ образъ Петра въ такомъ же свѣтломъ и примирительномъ озареніи, какъ и образъ Грознаго, съ которымъ такъ много у Петра сходства даже въ подробностяхъ.

Тяжелые вздохи народа въ отвѣтъ на заданный царемъ урокъ слышны впрочемъ временами и въ пѣсняхъ:

Ахъ, бѣдныя головушки солдатскія,
 Какъ ни днемъ, ни ночью вамъ покоя нѣтъ!
 Что со вечера солдатамъ приказъ отданъ былъ,
 Со полуночи солдаты ружья чистили,
 Ко бѣлу свѣту солдаты во строю стоятъ,—

но это только жалобы на непривычную и трудную работу.
 Въ пѣснѣ о прорытіи Ладожскаго канала эти вздохи землени-
 народа еще сильнѣе:

Ахъ, далече-далече въ чистомъ полѣ
 Распачется травушка зеленая;
 Унимаешь ее мати земля сырая:
 «Не плачь, не плачь, трава-мурава,—
 «Не одной тебѣ въ чистомъ полѣ тошнехонько,
 «И мнѣ еще того тошиѣ.
 «Какъ ѣхаль государь изъ-подъ Риги,
 «Велѣлъ меня, земляшку, копати
 «И рвы и колодези вырывать,
 «Ключевую воду испускати».

Что не гуси, братцы, и не лебеди
 Со лузей-озеръ подымалися:
 Подымалися добрые молодцы,
 Добрые молодцы, люди вольные
 На каналушку на Ладожскую,
 На работу государеву
 Провожаютъ ихъ, добрыхъ молодцовъ,
 Отцы—матери, молоды жены
 И со мальми со дѣтками.

Провожаютъ и плачутъ. Но даже у матери, которой сынъ-
 стрѣлецъ по приказу государеву идетъ на плаху, не выры-
 вается укора царю:

Ты дитя-ль мое, дитя милое!
 Покорися самъ предъ царемъ своимъ,
 Повинись ему во повинности,—
 Милосерды все цари русскіе,
 Наказавъ, они и пожалуютъ.

Сынъ однако не слушаетъ совѣта матери, „шедши съ гор-
 достью усмѣхается“, и пѣсня прибавляетъ:

Сердце каменно молодецкое,
 Леденѣтъ лишь да упорствуетъ,

На царя дышитъ злобой дерзкою,
Злобой дерзкою, богомерзкою,

Эти послѣдніе эпитеты слишкомъ выразительно говорятъ, на чьей сторонѣ народное сочувствіе.

Вниманіе народа сопутствуетъ Петру съ первыхъ дней его жизни. Съ трогательной нѣжностью, точно баюкая царственного ребенка, народная пѣсня поетъ о томъ, какъ „свѣтель-радошень“ былъ въ Москвѣ при рожденіи царевича Петра Алексѣвича, „перваго императора по землѣ“, „благовѣрный царь Алексѣй царь Михайловичъ“, а съ нимъ и весь народъ:

Всѣ-то русскіе какъ плотники мастера
Во всю ноченьку не спали,
Колыбель-люльку дѣлали
Они молодому царевичу;
А и нянюшки-мамушки,
Сѣнныя красныя дѣвушки
Во всю ноченьку не спали,
Шириночку вышивали
По бѣлому рытому бархату
Онѣ краснымъ золотомъ;
Тюрьмы съ покаянными—
Онѣ всѣ распуцались;
А и погребы царскіе
Они всѣ растворялися.—
У царя благовѣрнаго
Еще пиръ и столъ на радости.

.....
Во весельи, въ радости
Не видали, какъ дни прошли
Для младаго царевича
Петра Алексѣевича,
Перваго императора.

И выросъ молодой соколъ:—

Какъ премудрый былъ царевичъ-отъ хитрый мудрый
Изучился-то онъ скоро Божьей грамотѣ,
Ко всему онъ научился, чему надобно—

и сталъ учить свою Русь.

Въ дѣятельности Петра для народа понятнѣе всего ока-

зался внѣшній моментъ—гигантскія усилія Петра воплотить мысль Ивана Грознаго и пробиться къ морю. Народъ хранитъ въ своихъ пѣсняхъ память о всѣхъ походахъ государя „во ины земли, во ины земли во шведскія, изъ-за шведскихъ-то во турецкія“. Онъ хорошо помнитъ, какъ русскія войска на приступъ шли

Подъ тотъ славный подь Азовъ городъ,
Подъ тѣ стѣны бѣлокаменны,
Да подъ тѣ раскаты подъ высокіе.

Еще чаще ворочается она къ тому міровому поединку, что разыгрался на топахъ и въ лѣсахъ Балтійскаго побережья.

Не двѣ грозныя тучи на небѣ всходили:
Сражались два войска тутъ большія
Что Московское войско со Шведскимъ.

Пѣсни о Борисѣ Шереметевѣ и плѣнномъ шведскомъ маіорѣ — однѣ изъ любимѣйшихъ и распространеннѣйшихъ пѣсенъ народа. Но съ особенной любовью останавливается народное творчество на „полтавской баталіи“, окончательно выдвинувшей Россію на арену общеевропейской жизни.

Разыгралася Полтавска баталья.
Запалитъ Шведская сила
Изъ большого снаряда—изъ пушки.
Запалитъ Московская сила
Изъ мелкаго ружья—изъ мушкета.
Не крупень чеснокъ разсыпался:
Смѣшалася Шведская сила.
Распахана Шведская пашня,
Распахана солдатской бѣлой грудью;
Орана Шведская пашня
Солдатскими ногами;
Боронена Шведская пашня
Солдатскими руками;
Посѣяна новая пашня
Солдатскими головами;
Поливана новая пашня
Горячей солдатскою кровью.

Поэтическое достоинство пѣсни ниже обычнаго уровня. Но

восприимчивость народа къ историческимъ событіямъ не уменьшилась.

Безконечно труднѣе было для народа разобратъся въ сложной внутренней дѣятельности Петра, которая и теперь—спустя 200 лѣтъ—служить для насъ предметомъ оцѣнокъ, разнообразныхъ до полной противорѣчивости. Народъ коснулся ея только слегка. Всѣ преобразования сложились въ умѣ народа въ одно понятіе „вѣры новой, нонѣшней“ въ противоположность „вѣрѣ дѣдовой“. Записанная недавно Марковымъ на Бѣломорскомъ побережьи любопытная былина о семейной жизни Петра рисуется намъ это своеобразное преніе новой „вѣры“ со старинною, причемъ, представителемъ послѣдней согласно исторіи является сынъ государя, царевичъ, котораго народная пѣсня вмѣсто Алексѣя Петровича окрестила Ѳеодоромъ.

Пѣсня рассказываетъ о дѣтствѣ Петра, его женитьбѣ на „Настасѣ Королевичѣ“, о томъ, какъ не захотѣлъ онъ жить въ „каменной Москвѣ“ и выстроилъ себѣ съ женою „Питенбурхъ“, какъ наконецъ родился у него и выросъ сынъ. Тутъ, какъ въ пѣсняхъ о Грозномъ, появляется старый мотивъ измѣны. Стали говорить Петру „люди премудрые“:

Ужъ ты гой еси да нашъ ты бѣлый царь!
Хоть растеть-то у тебя, твое-то чадо милое,
Твое мило растеть чадышко любимое,—
Онъ вѣдь сдѣлать-то тебѣ, вѣрно, измѣнушку.
Онъ вѣдь будетъ править вѣрушку старинную,
Онъ старинну будетъ вѣру богомольную,
Богомольну хранить вѣрушку спасѣную.

Не повѣрилъ царь боярамъ. Изъ собственныхъ устъ сына захотѣлъ онъ услышать слово правды. И царевичъ не таится передъ отцомъ: ему было видѣніе, предстали ночью два ангела-хранителя и сказали:

Когда будешь жить-то ты, царемъ царить,
Не держи-ка ты не варуй вѣры папиной,
Ты не варуй-ка еще да вѣры дѣдовой;

Обрати-ко ты вѣдь вѣрушку себѣ назадъ,
Ты повѣруй-ко се въ вѣру-ту все въ правѣдка.

Петру „показалось это въ досадушку“ и онъ посадилъ на слѣдника „въ темницу на трои на суточки“, не „повѣруетъ“ ли онъ въ „вѣру нонѣшну“. Но царевичъ непреклоненъ и голова его спадаетъ съ плечъ. Поэтическимъ плачемъ провожаетъ его въ могилу мать:

Какъ потухла-то у мня свѣча все воску ярого,
Со восточну-то стороночку упала съ неба звѣздочка,
Укатилась-то у мня да виноградинка,
Виноградинка моя да сладка ягодка!

Похоронилъ царь молодого царевича, а мать его приказалъ свезти въ монастырь и постричь въ монахини. Жизнь Петра „повелась съ тѣхъ поръ не на радости“. Народъ не спасъ для него сына, какъ раньше вопреки исторіи спасъ отъ сыноубійства Грознаго, но, молчаливо оставляя безъ прямой оцѣнки одинъ изъ самыхъ скользкихъ моментовъ въ дѣятельности Петра, онъ однако не кончаетъ этимъ пѣсни. Вскорѣ мы уже видимъ государя плотникомъ, бодро сколачивающимъ русскій государственный корабль со своими товарищами, а кушанье плотникамъ готовить „вдова прекрасная по имени-то все Екатерина-та изъ отечества была все Алексѣевна“ и на ней женился государь. Послѣдняя нота пѣсни—клики свадебнаго веселья, торжественная встрѣча новой жизни, основанной на вѣрѣ уже не дѣдовой, а „нонѣшной“. Народъ вѣрнымъ чутьемъ поэтической правды мирится и здѣсь съ переворотомъ, совершеннымъ Петромъ.

Умираетъ Петръ.

У Ивана у Великаго у собора у Успенскаго
Ударили въ большой колоколь,
Раздается звонъ по матушкѣ по сырой землѣ:
Померъ, померъ у насъ, братцы, бѣлый царь,
Бѣлый царь, Петръ Первый.

И, какъ вѣкогда послѣ смерти Грознаго, „у гробницы государевой“ разносится плачь народный:

Ахъ, ты батюшка свѣтель мѣсяць!
 Что ты свѣтишь не постарому,
 Не по старому и не попржнему,
 Не во всю землю святорусскую,
 Что со вечера не до полуночи,
 Со полуночи не съ бѣла свѣта,
 Все ты прячешься за облаки,
 Закрываешься тучей темною?

Подымайтесь, вѣтры буйные,
 Разнесите снѣги бѣлые,
 Своротите бѣль-горючъ камень!
 Разступися, мать-сыра-земля,
 Ты, раскройся, гробова доска,
 Распахнися, золота парча!
 Встань-проснися, православный царь,
 Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
 Посмотри, сударь, на свою гвардію,
 Что на гвардію да на всю армію.
 Всѣ полки ужъ во строю стоятъ,
 Всѣ полковнички при своихъ полкахъ,
 Подполковнички на своихъ мѣстахъ
 Всѣ маіорушки на добрыхъ коняхъ,
 Капитаны передъ ротами,
 Офицеры передъ взводами,
 А и прапорщики подъ знаменами;
 Дожидають они полковника,
 Что полковничка Преображенскаго,
 Капитана бомбардирскаго.

Но не дождаться имъ своего капитана. Да и не надо. Онъ уже сдѣлалъ свое дѣло: корабль, сдвинутый мощною рукою „державнаго шкипера“, смѣло пошелъ по фарватеру и не разбился, несмотря ни на непроглядную тьму Бироновщины ни на подводныя скалы дворцовыхъ переворотовъ. А вмѣстѣ съ силой русской выросло и русское просвѣщеніе. Разъ пробужденной, мысли народа не уснуть! Не стало Петра: она засіяла въ головѣ геніальнаго крестьянина Посошкова, засвѣтилась яркимъ свѣтомъ у другого мужика, на дальнемъ Поморьѣ возросшаго Ломоносова, тамъ и сямъ стали вспыхивать отъ этого сіянія звѣзды русскаго сознанія, освѣщая мракъ окружающей ночи, пока наконецъ въ созданіяхъ Пушкина не появился передъ нами русскій

умъ во всей своей полнотѣ и особенности. Школьный нѣмецко-французскій мундиръ былъ отложенъ въ сторону за ненадобностью. Ученикъ вошелъ полноправнымъ гражданиномъ въ семью европейскихъ народовъ. Вслѣдъ за созданіемъ государства возникло русское общество и, раньше смутная, хотя и вѣрная, мысль народа мало-по-малу выросла въ общественное мнѣніе.

* * *

Прошло еще сто лѣтъ и въ 1812-мъ году, когда Наполеонъ, или, какъ его называетъ народная пѣсня,

Франецъ Поліонъ,
Поліончикъ парень молодой,

ступилъ съ „двадцатью языками“ на русскую землю и всколыхнулось море народное, передъ лицомъ Европы, приведенной на Русь императоромъ французовъ, встало уже не правительство только съ темной массою непробужденнаго народа позади, а весь народъ, объединенный единымъ чувствомъ, единой мыслью. „Утлый чолнъ“ Наполеона разбился не объ одну только твердыню вѣры, какъ говорилъ Тютчевъ, но и о другую, новую святыню—сознанной народности, ибо одно и то же гражданское чувство забилося у царскосельскихъ юношей, которые изъ оконъ лица съ завистью смотрѣли на войска, что умирать шли мимо нихъ, и у простыхъ деревенскихъ бабъ, съ вилами въ рукахъ выходившихъ „на француза“. Въ дыму московскаго пожара, съ бородинскихъ полей, залитыхъ кровью народною, встала идея *отечества* и, хотя всего только двѣнадцать лѣтъ тому назадъ указомъ императора Павла были изгнаны изъ русскаго обихода слова „отечество“ и „гражданинъ“, война 1812 года въ памяти народной была навсегда отмѣчена именемъ „отечественной“. Призванная къ жизни Петромъ русская литература сдѣлала свое дѣло. При императрицѣ Аннѣ въ 40-хъ годахъ XVIII вѣка Тредьяковскій черезъ всю залу ползъ на четверенькахъ къ

креслу Бирона, держа для него въ зубахъ похвальную оду, а черезъ двадцать лѣтъ Ломоносовъ уже говорилъ: „не токмо у стола знатныхъ господъ и земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но и у самого Господа Бога, который далъ мнѣ разумъ, пока развѣ отниметь“. Встало съ колѣнъ и благородно подняло голову чувство личного достоинства, безъ котораго нѣтъ и достоинства народнаго. Заговорилъ гражданинъ. Послѣдовавшія за 1812 годомъ событія дали крѣпкій закалъ вновь народившейся общественной силѣ. Нѣкогда Петръ посылалъ избранныхъ бояръ за границу учиться. „Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы“, Александръ I въ лицѣ русскаго войска мимовольно выслалъ въ Европу на обученіе всю Русь. На крыльяхъ побѣды послѣ знакомства съ Западомъ прилетѣло къ намъ сознаніе родныхъ неустройствъ, жажда обновленія. Широкія общественныя теченія залили Русь, охватили молодежь и раздался ея юный, смѣлый и благородный голосъ, обращенный къ будущему Царю-Освободителю:

..... Для полуночной державы
 Довольно лавровъ и побѣдъ,
 Довольно громозвучной славы
 Протекшихъ незабвенныхъ лѣтъ.
 Быть можетъ, отрокъ мой,
 Корона тебѣ назначена Творцомъ;
 Люби народъ, чтѣ власть закона,
 Учись заранѣ быть царемъ.
 Дай просвѣщенные уставы
 Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ,
 Науками очисти нравы
 И вѣру укрѣпи въ сердцахъ.
 Люби гласъ истинны свободной,
 Для пользы собственной любви,
 И рабства духъ неблагородный—
 Неправосудье истреби.
 Будь блага подданныхъ ревнитель;
 Оно есть первый долгъ царей;
 Будь просвѣщенья покровитель:
 Оно надежный другъ властей.
 Старайся духъ постигнуть вѣка,

Узнать потребность русскихъ странъ;
 Будь человѣкъ для человѣка,
 Будь гражданинъ для согражданъ ¹⁾.

Дѣло четырнадцатаго декабря отдалило преобразованія, на тридцать лѣтъ затянувъ тучами русское небо, но оно не могло имъ помѣшать. Второй Александръ осуществилъ чаянія и надежды, возбужденныя первымъ. Освобожденіе крестьянъ начало собою новую эру въ народной жизни. Рамки созданной народомъ крѣпкой государственности начали наполняться живымъ содержаніемъ, и все яснѣе и яснѣе стало выступать въ нихъ лицо русскаго народа.

Оцѣнить въ полномъ объемѣ смыслъ всѣхъ этихъ событий устному народному творчеству было, конечно, не по силамъ. Сами событія еще недостаточно окристаллизовались, да и все, что было наиболѣе сознательнаго въ народѣ, стало отливать къ верхамъ. Но наиболѣе существенное и теперь не перестало останавливать на себѣ вниманіе народнаго творчества. Оно помнитъ, какъ

Черезъ рѣчку за рѣку взбулиралася волна,
 Взбуливалася волна: подымалася у насъ война,
 Подымалася вся французская земля.
 Сквозь Россіюшку она прошла,
 Въ Москву-городъ зашла:

Не пыль во полѣ пылить,
 Не дубровушка шумить,—
 Французъ съ арміей валить.
 Онъ валить-таки, валить,
 Самъ подваливаетъ;
 Самъ подваливаетъ,
 Рѣчь выговариваетъ:
 Еще много генераловъ,—
 Всѣхъ въ ногахъ стопчу;
 Все Матушку-Россеюшку
 Во полонъ себѣ возьму;
 Въ каменну Москву зайду,
 Я со вашихъ со церквей
 Кресты-главы пособию.

¹⁾ Стихи Рылѣева.

И „въ поворотъ“ врагу отвѣчаетъ словами пѣсни народное чувство:

Не бывать тебѣ, злодѣю,
Въ нашей каменной Москвѣ!
Не видать тебѣ, злодѣю,
Бѣлокаменныхъ церквей;
Не стрѣлять тебѣ, злодѣю,
Золотыхъ нашихъ крестовъ!

Въ другой пѣснѣ, вспоминая про разореніе московской дороги, народъ сопоставляетъ свое, родное съ чужимъ, Парижъ съ Москвой и, разумѣется, отдастъ предпочтеніе послѣдней:

Разорена путь-дороженька
Отъ Можайска до Москвы:
Еще кто ее ограбилъ?
Непріятель воръ французъ.
Разоримши путь-дорожку,
Въ свою землю жить пошелъ,
Къ Парижу подошелъ;
Не дошедши до Парижа
Сталъ хвалиться Парижомъ.
«Не хвались ты, воръ-французъ,
Своимъ славнымъ Парижомъ!
Какъ у насъ ли во Россіи
Есть получше Парижа:
Есть получше, посланнѣе
Распрекрасна жизнь, Москва,
Распрекрасна жизнь, Москва.

Здѣсь простодушно и грубовато-хвастливо высказалось то, чего недоставало нѣмецкому генералу, естествоиспытателю Форстеру, который ввѣренную ему для защиты крѣпость сдалъ въ 1806 году безъ боя французамъ потому, что видѣлъ въ нихъ людей высшей сравнительно съ нѣмцами культуры—чувство пробужденной народности. Объ это чувство разбилась волна Наполеонова нашествія и на крайнемъ Западѣ Европы у стѣнъ Сарагоссы и на востокѣ, гдѣ за неимѣніемъ горъ встрѣтила враговъ грудь русскаго мужика. Объ него же всегда разбивались и будутъ разбиваться объединительно-завоевательные планы, потому что, какими

бы приманками ни прельщала человека „высшая культура“, она никогда его не удовлетворитъ, разъ она не признаетъ за его народомъ права на существованіе.

Пѣсни о томъ, какъ

Во двѣнадцатомъ году
Объявилъ Французъ войну,

не замкнули собой круга народнаго творчества. Существуютъ пѣсни и о турецкихъ войнахъ при императорѣ Николаѣ, и о польско-русской кампаніи 1830 года, и о всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ русской жизни до самаго послѣдняго времени, не исключая русско-японской войны. Мы слышали, что на Волгѣ поется уже пѣсня о гибели Петропавловска.

Скупѣе отозвалось народное творчество на событія русской внутренней жизни. Здѣсь за послѣднее столѣтіе слышалась всего чаще одна только нота—стонъ народнаго горя. Народился онъ не въ наши дни. Стонъ этотъ слышался издавна и не онъ ли былъ подкладкою безудержно-отчаянной удали любимыхъ народомъ пѣсенъ разбойничьихъ о Стенькѣ Разинѣ и позднѣе о „добромъ молодцѣ Емельянѣ казакѣ“? Жалобы народныя слышались и въ солдатскихъ пѣсняхъ XVIII-го вѣка о блестящихъ побѣдахъ „екатерининскихъ орловъ“:

Вы подайте-ка, ребята, листъ бумаги гербовой,
Напишу я такую вѣрность государынѣ самой,
Князь Румянцевъ генералъ много силы издержалъ,
А Потемкинъ генералъ въ своемъ полку не бывалъ,
Въ своемъ полку не бывалъ, всеё силу растерялъ,
Кое прожилъ-промоталъ, кое въ карты проигралъ.

Ихъ записалъ изъ устъ народа нашъ Пушкинъ, когда при Александрѣ I-мъ Аракчеевъ сталъ заводить военныя поселенія и, отрывая крестьянъ отъ сельской работы, цѣлыми отрядами выгонялъ ихъ на починку дорогъ:

Аракчеевъ господинъ
Всю Россію разорилъ,

Солдатъ голодомъ поморилъ,
Дороженьки проторилъ,
Бѣдныхъ людей прослезилъ.

Наконецъ, отъ частныхъ событій и лицъ обращаясь къ повседневной дѣйствительности, народъ горько жаловался и на всю свою многотрудную крѣпостную жизнь. Въ собраніяхъ Шейна есть пѣсня, гдѣ крестьяне, поглядывая издали на барскую усадьбу, съ завистью смотрятъ на дворовыхъ людей:

Господа наши бояре
На работу рано гонять,
Съ собой хлѣба даютъ мало.
Хорошо лакеямъ жить
Во господскомъ во дому:
Лакей пашеньки не пашетъ,
Косы въ руки не беретъ
И оброку не даетъ.

Но и дворовые не уступаютъ и въ другомъ разночтеніи той же пѣсни обращаютъ къ крестьянамъ слова укоризны:

Ахъ, вы, глухие крестьяне,
Поживите-ка вы съ нами!
Ужъ и нѣтъ хуже на свѣтѣ,
Какъ двороваго житье:
Куда крикнуть—бѣги скоро,
Чтобы дѣло было споро.
Обернулся назадъ,
А мнѣ палкою грозятъ.
У насъ завтра, братцы, праздникъ,
Надо намъ погулять.
Погуляли молодцы
Что до утра до зарю.
Пришли домой по утру,
Припасъ баринъ по кнуту.
Ужъ мы стали оправдаться,
А велятъ намъ раздѣваться,
Рубашечки скинемъ съ плечъ,
Велитъ баринъ больно съчъ.

И, соединяясь вмѣстѣ, оба хора въ одинъ голосъ говорятъ:

Ахъ, ты барская душа,
Али нѣтъ тебѣ суда?

Чуткимъ слухомъ избранные люди въ барскихъ усадьбахъ уловили этотъ стонъ народнаго горя, и русская литература, едва успѣла народиться, какъ уже стала вѣрнымъ отзвукомъ народныхъ страданій, горячимъ призывомъ къ освобожденію крестьянъ. Начиная отъ Сумарокова и кончая Тургеневымъ, Григоровичемъ, Некрасовымъ, она немолчно поднимала свой голосъ въ защиту крестьянства, пока наконецъ не настала надъ крѣпостнымъ правомъ судъ исторіи. 19-е февраля 1861 г. открыло новый періодъ въ жизни русскаго народа: царь „сдвинулъ рабскій образъ съ челоуѣка и возвратилъ семьѣ меньшую братію“.

Къ удивленію на этотъ коренной переворотъ народное творчество, обыкновенно столь чуткое, откликнулось очень слабо. Только области, входившія нѣкогда въ составъ польской Рѣчи Посполитой, отозвались на великое дѣло Царя-Освободителя пѣсней благодарности. Великорусское крестьянство молчало. Оттого ли, что великороссъ съ его независимымъ и мужественнымъ характеромъ принялъ волю, какъ должную и справедливую уплату за вѣковую несправедливость? Оттого ли, что, получивъ свободу личную, крестьянинъ продолжалъ во всей своей жизни зависѣть отъ барина и тяжелымъ кошмаромъ давить и давить его гнетъ вѣчнаго недоѣданія и безпросыпной нужды? Кто это знаетъ! А можетъ быть, какъ пѣсни о созданіи Москвы прикрѣпились къ Грозному, такъ и теперъ „непогодами-невзгодами повитая“ пѣсня русская ждетъ еще времени и лица, чтобы разлиться по широкому простору родной земли раздольемъ воли и побѣдъ. Можетъ быть, наконецъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ неизбежнымъ явленіемъ роста и по мѣрѣ расширенія общенароднаго сознанія устная народная пѣсня, падая качественно и количественно, осуждена на вымираніе? Трудно дать опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Но, каковъ бы ни былъ этотъ отвѣтъ, мы можемъ быть спокойны за народъ нашъ и наше будущее. У насъ уже выработался теперъ особый органъ всенароднаго сознанія,

создалась богатая, смѣлая и независимая литература. Безпрестанно пополняемая народными силами, она въ свою очередь дѣйствуетъ уже на весь народъ и стала живымъ отголоскомъ его стремлений. И пусть даже совсѣмъ замреть у насъ творчество устное;—народъ уже выслалъ намъ изъ своихъ глубинъ Ломоносовыхъ, Кольцовыхъ, Никитиныхъ. Вышлетъ и другихъ! Все шире становится кругъ образованности, все большіе и большіе круги втягиваетъ въ себя водоворотъ умственной жизни. Жаждой правды проникнута вся наша литература. Навстрѣчу дѣлу общенародному самоотверженно рвется и рвалась наша молодежь. Лишь бы только не угасали въ насъ идеалистическіе порывы, лишь бы не замолкалъ бодрящій шумъ работы! Живая и немолчная пѣсня дѣла не можетъ не вызвать пѣсни слова.

XV.

Здѣсь мы могли бы кончить. Но великорусскими историческими пѣснями не исчерпывается сокровищница исторической поэзіи русскаго народа. Русскій югъ создалъ свою поэзію, которая какъ и великорусскія пѣсни о созданіи Москвы, служить непосредственнымъ продолженіемъ былинъ.

Былины—общерусское народное достояніе. Сохраненныя для русскаго народа дальними великорусскими сѣверянами, онѣ поютъ о старомъ русскомъ югѣ, о стольномъ Кіевѣ, возбуждая пѣнь воспоминаній, одинаково близкихъ сердцу каждаго русскаго, будь онъ родомъ изъ-подъ Полтавы или изъ-подъ Москвы. Слышится въ нихъ единое, общерусское чувство, единая, обще-русская мысль. Былины—это звено, соединяющее неразрывно нашъ Сѣверъ съ нашимъ Югомъ, Русь Великую съ Русью Малою.

Но тамъ, гдѣ можно говорить о соединеніи, необходимо предположить и нѣкоторую раздѣльность. Исторической волной общее въ началѣ русло русской жизни въ XIII—

XIV вѣкѣ разбилось на два рукава. Надъ Галичемъ и любимымъ городомъ Данилы, Холмомъ, раскинулъ свои крылья бѣлый польскій орелъ, а православный звонъ церковей старой Вильны и родной русскій языкъ въ виленскомъ замкѣ, въ судѣ и управленіи скоро притянулъ къ себѣ всю сѣверо-и юго-западную Русь. Смятая татарами, раздробленная на части, раздираемая боярскимъ властолюбіемъ, она отдалась безъ особеннаго сопротивленія Литвѣ и Польшѣ и отнынѣ зажила надолго особою жизнью.

Старая народная связь не была порвана вполнѣ никогда. Литовская граница стояла открытой. Князья и бояре то и дѣло переѣзжали изъ Москвы на Литву, изъ Литвы въ Москву. Кіевскими источниками питалось юное московское просвѣщеніе: изъ Кіева вышли Полоцкій, Смотрицкій, Епифаній Славинецкій. Съ другой стороны и Москва, гдѣ въ 1564-мъ году была отпечатана первая русская книга, выслала во Львовъ своего перваго печатника, Ивана Ѳедорова. Но новыя политическія тяготѣнія создавали и новые, раздѣльные интересы. Особенныя условія колонизаціи, смѣшеніе сѣверянъ съ финнами, южанъ со степными народами приложили сюда свою разъединяющую руку и, какъ непосредственный отзвукъ жизни, создалась на юго-западѣ и своя особенная поэзія. Это—малорусскія думы. Онѣ имѣютъ такое же право на мѣсто въ исторіи русской словесности, какъ и наши великорусскія историческія пѣсни, смѣнившія былины. Это два рукава одного и того же потока.

Сохранили ихъ для насъ слѣпые нищіе, что на малоросійскихъ ярмаркахъ подъ звуки кобзы—родъ своеобразнаго музыкальнаго инструмента—или лиры пѣснями добывали и добываютъ себѣ кусокъ насущнаго хлѣба. Какъ нѣкогда скороходы, и они имѣютъ свои особыя школы пѣнія, свою традицію. Но вслушиваясь въ ихъ пѣсни, какъ и вообще въ малорусскую поэзію, мы напрасно бы искали тамъ повторенія былинныхъ сюжетовъ. Есть, правда, дума объ Олексѣѣ Поповичѣ, но по содержанію она ничѣмъ не напоминаетъ

подвиговъ Алеши Поповича. Есть галицко-волянскія пѣсни о кievскомъ сердцеѣдѣ Чурилѣ:

Ішов Журило з міста,
За ним дівочок триста;

попадаются, наконецъ, въ колядкахъ, что распѣваютъ малороссійскіе хлопцы на Рождество, тускляя воспоминанія объ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ, о княжеской дружинѣ и походахъ, но это такіе слабые отголоски, что ихъ и въ счетъ брать не приходится.

Единственнымъ болѣе значительнымъ совпаденіемъ съ великорусскими былинами является записанный П. А. Кулишомъ малорусскій разсказъ о томъ, какъ малолѣтній кievскій богатырь Михайликъ поднялъ копьемъ своимъ золотыя кievскія ворота и, невредимо проѣхавъ черезъ обложившее Кіевъ татарское войско, уѣхалъ въ Царьградъ, гдѣ, какъ говоритъ легенда, остается и донинѣ, ожидая случая воротиться въ Кіевъ. Схема этого разсказа несомнѣнно повторяется въ великорусскихъ былинахъ о Михаилѣ Даниловичѣ.

Но, уѣхавъ въ Царьградъ, Михайликъ точно увезъ съ собою и память о событіяхъ кievскаго періода русской исторіи. Прошлое потонуло въ вихрѣ новой кипучей жизни, полной блеска, движенія, драматизма, которыхъ мало было въ жизни великорусской. Москва думала свою крѣпкую думу тихо; южной Руси и думать было некогда при вѣчной борьбѣ, при неустанныхъ походахъ. Москва ушла въ себя, сосредоточивалась, копила силы для будущаго; южная Русь была занята настоящимъ, и тысячью брызгъ разлеталась во всѣ стороны ея удалъ, силы тратились безъ разбора. Москва для созданія государства пожертвовала личной свободой; южная Русь, недисциплинированная, вѣчно волнуемая, вѣчно зыбкая, дала полный просторъ личному произволу; во всю развернулась ея безудержная отвага. И вотъ почему и поэзія великорусская спокойнѣе, яснѣе, величавѣе; ея те-

ченіе ровно и плавно, тогда какъ въ малорусской больше чувства, больше огня и страсти, но вмѣстѣ съ тѣмъ больше раздражительности, ибо не могла не сказаться въ ней горечь бѣдствій, выпавшихъ на долю малорусскаго народа.

Ходячая исторія не записала многого изъ этихъ страданій на свои холодныя страницы, но они крѣпко врѣзались въ память народную и кровью записаны въ пѣсняхъ и думахъ козацкихъ XVI и XVII вѣка. Набѣги татарскіе, борьба казачества за вѣру христіанскую, неволя турецкая и еще худшая, можетъ быть, неволя у себя дома, угнетеніе народа евреями-арендаторами, польской шляхтой и правительствомъ, которое скоро забыло про свѣтлыя преданія Гедиминовичей и первыхъ Ягеллоновъ — вотъ содержаніе этой поэзіи, озаренной багровымъ заревомъ пожаровъ, сложившейся подъ шумъ бранной сѣчи, подъ стонъ уводимыхъ татарами плѣнниковъ.

Чому, кури, не пієте,
Чому, люде, не чуєте?

спрашиваетъ одна изъ пѣсенъ. И отвѣчаетъ:

Турки село зоевали,
Громадами людей гнали.

Въ XVI, въ XVII вѣкѣ нельзя было казаку спокойно выѣхать въ степь ни за рыбой, ни за звѣремъ: тамъ поджидали его татары, для которыхъ человѣкъ—ясырь—былъ самой лучшей и желанной добычей. Вчитайтесь въ свидѣтельства хроникъ Бѣльскаго и Стрыйковскаго о татарскихъ набѣгахъ, вдумайтесь въ краснорѣчіе приводимыхъ имъ цифръ, и оно ужаснетъ васъ. Не десятками, не сотнями, а тысячами угоняли плѣнныхъ татары, опираясь позади на силу засѣваго съ 1475 года въ Царьградѣ турецкаго султана. Въ 1516 году было выведено изъ Червонной Руси 5000 человѣкъ, въ 1537-мъ изъ Волыни 1500, въ 1575 году изъ Червонной Руси, Волыни и Подоліи 55,340 человѣкъ,

до 40 тысячъ коней и около полумилліона скота. Въ 1589, 1593, 1640 году набѣги повторились. Татары заходили и въ „Московію“ и, по свидѣтельству Герберштейна, однажды вывели оттуда болѣе 800,000 плѣнныхъ. „Одинъ еврей, мѣняла—читаємъ у одного очевидца-литвина,—сидя у воротъ Тавриды и видя безпрестанно безчисленное множество привозимыхъ туда плѣнниковъ нашихъ, спрашивалъ у насъ, остаются ли еще люди въ нашихъ сторонахъ, или нѣтъ, и откуда ихъ такое множество“. Въ 1653 году, послѣ Жванецкаго мира Польши съ татарами, бѣдствіе достигло страшныхъ размѣровъ:

Зажурилась Украина, що нигде прожити:
 Геѣ витоптала орда кіньми маленькі діти,
 Ой маленьких витоптала, великих забрала,
 Назад руки постягала, під хана погнала.
 За річкою вогні горять,
 Тамъ татари полон ділять.
 Село наше запалили
 И богатство разграбили,
 Стару неньку зарубали,
 А миленьку в полон взяли.
 А в долині бубны гудуть,
 Бо на заріз людей ведуть:
 Коло шиї аркан вьэця,
 И по ногах ланцух бьэця.

Раскаленнымъ желѣзомъ выжегши предварительно тавро на лбу и щекахъ плѣнниковъ, татары окружали ихъ цѣпью верховыхъ и гнали въ Крымъ, подхлестывая нагайками, а въ Крыму ихъ ждали ужасы рабства. Въ Каффѣ, теперешней Феодосіи, тогда слышшей подъ именемъ Крымскаго Стамбула, каждый день на рынокъ выводилось до 30,000 невольниковъ. „Этотъ городъ—пишетъ современникъ—ненасытная и незаконная пучина, кровь нашу пьющая“. Прикованныхъ другъ къ другу около шеи рабовъ по десяткамъ гуськомъ гнали на продажу, и надсмотрщикъ громко выкрикивалъ, расхваливая свой товаръ: „рабы свѣжей доставки, самаго лучшаго сорта, изъ народа Королевскаго, а не Московскаго,

простые, нехитрые!" Обильно плодились стада перекопскія, но рабами татары были еще богаче; ими расплачивались они за все, въ обмѣнъ на нихъ покупали себѣ лошадей, ихъ держали у себя для потѣхи, а негодныхъ для продажи или для работы, недужныхъ, слабыхъ и стариковъ, по словамъ Герберштейна, все равно какъ зайцевъ молодымъ собакамъ, отдавали своимъ юношамъ, которые учились на нихъ военному дѣлу, побивали ихъ камнями или бросали въ море.

Стонъ и вопли продаваемыхъ въ рабство невольниковъ жаждой мести зажигали козацкія сердца, и на долгіе годы всталъ надъ черноморскими степями кровавый призракъ войны народной и религіозной, за вѣру православную противъ „басурманъ“:

Ой сідлай, хлопче, коня, поїдемо въ чисто поле,
Поїдемо полювати, татароньків здогоняти!

Ополчалась вся Украина; шли и старые и молодые. „Ще по долинахъ води стоять, по городахъ маки цвітуть — поеть пѣсня—

Та тожь не маки, то й козаки,
То козаки у Кримъ идуть.

Набѣги на Крымъ устраивали и русско-польскіе магнаты, Лянцкоронскій, Дмитрій Вишневецкій, князь Богданъ Рожинскій. Противъ татаръ рвался всякій, въ чьей груди жило казацкое сердце молодецкое, въ комъ кипѣла сила молодая, кого разъ опьянила упоительная музыка пуль, блескъ рубящихъ направо и налево сабель, горячая схватка рукопашнаго боя. Шла и „голь казацкая“, тѣ, у кого шапка была „травкою шита, вѣтромъ подбита“, но кто не боялся ни огня, ни меча, ни болота и надѣялся наполнить бездонные карманы казацкихъ шароваръ золотыми турецкими дукатами. Состраданіе и жажда мести, отвага и корыстолюбіе, разгуль и благочестіе—все смѣшалось въ одинъ дикій и нестройный крикъ войны. И напрасно въ пѣснѣ мать старается отгово-

рять сына отъ похода. Не удержать въ гнѣздѣ молодого сокола, который почувствовалъ мощь подроставшихъ крыльевъ:

«Соколоньку синку, чини мою волю:

Продай коня вороного, вернися до дому.»

— Соколихо мати, коня не продати,

Мому коню вороному треба синьця дати.

«Соколоньку синку, риб намъ не ловити,

Ничого намъ їсти, голодом сидїти.»

— Соколихо мати, пусти погуляти,

Буду гулять да гуляти, доленьки шукати.

«Соколоньку синку! хибаж тепер время?»

— Время, мати, время! орлу раз то время.

Ой привезу, мамо, тобі три жупани,

Да всі тї три жупани всі сріблом поткани;

Ой між тїми один жупан із самого хана.

Ой, прощай же, моя мамо, пїйду я до хама.

Хроники полны извѣстій о казацкихъ вторженіяхъ въ Крымъ. Въ тотъ самый страшный 1575-й годъ, когда татары увели изъ Украины многотысячную толпу плѣнныхъ, Рожинскій вторгся въ Крымъ и опустошилъ его безпощадно. На слѣдующій годъ при новомъ набѣгѣ онъ снесъ до основанія цѣлый турецкій городъ, не оставивъ по немъ и слѣда. Въ началѣ XVII вѣка была взята самая Каффа. Въ 1621 году Хмельницкій овладѣлъ турецкими каторгами. Въ 1624 году казаки появились у самага Босфора, въ 1633 году съ моря налетѣли на Азовъ. Страшны были эти вторженія. Татары, совершая свои набѣги на Украину, щадили по крайней мѣрѣ жизнь человѣческую: имъ нуженъ былъ ясырь. Для казака жизнь татарина была ни почемъ. Развѣ ужъ очень былъ знатенъ плѣнникъ и можно было получить за него большой выкупъ. Въ дикой ярости боя забыть былъ южной Русью завѣтъ стараго хресьянина Ивана Тимошеевича не мыслить зломъ на татарина, и потомки Ильи Муромца, отпустившаго когда-то на волю басурманскихъ царевичей, могли смѣло спорить въ жестокости съ самими татарами. „Казаки—пишетъ въ одномъ мѣстѣ Бѣльскій—все жгли и никого въ живыхъ не оставляли, даже дѣтей сажали на колъ“.

Вглядываясь однако въ эти страшныя и кровью забрызганныя страницы, не слѣдуетъ забывать и положительной стороны казачества. При всей своей некультурности запорожскіе „лыцари“ въ теченіе трехъ столѣтій были защитниками культуры, труда, независимости народной, а слѣдовательно и общечеловѣческаго прогресса. Ихъ вѣковой поединокъ съ турецко-татарскою силою былъ такою же самою борьбою „за крестъ честной и свободу золотую“, которую вели южные славяне, съ тою только разницей, что сербы и болгары не выдержали и надолго склонили свои головы подъ ударами турецкаго ятагана, а запорожцы грудью своей отстояли и Русь и Польшу. Бывало, только надвинется осень, а они уже запасаются прѣсной водой и соленою рыбою, готовятъ свои длинныя, изъ одной ивы или липы выдолбленныя лодки и, наставивъ паруса и быстрымъ взмахомъ весель разсѣкая воду, уже несутся внизъ по Днѣпру, спѣша къ морю, гдѣ стояли у Очакова на стражѣ турки. И не уйти неповоротливой турецкой галерѣ, еслибъ даже она и попыталась, отъ легко скользящей по волнамъ запорожской „чайки“. Въ полночь, когда тяжкая мгла залегала на морѣ и всѣ спали, вдругъ раздавался оглушительно-дикій кличъ брани, и отъ 80 до 100 казацкихъ лодокъ—по пятидесяти человѣкъ въ каждой—окружали галеру. Какіе-нибудь полчаса,—и уже запорожцы

Турків яничар в пень рубали,
Которих живих в Чорнее море бросали,
А галеру на пожар спускали.

И начинался дѣлежъ добычи, которую на три части „паевали“:

Первую часть брали, на церкви накладали,
На Святого Межигорського Спаса,
На Трехтемировський монастир,
На Святую Січовую Покров давали,
Щоб за їх, вставаючи и лягаючи,
Милосердога Бога благали.
А другуу часть по-між собою паевали;
А третью часть брали,

Очеретами сідали,
 Пили та гуляли,
 Із семип'ядних пищалей гремали.

Такъ даже въ разгулѣ и кликахъ самаго разнузданнаго веселья не забывали „лыцари“ Запорожья о своей роли защитниковъ вѣры христіанской.

Но не всегда удачей кончался набѣгъ. Случалось, что и запорожцы попадали въ неволю и тогда приходилось имъ испытать на себѣ всѣ муки турецкой каторги. Ихъ запрягали въ повозки вмѣстѣ съ ослами и мулами, а надсмотрщикъ шелъ сбоку, подстегивая ихъ бичомъ, осыпая за каждый промахъ проклятіями, за каждую оплошность вырывая изо рта кусокъ черстваго хлѣба. На ночь по веревочной лѣстницѣ спускали ихъ въ подземныя круглыя тюрьмы около 5 локтей въ діаметрѣ и три локтя въ длину, а сверху отверстіе прикрывали желѣзной плитой. Тамъ они лежали другъ на другѣ. Вся пища ихъ состояла изъ фунта чернаго ячменнаго хлѣба да нѣсколькихъ оливокъ. Впрочемъ, по словамъ одного изъ современниковъ, кормили ихъ и мясомъ, но „мясомъ дохлыхъ животныхъ, гнилымъ, покрытымъ червями, отвратительнымъ даже для собакъ“. Одна была радость у невольника думать о родинѣ, и часто, смотря на улетающаго къ сѣверу сокола, посылалъ онъ съ нимъ въ родной край горькую жалобу съ просьбой о помощи:

Соколе ясний,
 Брате мій рідний!
 Ти високо літаєш,
 Чому в мого батька-у матери ніколи в гостях не буваєш?
 Сядь - пади
 У мого батька й матери перед воротми,
 Жалобненько проквилі
 Ще моему батьку й матери білшого жалю завдай.
 Та нехай мій батько добре дбає,
 Грунта, велики маетки збуває,
 Скарби збирає,
 Хай синів своїх с тяжкої неволі турецкої викупає!

Еще хуже было положеніе тѣхъ, которые попадали на

галеры. „Гребцы — читаемъ въ примѣчаніяхъ къ думамъ, помѣщеннымъ у Антоновича и Драгоманова — сидѣли на низкой палубѣ прикованные на 25 или 30 скамьяхъ, пересѣкавшихъ палубу. Пять или шесть гребцовъ приводили въ движеніе одно весло. По серединѣ возвышался проходъ-помость, а по немъ прогуливался галерный приставъ съ кнутомъ въ рукѣ, управляя невольниками, прикованными подъ его ногами. Волны постоянно хлестали галерныхъ невольниковъ, обнаженныхъ во всякую погоду до пояса. Спали и ѣли они по смѣнамъ, не оставляя своихъ скамей и не оставившая хода галеры. Они не знали никакого отдыха даже въ праздники, не имѣя никакого права протянуться, переменить мѣсто, убѣжать на минуту отъ своей холодной скамьи“. У святу недѣлю не сизі орли заклекотали — поется въ одной изъ малорусскихъ думъ —

То бідни невольники у тяжкій неволи заплакали,
У гору руки підіймали, кайданами забряжчали;
Господа милосердного прохали та благали:
«Подай нам, Господи, з неба дрібен дождчик,
А з нізу буйний вітер!

Хочай би чи не встала на Чорному морю бистрая хвиля;
Хочай би чи не повиривала якорів з турецької каторги!
Да вже ся намъ турецька-бусурманська каторга надоіла.

Кайдани-залізо ноги повривало,
Біле тіло козацьке молодецьке коло жовтої кости пошмугляло!

Неудивительно, что находились люди, которые, не выдержавъ тяжести неволи, покупали себѣ свободу переходомъ въ вѣру магометанскую, какъ описанный въ думѣ о Самуилѣ Кошкѣ „недовірок християнський“, сотникъ переяславскій, Бутурлакъ. Иные умирали, иныхъ выкупали родные, другіе бѣжали. Но случалось, что и по тридцати лѣтъ мучились казаки на каторгѣ, проклиная „землю турецкую, вѣру басурманскую“:

Ти, земле Турецька, віро бусурманська,
Ти, розлуку хрисиянська!
Не одного ти розлучила з отцем з матерью,
Або брата з сестрою,
Або мужа з вірною женою!

Визволь, Господи, всіх бідних невольників

З тяжкої неволі турецької

З каторги бусурманської

На тихі води,

На ясні зорі,

У край веселий

У мір хрещений

В города християнські!

Дай, Боже, миру царському,

Народу християнському,

Славу на многі літа!

Но и у себя дома, на міру крещеномъ, въ городахъ християнскихъ тягостна была жизнь малорусскаго люда. Польша, забывъ о своемъ призваніи защищать западное славянство отъ германскаго наплыва, за сомнительную честь имѣть вассаломъ герцога Бранденбургскаго, отдала нѣмцамъ Восточную Пруссію и, положивъ такимъ образомъ начало прусскому могуществу, сама всѣми силами культурнаго воздѣйствія ринулась на востокъ, въ Украину:

Становили дяхи на Вкраїні хати.

Можетъ быть, многіе изъ польскихъ магнатовъ и шляхты искренне считали себя при этомъ носителями высшихъ началъ цивилизації и культуры, но тяжкимъ гнетомъ—народно-политическимъ и религіознымъ, сословнымъ и экономическимъ—легло ихъ господство на Украину. Народно-политическимъ, потому что не безъ огня же дымомъ разостлалась тогда по Польшѣ и до насъ долетѣла пословица: *noga w szcudle, mysz w pudle, koza w sadzie, rusin w radzie cztery rzeczy nie do rzeczy*¹⁾: всѣ высшія должности стали достояніемъ только поляковъ, и русскій языкъ сошелъ на степень хлопскаго. Религіознымъ, потому что и къ вѣрѣ православной стали относиться презрительно, а со временъ Брестской уніи и силою хотѣли ее вырвать изъ сердца народнаго. Сословнымъ, ибо крестьянинъ для помѣщика былъ

¹⁾ Есть четыре нелѣпицы: одна нога на ходулѣ, мышь въ коробкѣ коза въ огородѣ и русскій въ государственномъ совѣтѣ. Польское *sz* = ш, *cz* = ч, *szcz* = щ, *rz* = ж (мягкое р), *u* = у, *y* = ы.

прежде всего доходной статьей, а тутъ еще раскрывавшуюся между ними пропасть углубляли различіе въ вѣрѣ и народности. Наконецъ и экономическое положеніе крестьянъ, поставленныхъ въ полную зависимость отъ евреевъ-арендаторовъ, было таково, что крестьянину буквально нельзя было повернуться безъ того, чтобы не платить подати. Не успѣли еще отзвенѣть торжественные гимны въ честь Люблинской уніи, какъ уже горькимъ плачемъ понеслась по Украинѣ пѣсня:

Земле Польска, Україно подолька!
Та вже тому не річок и не два минає,
Як у християнській землі добра немає,—
Як зажурилась та й заклопоталась бідна вдова;
То не бідна вдова.—то королєвська земля:
Що стали жиди великий одкуп давати—
Стали один от одного на милью оранди становити.

Въ своемъ собственномъ дому малороссы оказались такими же хозяевами, какъ въ неводѣ рыбы. Идетъ казакъ по дорогѣ, минуя корчму, а уже шинкаръ выбѣгаетъ на дорогу и, схвативъ его за чубъ, силою гонитъ въ корчму: „изъ чего же я буду платить аренду, если ты не будешь заходить въ шинокъ“.

Як іде український козак, то й корчму минає,
А жид вибігає, та українського козака за чуб хватає,
Та ще ёго двома кулаками по потилиці затинає:
«Козаче-левице! за що я буду дяхам рату платити,
Що ти мимо корчми йдеш,
Та й корчму минаєш?..»

Захочетъ ли казакъ удочку закинуть въ рѣчку, воды напиться, или черезъ мостъ пройти, и за это плати арендатору.

Ще ж і тим жидове не сконцентували,
Що три річки в одкуп закупляли:
Що мав би чоловік піти та риба піймати,—
То ще він до річки не добігає,
Уже він жидові за одкуп найкраще обіщає...
Ще ж і тим жидове не сконцентували—
Де була яка річка велика, мости въ одкуп забрали:
Од верхового по два шаги брали,

А од нішого по шагу,
 Од неборака старця
 Брали кури да яйця,
 Да іще питае:

«Чи нема, котик, сце цого?»

Наконець — читаемъ въ изданныхъ Войцицкимъ польскихъ „Памятникахъ царствованія Сигизмунда Ш, Владислава IV и Яна Казимира“ — въ аренду отдала шляхта и самыя „церкви православныя, ключи отъ которыхъ хранились у евреевъ; кто желалъ вѣнчаться или крестить ребенка, тотъ долженъ былъ платить пошлину еврею-арендатору“. И пѣсня вторитъ свидѣтельству исторіи: „жиди-рандарі“

На славній Україні всі козацьки церкви зарандовали
 Которому б то козаку, альбо мужику дав Бог дитину появили,
 То не йди до попа благословиться,
 Да пійди до жида-рандара да полож шостаць, щоб позволив церкву
 одчинити,

Туо дитину охрестити.

Терпѣль, терпѣль народъ, и наконець лопнуло его терпѣніе. Уже давно отдѣльными вспышками загоралось пламя народнаго мятежа при Наливайкѣ, Павлюкѣ, Острици, Гунѣ. Наконець въ 1648 году „хмель высыпался изъ мѣшка“, и подъ корочвами Богдана бурной рѣкой разлилась волна народнаго гнѣва и докатилась по самый Люблинъ и Краковъ. Вся Украина встала, какъ одинъ человекъ.

Ой, не верби ж то шуміли і не галки закричали,
 Тож-то козаки із ляхами пиво варить зачинали.

Страшное было это пиво, и пьяная его сила звѣря пробудила въ человекѣ. Первыми пали жертвою народнои ненависти еврей-арендаторы, а потомъ и польская шляхта. Запылали панскіе дворы и усадьбы. Все, что могло бѣжать, спасалось бѣгствомъ за Вислу. При Желтыхъ Водахъ, при Корсуни польскія войска были наголову разбиты Хмельницкимъ. Дикимъ восторгомъ и упоеніемъ побѣдой зазвучала пѣсня. Казацкія возстанія пошатнули самыя основы

польскаго государства и дорого заплатилъ польскій народъ за близорукость своего магнатства, за политику угнетенія. Но и малорусскому населенію борьба съ Польшей оставила печальное наслѣдіе, надолго заложивъ въ его душу сѣмя ненависти. Свѣтлый потокъ общерусской былинной поэзіи замутился, и тѣмъ страшнѣе въ малорусскихъ думахъ проявленія жестокости, чѣмъ болѣе любитъ ея народъ, чѣмъ ярче неподобная свѣжесть поэтическихъ красокъ. Мы опустимъ завѣсу надъ этими сценами изувѣрства, гдѣ обѣ враждующія стороны и въ себѣ и въ другомъ забыли чело-вѣка. Скажемъ только словами пѣсни:

Ой не чорна хмара надъ Польщю встала:
То ж то не одна ляшка удовою стала!

Зборовскій миръ прекратилъ рѣзню. Въ глазахъ народа Хмельницкій сразу вознесся на высоту народнаго героя. Безграничнымъ, благоговѣйнымъ довѣріемъ и нѣжною ласкою дышитъ пѣсня о Молдавскомъ походѣ 1650 года, хотя пѣли его были непонятны народу:

Із низу Дніпра тихий вітер віе, повивае;
Військо козацьке в поход виступае:
Тільки Бог Святий знае,
Що Хмельницький думає, гадає!

Но заключенный гетманомъ миръ съ поляками не могъ удовлетворить народъ. Только 40 тысячъ казаковъ получили свободу, образовавъ такъ называемое реестровое казачество. Остальные участники возстанія должны были обратиться снова въ посполство и идти въ неволю къ тѣмъ самымъ польскимъ помѣщикамъ, чьи усадьбы они только что жгли и грабили. Новое возстаніе было неизбѣжнымъ, но на этотъ разъ оно окончилось неудачей подъ Берестечкомъ, и пѣсня народная клики побѣды смѣнила „поэзіей пораженія“:

«А деж твої, Хмельниченьку, воронні коні?»
— У гетьмана Потоцького стоять на пригоні.

«А деж твої, Хмельниченьку, ковани вози?»
— У містечку Берестечку заточені въ лози!

Бѣлоцерковскій миръ сузиль рубежи казацкой вольности, дозволивъ существованіе казачества только въ предѣлахъ кіевскаго воеводства.

Затуманился народъ и задумался:

Ей чи горазд, чи добре наш гетьман Хмельницький починив,
Що з ляхами із мостивими у Білій церкві замирив?

А польское правительство, упоенное побѣдой, какъ нарочно устроило въ казацкихъ земляхъ солдатскій постоя, такъ называемую „стацію“. Приходилось не только имѣть посреди себя польскихъ солдатъ, но и кормить ихъ, а солдаты хозяйничали въ Украинѣ, какъ въ завоеванной странѣ, и новая нота послышалась въ пѣсняхъ о Хмельницкомъ.

Пане гетьману Хмельницький,
Батьку наш Чигиринський,
За що ти на нас такий гнів положиш?
На що ти на нас такий ясир наслав?
Ляхи, мостиві пани, од нас ключи поодбирали,
І стали над нашими домами господарями.

Все яснѣ становилось, что для малорусскаго народа есть одинъ только исходъ изъ невыносимаго положенія, созданнаго возстаніями—соединеніе съ Москвою, гдѣ тогда уже выросло крѣпкое и мощное государство. И послышался властный голосъ народа:

Гей, пане Хмельницький,
Отамане Чигиринський,
Батьку козацкий!
Звели нам під москалів тикати.

Прося царя Алексѣя Михайловича принять подъ свою высокую руку родной малорусскій народъ, Хмельницький исполнялъ только волю народную.

1654-ый годъ, когда въ Переяславлѣ бояринъ Бутурлинъ подписалъ условія присоединенія Малороссіи и два потока

русской жизни, разъединенные издавна, опять потекли въ общемъ руслѣ, отозвался въ народной поэзіи краткой, но выразительной пѣснью радости:

Та немає лучче, та немає красче, як в нас на Україні.

Та немає ляха, та немає пана, не мае уни.

Рѣка горя народнаго, конечно, не изсякла, — да и когда она можетъ изсякнуть вполнѣ, — но жить стало легче, и малорусскій крестьянинъ могъ вздохнуть свободнѣе. Спала тяжесть гнета экономическаго и прекратилось, по крайней мѣрѣ, униженіе человѣческаго и народнаго достоинства, а не во имя ли правъ человѣческой личности велись въ сущности всѣ войны казаковъ съ польскою шляхтой? Борьба за нихъ воодушевляла народъ всегда, но нигдѣ такъ хорошо не высказался его идеаль, какъ въ замѣчательной думѣ XVIII вѣка о никогда не существовавшемъ запорожскомъ гетманѣ Ганжѣ Андыберѣ, защитникѣ всякой голи и бѣдности, который ходитъ по свѣту между простымъ народомъ и смотритъ, чтобы никто не чинилъ бѣднякамъ обиду. Трое значныхъ казаковъ, „дуки-срібляники“, или „ляхи“, какъ называетъ ихъ дума по привычкѣ во всякомъ богатѣ и панѣ видѣтъ поляка, встрѣчаютъ его въ корчмѣ и прогоняютъ. Онъ молча сноситъ обиду, но, когда тѣ же „дуки“, узнавъ, что подъ лохмотьями оборвыша скрывается гетманъ, начинаютъ угощать его медомъ и виномъ, не выдерживаетъ честное сердце Ганжи. Медъ онъ принимаетъ, но не пьетъ его, а проливаетъ къ себѣ на одежды, на свои „шати“ со словами:

Эй, шати мой, шати! пійте, гуляйте!

Не мене шанують, бо вас поважають.

Як я вас на собі не мав,

То й чести от дуків-срібляників не знав!

И тутъ онъ зоветъ своихъ казаковъ, чтобы они научили „дуковъ“, какъ надо во всякомъ цѣнить и уважать его человѣческое достоинство. Но, наказавъ „дуковъ“, онъ ихъ

отпускаетъ на волю. Дума о Ганжѣ Андыберѣ приближается по тону къ пѣснямъ объ Ильѣ Муромцѣ: и тамъ и здѣсь слышна вѣра въ права личности человѣческой и народной. Въ думѣ этой народъ возвращается къ общерусскимъ преданіямъ, чтобы вмѣстѣ съ великороссами и бѣлоруссами пойти твердымъ шагомъ на встрѣчу новой, лучшей жизни.

Совмѣстная работа эта наладилась, конечно, не сразу. Слишкомъ долго были разъединены обѣ отрасли русскаго народа, чтобы дѣло обошлось безъ трений. Казацкая старшина всегда подозрительно смотрѣла на Москву. Еще въ 1764 году, когда указомъ императрицы была уничтожена должность гетмана и для управленія Украиной образована особая Малороссійская коллегія, малорусскіе члены ея держались особнякомъ, такъ что особымъ распоряженіемъ приказано было имъ сидѣть попеременно, чтобы не утверждалось въ нихъ мнѣніе, „по коему поставляютъ себя народомъ, отъ здѣшняго совсѣмъ отличнымъ“. Позднѣе, когда послѣднія русскія земли отходили отъ Польши къ Россіи, одна малорусская пѣсня, вышедшая, вѣроятно, изъ сферъ близкой къ польскимъ кругамъ казацкой старшины, послала даже проклятіе печальному герою Тарговицы, Феликсу Потоцкому:

Ой ти, пане Потоцький, воеводский сину,
Запродавесь Польщу, Литву й Україну!
Твоя гадка була королемъ зистати:
Пишовс до царици помощи прохати!
Прійде тот час, прійде и тая година,
Счезнешь, бісе проклятий, і твоя родина!

Стремленія къ полному обособленію малорусскаго племени отъ великоруссовъ не вымерли еще и до сихъ поръ, особенно въ австрійской Галиціи.

Но въ то время, когда казацкая старшина, а позднѣе часть образованныхъ классовъ видѣли свой идеалъ внѣ Россіи, чернь казацкая, простой малорусскій народъ неизмѣнно вѣрилъ въ нее, отъ нея ждалъ спасенія и постепенно

и прочно входилъ въ интересы общерусской жизни. Москва, а позднѣе Петербургъ не разъ выдавали малороссовъ головою Польшѣ: по Андрусовскому миру отколовшаяся отъ Польши правобережная Украина была возвращена польскому государству, но народныя сочувствія обращались по-прежнему къ Москвѣ. Когда во время великой сѣверной войны Мазепа во имя независимости Малороссіи поднялъ на Петра „знамя вольности кровавой“, народъ въ своихъ пѣсняхъ бросилъ въ него слово осужденія и воспѣлъ вмѣстѣ съ великороссами петровскія побѣды надъ шведами въ пѣсняхъ о Палѣѣ, который „з Шереметомъ Борисомъ Петровичемъ“ прибылъ подъ Полтаву:

Да ще хмелю, хмелю, да ще зелененький по тычині не звився,
А вже Палій під Полтавою із шведом побився,
Да ще хмелю, хмелю, да ще зелененький головок не схилив,
А вже Палій під Полтавою дай шведів побив!

Съ тѣхъ поръ о всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ внѣшней русской исторіи рядомъ съ великорусскими пѣснями есть и созвучныя малорусскія. Въ правобережной Украинѣ, гдѣ весь XVIII-й вѣкъ народъ безъ союзниковъ и безъ всякихъ средствъ велъ гайдамацкую борьбу съ Польшей за самыя основныя права народности, одно упоминаніе о „золотой грамотѣ царицы“ имѣло магическое дѣйствіе: Желѣзнякъ поднялъ имъ на ноги всю Украину. Даже когда въ 1775-мъ году по приказанію императрицы Екатерины II генералъ-поручикъ Текели пришелъ уничтожать дорогую казацкому сердцу Запорожскую Сѣчь, запорожцы нашли въ себѣ только слова просьбы:

Ой, матушка наша, Катре царице, смилуйся над нами,
Отдай же нам наши степи з темными лугами.

Но „Катря-царица“ не смиловалась.

Зажурились запорозьці як по матери дітки,
Оглянулись на Стару Січ—вмилися слізами,

„Зажурились“, но и тутъ, покидая свое приволье и проби-

раясь на лиманъ служить турецкому султану, прощались они уже не съ одной только своей Украиной, но со всей Россіей, какъ со своимъ „роднымъ батюшкой“:

Ой, прощай, прощай світ біла Росія, тобі вольность оставляем,
Ой, тим же мы тобі вольность оставляем, що у себѣ батька не маем.
Ой, розсердився наш рідний батько, немає нас за сина..

А когда въ 1792 г. учредила императрица черноморское войско, вернулись запорожцы и прозвучала пѣсня полного примиренія:

Годі, годі журитися! Пора перестати.
Діждалися від цариці за службу заплати:
Дала хлѣб-соль и грамоти за вірні служби;
От тепер же ми, мили братья, забудем всі нужди.
В Тамані жить, вірно служити, гряницю держати,
Рибу ловить, горілку пить ще й станем багаті.
Подъякуємо цариці, помолимось Богу,
Що вона нам показала на Кубань дорогу.

Дѣля радость и горе жизни съ великорусскими сѣверянами, южане вносили однако въ оцѣнку ихъ особенности своего характера, болѣе впечатлительнаго, болѣе непосредственнаго, чѣмъ осторожный и сдержанный нравъ великоруса. Они всё воспринимали съ большею живостью. Оттого имъ особенно тяжелы были рекрутскіе наборы и порядки крѣпостного права, съ которыми трудно было сжиться народу, весь вѣкъ свой проведенному въ борьбѣ за вольность съ тѣми людьми, на кого теперь они обязаны были работать. Горечью полна народная пѣсня объ этомъ времени:

Наступала чорна хмара, настала ще й сива,
Була Польща, була Польща, да стала Россія.
Плачуть, плачуть бідні люди із панщины идучи,
Пооблазили волам шії, бідним людям руки..

Но зато и большей радостью искрятся пѣсни объ освобожденіи, которыя пропѣлъ малорусскій народъ и за себя и за великороссовъ:

Ти, місяцю ясний, красний, не світи нікому,
Світи царю Александру, як иде до трону!

Въ одной изъ пѣсенъ о свободѣ объявляютъ народу мировые посредники и становые:

Не будете, люде добрі, панцины робити!
Не будете пред панамы шапок іздиымати!

Въ другой вѣсть о волѣ приноситъ кукушка:

Ой летіла возуленька да й стала ковати:
Почекайте, добрі люде, що-сь маю казати,
А вже гаи зеленіли, як до вас летіла,
Тільки трохи в темнім лісі спочивати сіла,
Ось тут разом що-сь загуло, а же-жъ ся злякала;
То свобода панциновку перед себе гнала.

Старая пани выходитъ на заднее крыльцо и проситъ барщину вернуться; просятъ о томъ же „паны“:

Вернись, вернись, панциновка, хоча до вечері,
Мы не вмѣем молотити, наши жинки жати,
Мы-жъ не знали, як то тяжко на хлѣб заробляти.

Но барщину не воротить:

Не вернуся, не вернуся, я вам була вірна:
Не вмѣли мя шанувати, я в того невинна.

Любопытна судьба этой пѣсни. Родилась она въ Галиціи и вышла, къ удивленію, изъ польскихъ шляхетскихъ круговъ. Когда въ 1848 г. была отмѣнена въ Австріи барщина, шляхта хотѣла приписать заслугу этой отмѣны себѣ. Кто-то изъ поляковъ написалъ тогда на малорусскомъ языкѣ, поддѣлываясь подъ народный тонъ, пѣсню благодарности „панамъ“ и, отпечатавъ, пустилъ ее въ народъ. Она въ него и проникла, перешла даже русскую границу, и когда въ 1861 году наступило освобожденіе крестьянъ, вышла изъ нѣдръ народныхъ уже настоящей народной пѣсней, но при этомъ подверглась такой коренной переработкѣ, что стала неузнаваемой. Вмѣсто благодарности панамъ народъ пропѣлъ благодарность царю за то, что онъ освободилъ его отъ пановъ:

Подъякуймо ж ми Богові да свому царєві
 Шо він зробив добродійство въ своєму краєві;
 Подъякуймо ми царєві і своїй цариці,
 Бо не ходять на панщину наши молодиці;
 Подъякуймо мы цариці, щей своїй царевні,
 Що вони нас порівняли з ляхами на рівні!

Nabent sua fata libelli.

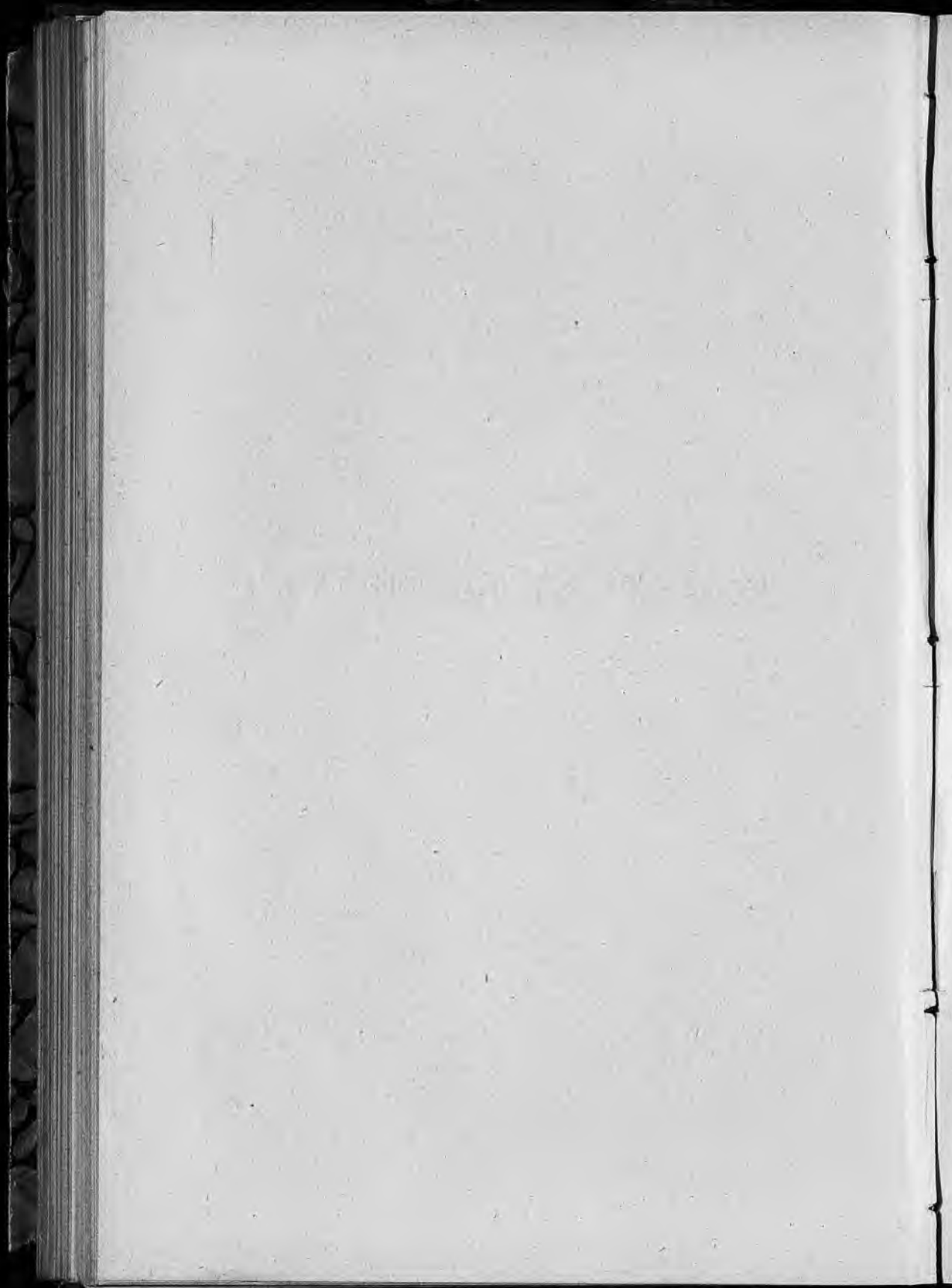
Пѣснями о волѣ заканчивается кругъ историческихъ пѣсенъ русскаго народа. Какую пѣсню споетъ онъ еще міру, покажетъ будущее. Но весь пройденный имъ тяжелый историческій путь, его языкъ „правдивый, свободный и могучій“, его только-что рассмотрѣнное нами устное творчество, которое, какъ сѣмя, заключаетъ въ себѣ всю позднѣйшую литературу съ ея широкими, всеобъемлющими задачами, гдѣ каждому отдается должное и всѣ призываются къ одному общечеловѣческому дѣлу созданія для всѣхъ жизни счастливой и достойной, — все это укрѣпляетъ насъ въ вѣрѣ, что будущая его пѣсня будетъ свѣтлой и чистой. Вынесъ многое русскій народъ,

Вынесетъ все, и широкую, ясную
 Грудью дорогу проложитъ себѣ.

Себѣ, а значить и другимъ.

КРАСОТА ВЪ БЫЛИНАХЪ.

I.

Мы рассмотрѣли внутреннюю сторону слова, сказаннаго намъ русскимъ народомъ въ его былинахъ, мы старались изучить по былинамъ жизнь народа, его мечты,

Понятій нити, мыслей ткани
И чувства свѣжіе цвѣты.

Теперь мы должны подвергнуть разбору внѣшнюю сторону, народной словесности, „хранительныя грани“, въ которыя отлилось народное творчество.

Здѣсь прежде всего необходимо будетъ поставить новыя границы сдѣланному нами въ первой части этой работы опредѣленію словесности. Въ самомъ дѣлѣ, если все, что выражено словомъ, признать словесностью, то въ область словесности съ одинаковымъ правомъ войдутъ наравнѣ съ повѣстями Толстого и Тургенева и стихами Пушкина любой учебникъ и даже каждое частное письмо. Оно такъ и есть, но очевидно, что въ этомъ широкомъ, можно сказать, всеобъемлющемъ кругѣ есть особый уголокъ, которому мы придаемъ названіе словесности по преимуществу. Надъ входною дверью въ этотъ уголокъ написано: *словесность, какъ искусство*. Право на входъ сюда дается осуществленіемъ прекраснаго въ словѣ. Красота—вотъ первый и главный признакъ, по которому происходитъ отмежевка отъ всего необъятнаго множества словесныхъ произведеній той области,

которую въ отличіе отъ науки, публицистики и другихъ отраслей словесности называютъ теперь иногда французскимъ словомъ беллетристика, а прежде гораздо лучше обозначали однозначащимъ русскимъ выраженіемъ: *изящная* словесность, гдѣ въ опредѣленіи указана самая сущность опредѣляемаго предмета.

Что же такое красота? Отвѣты на этотъ вопросъ даются самые разнообразныя, но въ одномъ сойдутся всѣ. Истинное, чтобы стать прекраснымъ, должно проявиться во внѣ; идея должна стать ощутительной и осязаемой, облечься въ плоть и кровь, воплотиться въ образъ живой. Образъ этотъ можетъ быть или дѣйствительно вещественнымъ, какимъ онъ является въ живописи, зодчествѣ и ваяніи, или вещественнымъ въ воображеніи, какимъ мы встрѣчаемъ его въ искусствѣ слова, но уже по тому самому, что онъ—образъ, онъ не можетъ не быть конкретнымъ. Красота немыслима отвлеченно отъ предметовъ. Въ противоположность истинѣ, которая можетъ быть постигаема логически, она всегда является предметомъ познанія чувственного. Отсюда и наслажденіе, доставляемое намъ красотою, называется *эстетическимъ*, а наука о прекрасномъ *эстетикой* отъ греческаго *αισθητική*—ощущаю, воспринимаю внѣшними чувствами—и *αισθητικός*—доступный внѣшнимъ чувствамъ.

Въ прямой связи съ этимъ находятся особенности художественнаго мышленія. „Ученый мыслитель—пишетъ Бѣлинскій—дѣйствуетъ прямо черезъ разумъ и на разумъ. Мысль у него предстаётъ передъ нами въ своемъ чистомъ видѣ, обнаженною отъ всѣхъ покрововъ непосредственнаго представленія. Разумъ лицомъ къ лицу становится къ мысли, не нуждаясь въ посредствѣ чувства и фантазіи и развѣ только допуская ихъ по собственной волѣ, какъ слѣдствіе мгновенно охватившаго душу мыслителя увлеченія, надъ которымъ разумъ не перестаетъ однакоже царить. Въ искусствѣ, напротивъ, главною дѣйствующею силою является фантазія. Художникъ тоже разсуждаетъ и мыслить, но не сочетаніемъ

отвлеченныхъ понятій, не умозаключеніями, а образами и картинами“. Такъ, вмѣсто того, чтобы разсуждать о несовершенствѣ человѣческой природы вообще, онъ беретъ палитру, смѣшиваетъ краски и двумя-тремя штрихами сразу набрасываетъ яркую картину, въ которой общая и отвлеченная мысль о неизбѣжности для человѣка грѣха облекается въ ошутительный образъ:

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ,
Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ;
Такъ, ревомъ яростнымъ пустыню оглашая,
Взметая лапой пыль и гриву потрясая
И ноздри пыльные уткнувъ въ песокъ зыбучій,
Голодный левъ слѣдитъ оленя бѣгъ пахучій.

Здѣсь самый грѣхъ оживаетъ и становится алчнымъ. Овеществляясь общая идея загорается новою жизнью въ частномъ образѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ становится понятнѣе и доступнѣе для широкихъ массъ народа, ибо простому уму наглядный частный фактъ всегда говоритъ больше, чѣмъ самыя утонченныя отвлеченныя соображенія. На этомъ свойствѣ искусства выразить въ частномъ общее основывается важное популяризаторское значеніе искусства.

Но чтобы воплотить мысль въ образъ, мало еще мыслить образно. Надо обладать силою творчества. Не всегда беретъ художникъ образы готовыми изъ жизни. Нерѣдко изъ имѣющагося въ дѣйствительности матеріала онъ силою творческой фантазіи создаетъ новые, доселѣ несуществовавшіе образы, видоизмѣняя старые и производя изъ нихъ новыя сочетанія. Прекраснымъ образчикомъ такого художественнаго творчества можетъ служить извѣстная картина Рѣпина: „Какой просторъ!“ Юноша въ развѣвающейся отъ вѣтра шинели и молоденькая дѣвушка, взявшись за руки, идутъ по бурному, бушующему морю куда-то вдаль, впередъ. Вѣтеръ хлещетъ имъ въ лицо, волна набѣгаетъ за волной, а они, веселые, счастливые и гордые молодою силою, идутъ впередъ, вѣря въ жизнь, радуясь ея простору и смѣясь

надъ препятствіями. Каждая частность въ этой картинѣ—и молодой студентъ, и дѣвушка, и море—списаны съ дѣйствительности, но сочетаніе этихъ частныхъ въ такомъ цѣломъ, какъ на картинѣ, едва-ли когда-нибудь встрѣчалось въ жизни. Оно—чистѣйшій вымыселъ. И однако какъ хорошо и ярко выражаетъ этотъ никогда не существовавшій въ дѣйствительности образъ идею молодости съ ея взоромъ, улетающимъ вдаль, съ ея смѣлымъ порывомъ впередъ, съ ея самонадѣянной вѣрой въ свои силы и пренебреженіемъ всѣхъ житейскихъ невзгодъ и преградъ. Подобные же примѣры творческой фантазіи легко найти и въ искусствѣ слова. Мы указывали на нихъ при разборѣ пѣсни о Щелканѣ. Художникъ—творецъ, ибо создаетъ изъ старой новую, прекрасную дѣйствительность. Въ этомъ смыслѣ особенно характерно названіе, придаваемое художнику слова. Онъ—поэтъ, а греческое слово ποιητής значитъ по русски именно творецъ отъ ποιέω—творю, дѣлаю, создаю.

Созданный силою творческой фантазіи художественный образъ—высшій цвѣтъ искусства, но въ искусствѣ есть и низшія ступени. Бываютъ поэтическія произведенія, въ которыхъ выбивающійся изъ груди поэта родникъ вдохновенія еще не успѣлъ окресталлизироваться въ осязательный образъ, но уже окрасилъ мысль въ поэтическій цвѣтъ. Это поэзія мысли вдохновенной, поэзія высокихъ чувствъ. Вспомните языковское подражаніе псалму:

Кому, о Господи, доступны
Твои Сіонски высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи цѣломудренны мечты,
Кто дѣлъ своихъ цѣною блага
Не взвѣшивалъ, не продавалъ,
Не ухищрялся противъ брата
И на врага не клеветалъ,
Но вѣрой въ Бога укрѣплялся,
Но сердцемъ чистымъ и живымъ
Ему со страхомъ поклонялся,
Съ любовью плакалъ передъ нимъ!

Это не столько картина, сколько разсужденіе въ стихахъ. И однако въ самомъ сочетаніи словъ здѣсь чувствуется какая-то незримая и невѣсомая, какъ эфиръ, сила, что отрываетъ взглядъ человѣка отъ мелкой повседневности, сама уносится и другихъ уноситъ вихремъ въ звенящую даль идеальнаго. Какъ холодными разсужденіями не научить эгоистическое сердце любви, такъ невозможно обнаружить вполне тайну этой силы. Но мы знаемъ, мы чувствуемъ ея основного двигателя: звенья простыхъ и обыденныхъ словъ спаиваетъ въ цѣпь прекраснаго огонь души, согрѣтой любовью къ истинѣ, окрыляетъ ихъ къ полету пылъ чувства. И тѣмъ рѣчамъ, въ которыхъ сердце сердцу говоритъ, въ которыя человѣкъ вкладываетъ душу свою, гдѣ жизнь слышится, нельзя внимать равнодушно: онѣ, какъ искусство, заразительны. Пусть это низшій родъ искусства, но и это все же искусство, ибо силою чувства оно подымаетъ насъ въ высь, жжетъ въ насъ сердца и укрѣпляетъ на жизненный бой за „великое дѣло любви“, какъ нѣкогда на битву съ врагомъ вдохновляли спартацевъ патріотическіе гимны Тиртея. Чувство—третье и послѣднее отличіе поэзіи отъ прочихъ словесныхъ произведеній.

Мы сказали: поэзіи, ибо, конечно, не въ стихотворной формѣ заключается различіе между поэзіей и прозой. Иначе пришлось бы вычеркнуть изъ области поэзіи „поэму“ Гоголя „Мертвыя Души“ и признать поэтическими всѣ тѣ мнемоническія стихотворенія, которыя въ дни нашей юности заучивали мы, изучая латинскую грамматику:

Tolle me, mu, mis,
Si declinare domum vis.

Поэзія есть именно то, что мы называемъ словесностью, какъ искусствомъ. Не въ умѣ нашемъ зарождается она, а тамъ, куда тянутся самые глубокіе корни человѣческой природы. Выбиваясь изъ самыхъ таинственныхъ родниковъ души, поэтическое чувство при помощи всѣхъ творческихъ силъ человѣка порождаетъ живой и осязательный образъ и, если этотъ образъ вполне соответствуетъ воплощаемой

имъ идеѣ, въ результатѣ получается совершенное художественное произведеніе.

Всѣми этими свойствами своими поэзія нисколько не отличается отъ прочихъ искусствъ. Одинакова и цѣль всѣхъ искусствъ. Всѣ они стремятся къ одному: подражая природѣ, раскрыть намъ смыслъ ея, въ частномъ явленіи обнаружить общее, въ конечномъ отразить безконечное. Но къ этой цѣли каждое искусство идетъ особымъ, ему только свойственнымъ путемъ. Одни дѣйствуютъ на наше зрѣніе. Это—живопись, ваяніе, зодчество, словомъ искусства пластическія (отъ греческаго *πλάσσω*—ваяю). Другія два искусства—музыка и поэзія—говорятъ нашему слуху, употребляя для этого: первая—музыкальный звукъ, а вторая—слово. Отсюда очевидно, что особенныя свойства каждаго изъ искусствъ въ отдѣльности опредѣляются различіемъ средствъ при помощи которыхъ они осуществляютъ свою цѣль. Основные законы поэзіи, какъ таковой, обнаружатся, если мы всмотримся въ природу слова, какъ звукового значка.

Если теперь, вступивъ на этотъ путь, мы найдемъ, что былины вѣрны основнымъ законамъ художественной словесности, если мы убѣдимся, что зарожденныя въ глубинѣ народнаго чувства, онѣ мысль народную заключаютъ въ яркіе и живые образы, если наконецъ мы увидимъ, что и форма, въ которую отливаются эти образы, вполне соответствуетъ содержанію, мы докажемъ тогда путемъ анализа ту истину, которая бросается въ глаза уже при первомъ, непосредственномъ впечатлѣніи: былины — настоящее художественное произведеніе; онѣ — дѣло высокаго и чистаго искусства.

II.

Первымъ, кто обнаружилъ наглядно и ясно основные законы поэзіи, былъ ученый критикъ, философъ и поэтъ конца XVIII вѣка, Готгольдъ Эфраимъ Лессингъ, иначе Богумиль

Ефремъ Лѣсникъ, онѣмеченный славянинъ изъ Верхнихъ Лужицъ, сынъ маленькаго, всего только стопятидесятитысячнаго народа лужицкихъ сербовъ, которые и теперь еще, окруженные со всѣхъ сторонъ нѣмецкимъ моремъ, въ тяжелой борьбѣ защищаютъ свою народную особность. Результаты изслѣдованій Лессинга изложены имъ въ знаменитой книгѣ „Лаокоонъ или о границахъ живописи и поэзи“.

Въ своемъ разсужденіи Лессингъ исходитъ изъ двухъ основныхъ положеній.

Первое положеніе. Знаки находятся въ тѣснѣйшей связи съ предметомъ, который они обозначаютъ. Свойства предмета вліяютъ на выборъ того или другого знака для его обозначенія. А значить и обратно: по свойствамъ знака мы можемъ заключать о свойствахъ самого предмета.

Второе положеніе. Знаки, употребляемые живописцемъ,— это, какъ намъ уже извѣстно, черточки или краски, расположенныя одна подлѣ другой въ пространствѣ; знаки, употребляемые художникомъ слова, это—слова, или членораздѣльные звуки, расположенные одинъ подлѣ другого во времени.

Отсюда выводъ:

„Если, во-первыхъ, справедливо, что живопись въ своихъ подражаніяхъ употребляетъ орудія и средства, совершенно отличныя отъ орудій и средствъ поэзи, а именно, одна тѣла и краски въ пространствѣ, а другая членораздѣльные звуки во времени; если, во-вторыхъ, безспорно, что знаки должны быть въ ближайшей связи съ тѣмъ, что выражаютъ, то отсюда необходимо слѣдуетъ, что знаки, располагаемые другъ подлѣ друга, должны и представлять только такіе предметы или ихъ части, которыя въ дѣйствительности представляются расположенными другъ подлѣ друга; наоборотъ знаки, другъ за другомъ слѣдующіе, могутъ выражать только такіе предметы или ихъ части, которые въ дѣйствительности представляются намъ въ послѣдовательности времени.“

Предметы, которые сами по себѣ или которыхъ части существуютъ другъ подле друга, называются *тѣлами*. Слѣдовательно тѣла съ ихъ видимыми свойствами составляютъ собственно предметъ живописи.

Предметы, которые сами по себѣ или которыхъ части слѣдуютъ одни за другими, называются вообще *дѣйствіями*. *Итакъ, дѣйствія составляютъ настоящій предметъ поэзіи*“.

Иначе говоря, область поэта — послѣдовательность времени; область живописца — пространственныя отношенія.

Когда поэтъ вздумаетъ изображать тѣла, расположенныя въ пространствѣ, онъ беретъ не за свое дѣло и заранѣе обрекаетъ себя на неудачу. Каждый изъ насъ по опыту знаетъ, съ какой охотой пропускаются тѣ страницы романа, гдѣ авторъ пускается въ длинныя и томительныя описанія кабинета своего героя или его усадьбы. Иначе и быть не можетъ. Чтобы описать тѣло, которое на картинѣ мы охватываемъ сразу, однимъ взглядомъ, поэтъ долженъ разложить его предварительно на части, перечислить всѣ эти части въ отдѣльности, показать связь между ними, и только тогда читатель можетъ составить себѣ понятіе о цѣломъ, если, конечно, во время этого перечисленія частей при послѣднемъ признакѣ онъ не позабудетъ о первомъ и сумѣетъ вновь возстановить изъ разрозненныхъ частей образъ цѣлаго, что вовсе не такъ легко. Во всякомъ случаѣ этотъ образъ, на возсозданіе котораго потребовалось столько умственного напряженія, никогда не будетъ обладать свѣжестью, живостью и непосредственностью впечатлѣнія, получаемаго отъ художественной картины, не говоря уже о томъ, что онъ едва-ли будетъ вѣренъ. Призовите величайшихъ поэтовъ міра и попросите ихъ нарисовать словомъ портретъ какого-нибудь лица. У каждаго выйдетъ иное изображеніе и ужъ во всякомъ случаѣ каждый изъ читателей представитъ себѣ изображенное ими лицо по-своему. Кто пересматривалъ иллюстраціи къ Пушкину, Лермонтову, Гоголю и другимъ художникамъ слова, тотъ согласится, что

изображенные тамъ лица никогда не совпадаютъ съ представленіемъ которое каждый изъ насъ составилъ себѣ о нихъ раньше, при чтеніи.

Наоборотъ, живописецъ, которому довольно двухъ-трехъ штриховъ, чтобы нарисовать вѣрно портретъ даннаго лица, становится совершенно безсильнымъ, разъ ему приходится изобразить дѣйствія, т.-е. рядъ послѣдовательно совершающихся моментѡвъ. Сколько есть моментѡвъ, столько долженъ онъ нарисовать особыхъ картинъ, да и то надо пустить въ ходъ самообманъ, чтобы признать изображенное на каждой картинѣ состояніе за движеніе. Взгляните на рисунокъ, изображающій скачку всадниковъ по лѣсу. Лошади, повидимому, мчатся, какъ бѣшенныя, но это только повидимому: на самомъ дѣлѣ онѣ никакъ не могутъ уѣхать отъ деревьевъ, изображенныхъ на фонѣ, и, если приглядѣться, окажется, что лошади вовсе не мчатся, а повисли копытами въ воздухъ и застыли на одномъ мѣстѣ. Очевидно, не дѣло живописи изображать движенія, какъ не дѣло поэзіи воспроизводить тѣла.

Это основной законъ поэзіи. Въ свое время онъ былъ цѣлымъ откровеніемъ въ эстетической критикѣ. Обнаруживъ передъ всѣми тѣ пути, по которымъ искони вѣковъ безсознательно двигалась истинная поэзія, Лессингъ разъ навсегда поставилъ крестъ надъ такъ называемой описательной поэзіей, и если теперь еще въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ упоминается объ „описаніи“, какъ объ особомъ видѣ поэтическаго творчества, то это просто по недоразумѣнію. Такого вида поэтическихъ произведеній нѣтъ, а, если и были когда-нибудь попытки создать его, онѣ кончились полнѣйшей неудачей.

Былины съ этой точки зрѣнія безупречны. Каждая изъ нихъ могла бы выдержать тутъ самый строгій экзаменъ. Въ нихъ все полно жизни и движенія. Прочтите хотя бы пѣсню о Святогорѣ: дѣйствіе не останавливается тамъ ни на минуту. Что ни стихъ, то новое положеніе, и такъ идетъ

непрерывно вплоть до самого конца, когда „Святогоръ угрызъ и встать не могъ“, но „тутъ ему было и конченіе“, а вмѣстѣ съ тѣмъ оканчивается и былина. Для планетъ не нужно знать законовъ Кеплера, чтобы двигаться по разъ опредѣленной орбитѣ. Народъ безсознательно вѣренъ законамъ искусства потому что онъ—художникъ.

III.

Живописецъ изображаетъ тѣла, поэтъ дѣйствія. Законъ этотъ непреложенъ. Но для правильнаго пониманія его необходимо сдѣлать нѣсколько оговорокъ, столько же касающихся поэзіи, сколько и живописи.

Дѣло въ томъ, что всѣ тѣла существуютъ не только въ пространствѣ, но и во времени. „Существованіе ихъ—продолжаетъ свое разсужденіе Лессингъ—длится, и въ каждое мгновеніе своего бытія они могутъ являться въ другомъ видѣ и въ иныхъ сочетаніяхъ. Каждая изъ этихъ мгновенныхъ формъ и сочетаній есть слѣдствіе предшествующихъ и можетъ стать причиной послѣдующихъ перемѣнъ, а, слѣдовательно, и стать какъ бы центромъ дѣйствія“.

Въ музеѣ императора Александра III-го есть картина Новоскольцева: „Послѣднія минуты митрополита Филиппа“. Сѣдой и изможденный старикъ въ темной кельѣ молится на колѣняхъ передъ образомъ Спасителя, а тамъ, на заднемъ планѣ картины, за полурастворенной дверью уже видна звѣрская фигура Малюты, пришедшаго убить старца, но Филиппъ не видитъ палача, не слышитъ скрипа отъ двери: его глаза, его мысли ушли въ ту область Вѣчнаго и Неизмѣннаго, откуда онъ почерпалъ силу рѣчей, когда грозными словами обличенія громилъ царя, обагренаго кровью людскою, когда потомъ, заключенный въ тѣсную келью Тверского Отрочъ монастыря и лишенный возможности служить родинѣ въ жизни внѣшней, служилъ онъ ей молит-

веннымъ подвигомъ духа. И вотъ передъ нами результатъ этого подвига. Очищая свой душевный міръ отъ мути себялюбивыхъ чувствъ, отъ сора мелкихъ мыслей, Филиппъ воистину создалъ изъ себя храмъ Божій и чистота души, просвѣтленной подвигомъ всей жизни, отразилась на лицѣ, засіяла въ глазахъ, лучащихся неземнымъ свѣтомъ духовной красоты. Справедливо сказано, что въ волѣ каждаго человека сдѣлать себя прекраснымъ. Состояніе тѣла нашего въ данную минуту есть результатъ всѣхъ нашихъ предшествующихъ дѣйствій.

Но, свидѣтельствуя о прошедшемъ, настоящее говорить и о будущемъ. Въ другой картинѣ, — Нестерова: „Видѣніе отрока Варѣоломея“, такой же подвижникъ-аскетъ, какъ митрополитъ Филиппъ, взять не въ концѣ, а въ началѣ своего поприща. Передъ нами на фонѣ осенняго пейзажа русскій мальчикъ съ подстриженными въ скобку волосами. Черезъ руку у него переброшена уздечка, за поясомъ кнутикъ. Ища пропавшую лошадь, онъ вдругъ увидѣлъ подъ деревомъ схимника со святыми дарами, и плѣненные, небеснымъ видѣніемъ очи заглядѣлись въ раскрывшуюся передъ нимъ тайну Безконечнаго и не могутъ отъ нея оторваться. Смотритъ зритель и чувствуетъ, что это не обыкновенный мальчикъ, что уже и раньше горѣла его душа жаждой подвига и, можетъ быть, слушая у каликъ переходящихъ духовные стихи, повторялъ онъ не разъ вслѣдъ за царевичемъ Иоасафомъ его возгласъ къ пустынѣ:

О, прекрасная пустыня!
Прими мя въ свою пустыню,
Въ тихую свою безмолвную
Палату лѣсовольную.

И мы знаемъ, что теперь забудетъ онъ и лошадь свою пропавшую, и теплую ласку семьи, и уютный домъ родительскій и, какъ нѣкогда Антоній и Θεодосій, уйдетъ въ глушь лѣсовъ, гдѣ воздухъ напоенъ смолистымъ запахомъ сосенъ,

гдѣ тоненькія и гибкія березки трепещутъ нѣжной листвою, гдѣ ель опустила до земли свои тяжелья, темнозеленыя вѣтви, и тамъ въ тишинѣ благоуханной начнетъ новую жизнь сплошнаго духовнаго подвига. Художникъ схватилъ въ своей картинѣ рѣшающую минуту въ жизни будущаго преподобнаго Сергія Радонежскаго, — минуту, характеризующую и прошлую и будущую жизнь отрока Вареоломея, которая является такимъ образомъ центромъ дѣйствія.

„Слѣдовательно—скажемъ опять словами Лессинга—живопись можетъ подражать также и дѣйствіямъ, но только посредственно, помощью тѣлъ. Такова по отношенію къ живописи окончательная формулировка закона, открытаго Лессингомъ.

Подобныя же дополненія должны быть сдѣланы и къ закону, опредѣляющему область поэтическаго творчества. Поэтъ изображаетъ дѣйствія. Но развѣ можно представить себѣ дѣйствіе безъ лица дѣйствующаго, а иногда и безъ предмета, на который обращено дѣйствіе? Развѣ можно изобразить хожденіе, не изобразивъ ходящаго? Развѣ можно изобразить постройку дома, не изобразивъ плотниковъ и матеріала, изъ котораго домъ строится? А между тѣмъ и балки и строители суть самыя настоящія тѣла. Слѣдовательно поэзія необходимо должна изображать также и тѣла. Но она изображаетъ ихъ лишь посредственно при помощи дѣйствій. Таковъ основной законъ поэзіи въ его окончательномъ видѣ.

Какимъ же образомъ можно изобразить тѣло при помощи дѣйствій? Здѣсь могутъ быть два приема. Одинъ, употребляя ходячія стилистическія обозначенія, можно назвать замѣною описанія предмета повѣствованіемъ о немъ. Другой состоитъ въ томъ, что поэтъ вмѣсто того, чтобы описывать предметъ, изображаетъ произведенное имъ впечатлѣніе, а по силѣ и свойству этого послѣдняго можно уже судить о свойствахъ самого предмета.

Примѣры уяснятъ намъ дѣло.

Лессингъ беретъ ихъ изъ греческой поэзіи. У Гомера, какъ настоящаго художника, всѣ отдѣльные предметы опи-

сываются лишь по мѣрѣ участія ихъ въ дѣйствіи: вещи никогда не изображаются у него статарно, въ состояніи покоя. Въ пятой пѣснѣ Илиады вмѣсто того, чтобы описывать колесницу Геры въ ея готовомъ, законченномъ видѣ, Гомеръ заставляетъ Гебу составлять ее на нашихъ глазахъ. Богиня беретъ мѣдныя, осмыспичныя колеса, надѣваетъ ихъ на желѣзную ось, прикрѣпляетъ блестящими отъ золота ремнями кузовъ съ серебрянымъ дышломъ, привязываетъ ярмо, надѣваетъ на коней пышную сбрую и наконецъ вводитъ ихъ, быстроногихъ и жаждавшихъ брани, подъ ярмо. Колесница готова, и мы составили себѣ о ней полное понятіе, а между тѣмъ поэтъ ни на минуту не задержалъ дѣйствія!

Хочетъ ли Гомеръ изобразить лукъ, онъ заставляетъ своего героя стрѣлять изъ него. Мы видимъ, какъ Пандаръ вынимаетъ изъ колчана оперенную стрѣлу, „виновницу черныхъ страданій“, какъ накладываетъ ее на тетиву и, захвативъ стрѣлу вмѣстѣ съ жилой бычачьей, придавливаетъ тетиву къ груди, къ луку желѣзо,—и изогнулся крѣгомъ рогъ, лукъ зазвенѣлъ, тетива застонала, и стрѣла отскочила острой мѣдью впередъ, улетая во вражескій станъ. Полная движенія картина, а вмѣстѣ съ тѣмъ описанъ и лукъ. Когда надо Гомеру описать одежду Агамемнона, онъ заставляетъ насъ присутствовать при одѣваніи царя:

Быстро поднявшись, онъ сѣлъ и въ мягкій хитонъ облачился,
Сшитый недавно, красивый. И, плащъ перекинувъ широкій,
Пару сандалій прекрасныхъ къ блестящимъ ногамъ подвязалъ онъ,
Мечъ среброгвоздый потомъ черезъ плечи могучія бросилъ,
Въ руки же скипетръ взялъ прародительскій, вѣчно нетлѣнный,
Съ нимъ и отправился въ путь къ кораблямъ мѣднобронныхъ
данайцевъ.

Тутъ въ каждомъ стихѣ новый моментъ дѣйствія. При описаніи скипетра, по мановенію котораго шли за „пастыремъ народовъ“ воинственные отряды грековъ, употреблень тотъ же приѣмъ, только въ измѣненномъ видѣ: вмѣсто описанія скипетра, рассказывается исторія его происхожденія.

Словомъ, всюду поэтъ замѣняетъ описаніе предмета повѣствованіемъ о немъ.

Не зная Гомера, былины наши въ искусствѣ не уступаютъ ему, повторяя, какъ истинно художественныя пѣсни, тотъ же приѣмъ:

Вынимаетъ онъ Потокъ
Изъ налушна свой тугой лукъ,
Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу;
И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
Калену стрѣлу въ правую,
Накладываетъ на тетивочку шелковую,
Потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
Калену стрѣлу семи четвертей,
Заскрипѣли полосы булатныя
И завывли рога у туга лука.

Это сколокъ съ описанія лука у Гомера. Гомеровскому описанію одежды Агамемнона вполне соотвѣтствуетъ описаніе вооруженія Ильи передъ его выѣздомъ на поединокъ съ нахвальщикомъ:

Походитъ Илья на конюшій дворъ,
Имаетъ Илья добра коня,
Уздаетъ въ уздечку тесмянную,
Сѣдлаетъ въ сѣдлышко черкасское,
Въ торока вяжетъ палицу боевую—
Она вѣсомъ та палица девяносто пудъ,—
На бедра беретъ саблю вострую,
Во руки беретъ плеть шелковую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочанскую.

Словно русскій крестьянинъ, слагая свои былины, черпалъ непосредственно изъ сокровищницы греческой народной поэзіи.

Это совпаденіе въ полной мѣрѣ раскрываетъ передъ нами и высокое поэтическое достоинство былинь и непременность открытаго Лессингомъ основного поэтическаго закона. Оказывается, что, каковы бы ни были условія мѣста и времени, художникъ, если только въ немъ дѣйствительно живетъ чувство прекраснаго, неизбежно совершаетъ уклонъ

отъ пространственныхъ отношеній въ сторону временной послѣдовательности, ибо самое орудіе его искусства—слово—есть значокъ, располагающійся во времени. У Пушкина есть маленькое стихотвореніе на статую Пименова „Игрокъ въ бабки“. Здѣсь первоклассный мастеръ слова вступаетъ въ состязаніе съ художникомъ рѣзца. И что же онъ дѣлаетъ? Онъ и не думаетъ изображать лицо игрока, красоту и анатомическую точность его мускуловъ. Онъ чувствуетъ, что это не въ его силахъ. Одинъ моментъ, схваченный Пименовымъ, онъ превращаетъ въ рядъ послѣдовательныхъ моментовъ и развертываетъ передъ нами картину, полную жизни:

Юноша трижды шагнулъ, наклонился, рукой о колѣно
 Бодро оперся, другой поднялъ мѣткую кость.
 Вотъ ужъ прицѣлился... Прочь! раздавайся, народъ любопытный;
 Врознь разступись: не мѣшай русской удалой игрѣ.

Вѣковѣчный законъ поэзіи беретъ свое. И не знаешь, кому отдать честь побѣды—поэту или ваятелю. Кажется, что она принадлежитъ поэту. Пусть мы не видимъ у него лица мальчика, не ощущаемъ такъ осязательно его тѣла, но зато здѣсь выражено нѣчто безконечно болѣе важное, чѣмъ тѣло; здѣсь въ дѣйствиіи раскрывается передъ нами жизнь человѣческая, ибо, гдѣ есть движеніе, тамъ есть и жизнь.

Съ этой точки зрѣнія еще болѣе совершеннымъ долженъ быть признанъ другой изъ двухъ вышеуказанныхъ приѣмовъ—замѣна описанія предмета рассказомъ о впечатлѣніи, которое онъ производитъ на другихъ людей, ибо впечатлѣніе переноситъ насъ въ область уже не физической только, а и духовной жизни человѣка. вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ приѣмъ находитъ себѣ еще болѣе глубокое обоснованіе, чѣмъ первый; въ свойствахъ слова. Слово, какъ мы видѣли въ началѣ нашихъ бесѣдъ, само есть окристаллизовавшееся впечатлѣніе, непосредственный оттискъ внѣшняго міра въ умѣ человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ самыхъ первыхъ проявленій его творческаго духа. Слѣдовательно, описаніе пред-

мета при помощи впечатлѣнія, производимаго имъ на человека, коренится въ самыхъ свойствахъ языка, какъ живописца внѣшняго міра. Здѣсь у поэта нѣтъ соперниковъ.

Какъ жалокъ и ничтоженъ кажется Геркулесъ Фарнезскій съ его желѣзной мускулатурой и мощно поднятой грудью, когда мы вспомнимъ былиннаго нахвальщика. Ни однимъ словомъ не обмолвилась былина объ его внѣшнемъ видѣ; она вырисовываетъ только одну маленькую черточку, но зато какую!

Вдѣтъ Добрыня изъ чиста поля,
Въ чистомъ полѣ увидѣлъ ископать великую;
Ископать велика — полпечи.

Если комъ земли, вылетающей изъ-подъ копытъ богатырскаго коня, величиною въ полпечи, каковъ же конь и каковъ богатырь, котораго онъ носить! И мы готовы благодарить поэта, что онъ не вздумалъ описывать богатыря подробно: чѣмъ неопредѣленнѣе его грозныя очертанія, тѣмъ они страшнѣе. Ни одинъ живописецъ, ни одинъ ваятель не сумѣлъ бы дать намъ такого яснаго понятія о злой силѣ Соловья-разбойника, какъ это дѣлаетъ былина: засвисталъ Соловей по соловьему, закричалъ по звѣриному,—и

Темные лѣса къ землѣ поклонилися,
На теремахъ маковки покривились,
Околенки хрустальныя поразсыпались,
Что есть людишекъ, всѣ мертвы лежать.

То же можно сказать и объ изображеніи Микулы Селяниновича, о наружности котораго въ былинахъ нѣтъ ни слова, но онъ одной рукой подымаетъ сошку, которую не могли поднять „тридцать молодцовъ безъ единаго“, вся дружина самого могучаго Вольги, который, будучи возрастомъ въ полтора часа, говоритъ, какъ громъ гремитъ, и беретъ въ руки палицу,

А и тяжку палицу свинцовую,
А вѣсомъ та палица въ триста пудъ.

Но блескъ и совершенство разбираемаго художественнаго приѣма проявляется вполнѣ лишь въ изображеніи поэтомъ тѣлесной красоты. Будучи, по опредѣленію Лессинга, „стройнымъ сочетаніемъ разнообразныхъ частей, которыя могутъ быть усмотрѣны однимъ взглядомъ, она требуетъ, слѣдовательно, чтобы эти части были одна подлѣ другой единовременно“ и потому, казалось бы, составляетъ исключительное достояніе пластическихъ искусствъ. Дѣйствительно, Аріосто описаніе своей Альцины въ „Неистовомъ Орландѣ“ овѣяло всю роскошью поэтическихъ красокъ и однако, какъ ни старался онъ описывать „золотистые ея волосы, нѣжные и завитые въ кудри, нѣжныя щечки, на которыхъ разливался смѣшанный цвѣтъ розъ и лилій, радостное чело, выточенное изъ слоновой кости, два черные глаза. или скорѣе два яркія солнца, что сверкали подъ двумя черными тончайшими дугами, носикъ, до того правильный, что и сама зависть ничего не нашла бы въ немъ, что можно было бы поправить, уста съ двумя рядами отборныхъ жемчужинъ, то закрываемыхъ, то обнажаемыхъ прелестными сладостными губками, очаровательную улыбку, что низводитъ рай на землю, бѣлизнѣ снѣга подобную шею, ручку, гдѣ ни одна жилка не нарушала гармоніи, и даже ножку, маленькую, сухую и кругленькую“,—въ общемъ, употребляя сравненіе Лессинга, всѣ эти камни, которые поэтъ катитъ одинъ за другимъ на гору съ тѣмъ, чтобы построить на вершинѣ прекрасное зданіе, скатываются сами собой съ другой стороны, а зданія нѣтъ какъ нѣтъ! Въ отдѣльныхъ чертахъ безслѣдно расплывается образъ цѣлаго. Дѣлю однако въ корнѣ измѣняется, когда поэтъ, вспомнивъ о средствахъ своего искусства, начинаетъ изображать намъ красоту въ дѣйствиіи. У Майкова есть стихотвореніе, гдѣ нѣсколькими штрихами съ удивительнымъ искусствомъ очерченъ образъ Елены:

Сидѣли старцы Иліона
Въ кругу у городскихъ воротъ;

Ужъ дится града оборона
Десятый годъ. тяжелый годъ!
Они спасеня ужъ не ждали,
И только павшихъ поминали,
И ту, которая была
Виною бѣды ихъ—проклинали:
«Елена! Ты съ собой ввела
«Смерть въ наши дома! Ты намъ плѣна
«Готовишь цѣпи!!»

Въ этотъ мигъ

Подходитъ медленно Елена,
Потупя очи, къ сонму ихъ;
Въ ней дѣтская сияла благодать
И думы легкой чистота;
Самой была какъ будто въ тягость
Ей роковая красота..
Ахъ, и сквозь облако печали
Струится свѣтъ ея лучей..
*Неволью смолкнувъ, старцы встали
И разстутились передъ ней.*

Это развитіе картины, нарисованной Гомеромъ, въ 3-ей пѣснѣ Иліады, когда Елена входитъ въ собраніе троянскихъ старѣйшинъ и увидѣвъ ее, старцы говорятъ другъ другу:

Нѣтъ, осуждать невозможно, что Трои сыны и Ахейцы
Брань за такую жену и бѣды столь долгія терпятъ:
Истинно, вѣчнымъ богинямъ она красотой подобна.

Гомеръ, который, по наблюденію Лессинга, на протяженіи всей Иліады два только раза, и то мимоходомъ, говоритъ о красотѣ Елены, называя ее въ одномъ мѣстѣ „бѣлорукой“, а въ другомъ „прекрасноволосой“, здѣсь не даетъ и этихъ чертъ. Майковъ ограничивается упоминаніемъ о потупленныхъ очахъ Елены. Оба поэта предоставляютъ воображенію каждаго читателя нарисовать себѣ образъ Елены, какъ ему удобно. И однако какъ много ими сказано! Во истину, въ самомъ изображеніи внѣшняго міра они живописцы духа человѣческаго, а слово--орудіе высшаго изъ искусствъ! По впечатлѣнію, возбужденному красотой, судимъ о самой красотѣ. Десять лѣтъ шелъ непрерывный бой изъ-за Елены; не было вокругъ Трои клочка земли, не залитаго кровью; не

было семьи, которая бы не оплакивала смерть отца, брата, сына, погибшаго изъ-за Елены. Проклятiя неслись ей навстрѣчу. Но стоило только появиться ей, и тѣ, кто только что проклинали въ ней виновницу всѣхъ бѣдъ, невольно смолкали и въ почтенiи разступались передъ ней. Поистинѣ это была красота свѣтозарная, неопиcуемая. Если бы самый талантливый живописецъ захотѣлъ заключить ее въ видимый образъ, онъ только ослабилъ бы впечатлѣнiе, произведенное поэтомъ.

Сербскiя народныя пѣсни и русскiя былины стоятъ здѣсь на одномъ уровнѣ съ лучшими созданiями поэзи. Когда въ одной изъ пѣсенъ, собранныхъ Вукомъ Караджичемъ, красавица Роксана входитъ въ чертогъ, гдѣ ее ждали сербскiе воеводы, вся комната засіяла отъ ослѣпительнаго сiянiя ея красоты:

Сину ¹⁾ чардак ²⁾ на четыре стране
 Од нѣзина ³⁾ дивна одиѣла,
 Од нѣзина стаса ⁴⁾ и образа.

Взглянули три сербскiе воеводы, взглянули и застыдились, воистину Роксандѣ подивились.

Млого ⁵⁾ Марко чуда сагледао,
 И виѣо ⁶⁾ виле ⁷⁾ на планини ⁸⁾,
 И имао виле посестрима,
 Ни од шта се није препануо ⁹⁾,
 Ни с' ода шта ¹⁰⁾ Марко застидно,
 Баш се Роси бјеше зачудно,
 Погледнуше у землицу црну ^{*}).

Самъ Марко-королевичъ, что никогда ни передъ кѣмъ не опускалъ глазъ, не могъ выдержать ея взгляда, посмотрѣлъ, было, на Роксанду, но смутился и, какъ мальчикъ, потупилъ глаза въ черную землю.

Наши былины описываютъ знаменитаго кiевскаго кра-

*) Српске народне пјесме. У Бечу. 1875. ¹⁾ Засiялъ, ²⁾ теремъ, ³⁾ ея, ⁴⁾ осанка, фигура, ⁵⁾ много, ⁶⁾ видѣлъ, ⁷⁾ горная фея, ⁸⁾ въ горахъ, ⁹⁾ оробѣлъ, ¹⁰⁾ ни отъ чего.

савца, молодого Чурилушку сына Пленковича въ другомъ, игривомъ тонѣ, но съ искусствомъ неменьшимъ. Когда попалъ Чурило въ стольники ко Владимиру и сталъ ходить по палатамъ, дубовы столы разстанавливать, желтыми кудрями потряхивать,

Ршала княгиня Апраксія
Бѣлое мясо лебединое—
Заглядѣлась на Чурилу сына Пленковича,
На его на кудерышки желтыя,
Бѣлу ручушку себѣ порѣзала,
Со стыда подъ столъ руку свѣсила,
Помутился свѣтъ въ ясныхъ очушкахъ.

Увидѣлъ Владимиръ, что опасно быть Чурилушкѣ въ стольникахъ и повелѣлъ ему „быть во ласковыхъ зазывателяхъ“, ходить по Кіеву и зазывать гостей къ князю на почестенъ пиръ, но, какъ ни закрывать солнца, не затмитъ красы его лучезарной:

Ходитъ Чурилушка по Кіеву,
Князей созываетъ со княгинями,
Желтыми кудрями самъ потряхиваетъ—
Желтыя кудри рассыпаются,
Что скаченъ жемчугъ раскатается,
Заглядѣлися всѣ люди на Чурилушку:
Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещать,
Гдѣ молодушки глядятъ—оконницы звенять,
А старыя старухи костыли грызутъ,
Все гляючи на молода Чурилушку.

Рѣдко можно читать строки, гдѣ бы съ такимъ непринужденнымъ остроуміемъ соединялось столько тонкаго искусства. Чрезвычайно замѣчательно въ смыслѣ художественности и описаніе наряда молодого Чурилушки, той „одежины драгоцѣнной“, въ которой

Строчечка одна строчена чистымъ серебромъ,
Другая строчена краснымъ золотомъ;
Въ пуговицы воплетено по доброму по молодцу,
Въ петельки воплетено по красной по дѣвушкѣ:

Какъ застегнутся, такъ обоймутся,
А разстегнутся, и поцѣлуются.

Но это уже искусное примѣненіе перваго изъ указанныхъ Лессингомъ пріемовъ для описанія тѣлѣ.

Оба пріема встрѣчаются въ извѣстномъ стихотвореніи Фета:

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ,
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало;
Разсказать, что лѣсъ проснулся,
Весь проснулся, вѣткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полною жаждой;
Разсказать, что съ той же страстью,
Какъ вчера, пришелъ я снова,
Что душа, какъ прежде, счастье
И тебѣ служить готова;
Разсказать, что отовсюду
На меня весельемъ вѣетъ,
Что не знаю самъ, что буду
Пѣть, но только пѣсня—зрѣть,

Первая половина этого стихотворенія есть замѣна описанія весенняго утра, повѣствованіемъ о постепенномъ пробужденіи природы подъ горячими лучами весенняго солнца. Во второй поэтъ отъ внѣшняго міра обращается внутрь себя и раскрываетъ передъ нами свою душу, свои чувства, такія же молодыя, свѣжія, горячія, какъ это залитое солнечными лучами весеннее утро. Въ общемъ все сливается въ одинъ гармоническій образъ молодого, яркаго, весенняго утра—юности. Въ народной словесности соединеніе обоихъ пріемовъ встрѣчается въ знаменитыхъ стихахъ народной пѣсни о змѣѣ.

Изъ норы ползеть—озирается,
По песку ползеть—извивается,
По травѣ ползеть—мураву сунуть.

Здѣсь слово человѣческое достигаетъ высотъ изобразительности и совершается воочію чудо искусства: звуки приобрь-

таютъ яркость красокъ, выпуклость и гибкость живого тѣла. Народъ подымается на высоту, гдѣ стоятъ величайшіе художники міра. Слыхомъ не слыхавъ ни о какой эстетикѣ, онъ носитъ въ себѣ ея законы и слѣдуетъ имъ безотчетно, потому что чувствуетъ—красоту.

IV.

Законы, выведенные Лессингомъ для живописи и поэзіи, таятъ въ себѣ зародыши новыхъ указаній, важныхъ какъ для того, такъ и для другого искусства.

Если живописецъ можетъ изобразить на своей картинѣ только одинъ моментъ дѣйствія, то очевидно, что онъ долженъ выбрать самый плодотворный моментъ, который бросалъ бы наибольшій свѣтъ на всѣ предшествующіе и послѣдующіе моменты. Если поэтъ, въ произведеніяхъ котораго все вѣчно движется, живетъ и мѣняется, можетъ обрисовать самый предметъ дѣйствія—тѣло—только мимоходомъ, то очевидно, что онъ долженъ изъ всѣхъ опредѣлительныхъ словъ въ языкѣ выбрать такое, которое бы схватывало данный предметъ живьемъ, обрисовало бы сразу самую сущность его или, по крайней мѣрѣ, ту его сторону, на которую въ данную минуту желательно обратить вниманіе. Для живописца важенъ выборъ момента дѣйствія; для поэта—выборъ эпитета, ибо греческое слово *эпитетъ* значитъ по русски буквально *прилагательное*, иначе говоря, *качественное опредѣленіе*, обрисовывающее такъ или иначе данный предметъ.

Пройдемся теперь по московской Третьяковской галлерей, и собранныя тамъ картины научатъ насъ, что значитъ для живописца искусно выбранный моментъ дѣйствія. Передъ нами картина Пукирева „Неравный бракъ“. На темномъ фонѣ церкви оплывшія жиромъ, равнодушныя лица зрителей, въ которыхъ пошлость житейская давно заглу-

шила всякое живое и свободное движеніе человѣческой души. Впереди старый-старый священникъ, слабыя плечи котораго, кажется, сгибаются подъ тяжестью золотой ризы, дряхлой рукой соединяетъ на жизнь догробную пару новобрачныхъ. Это молодая, шестнадцатилѣтняя дѣвушка съ лицомъ, на которомъ еще не высохли слезы, и рядомъ съ нею ея будущій мужъ, вытянувшійся въ палку старикъ со звѣздою на черномъ фракѣ и Владимиромъ на шеѣ, съ тщательно причесанными клочками волосъ на лысой головѣ и гладко выбритыми морщинами сухого, бездушнаго чиновничьяго лица, которое привыкло къ повиновенію и теперь въ сознаніи своей власти спокойно смотритъ на свою бѣдную жертву. А сбоку фигура молодого человѣка, быть можетъ, избранника сердца невѣсты, съ нѣмымъ укоромъ негодованія во взглядѣ. И какъ краснорѣчивъ этотъ безмолвный взглядъ и вся эта нѣмая сцена! Одинъ моментъ выхватилъ изъ цѣлой цѣпи событій художникъ, но онъ говоритъ намъ обо всемъ, что было, о слезахъ матери, о просьбахъ отца не губить семьи, о самопожертвованіи молодого дѣвичьяго сердца, говоритъ и о томъ, что будетъ, о всей загубленной жизни дѣвушки. Вся драма оживаетъ, и къ сердцу зрителя неудержимо подступаетъ негодованіе на возмутительное насиліе надъ человѣческой душой, мимовольнымъ зрителемъ котораго онъ очутился.

А въ нѣсколькихъ шагахъ далѣе другая картина — Флавицкаго. Казематъ Петропавловской крѣпости. Наводненіе. Отъ напора воды разлетѣлось стекло и цѣлымъ потокомъ вливается въ раскрытое окно вода. Она уже достигла постели. Мыши въ страхѣ взбираются на матрацъ, а на немъ, въ безсильномъ отчаяніи, раскинувъ руки, прислонилась къ сырой стѣнѣ каземата молодая дѣвушка въ богатомъ бархатномъ платьѣ съ широкимъ вырѣзомъ на груди. Это — княжна Тараканова. Ея нарядъ говоритъ объ ея прошломъ, а будущее — мы его не знаемъ, но стремительный потокъ воды все льется и льется, и одинъ за другимъ въ нашемъ вообра-

женіи возникаютъ страшные образы возможнаго. Мы опять— во власти художника: на одинъ мигъ разорвавъ передъ нами завѣсу жизни, онъ заставилъ насъ переживать съ собою всѣ ея ужасы.

Въ другой комнатѣ лѣсной пейзажъ Шишкина. Тишина безмолвная, невозмутимая. Вѣковыя деревья стоятъ и думаютъ свою вѣчную думу. На обломавшемся стволѣ упавшаго дерева рѣзвятся медвѣжата. Все ясно, спокойно и пригрѣто солнцемъ. Идиллія. Тихо и незримо совершается процессъ растительной жизни. Что было вчера, то будетъ и сегодня. Художнику незачѣмъ много думать надъ выборомъ момента для своей картины: онъ здѣсь въ своей сферѣ. Въ нарисованную имъ идиллію не вошло еще зло жизни. Иное положеніе выбралъ для своей картины польскій пейзажистъ, Фалатъ. У него тоже лѣсной пейзажъ, только зимою. Такіе же медвѣжата весело борются другъ съ другомъ и, неуклюжія, катаются по снѣгу. Та же картина семейнаго счастья. Но вдали уже подкрадываются съ винтовками охотники,— и все измѣнилось. Вы ждете, сейчасъ раздается выстрѣлъ, и бѣлый снѣгъ обагрится алой кровью молоденькихъ медвѣжатъ и разлетится прахомъ ихъ дѣтское счастье. Художникъ совмѣстилъ идиллію Шишкина съ драматизмомъ жизни, который внесъ съ собой въ картину человѣкъ. Моментъ выбранъ чрезвычайно удачно,— и картина заговорила не только о настоящемъ, но и о прошломъ и о будущемъ. Живописецъ перешелъ здѣсь грань, отдѣляющую живопись отъ поэзіи: онъ сталъ краснорѣчивымъ.

Но живописи заговорить легче, чѣмъ поэзіи стать живописной. Живописецъ изображаетъ, правда, всего только одинъ моментъ дѣйствія, но онъ можетъ исчерпать его вполне, остановить на немъ надолго вниманіе зрителя. Поэтъ, касаясь по самой природѣ своего искусства одной какой-нибудь стороны тѣла, и ту можетъ отмѣтить только мимоходомъ: едва успѣетъ онъ сдѣлать одинъ-два штриха, какъ уже неостанавливающееся движеніе дѣйствія увлекаетъ

его впередъ. Да и выбрать изъ разныхъ моментовъ дѣйствія центральный не требуетъ особенной зоркости: кто же станетъ рисовать трубочиста въ ту минуту, когда онъ, сидя дома, еще совершенно чистый, только готовится идти на свою грязную работу? Но поистинѣ необыкновенная художественная чуткость и прозорливость требуется для того, чтобы схватить на лету самую существенную черту даннаго предмета и закрѣпить ее въ мѣткомъ и образномъ словѣ такъ, чтобы она мгновенно врѣзалась въ память зрителя. Лишь безсмертнымъ богамъ извѣстно существо вещей, говорили древніе. Въ этомъ смыслѣ поэзію въ старину не безъ основанія называли „божественной“.

Впрочемъ здѣсь неизбѣжны оговорки. Ограниченность человѣческаго существа не дѣлаетъ изъятія и для поэтовъ и проникновенность поэтическаго взгляда, конечно, только относительная. Эпитетъ рѣдко когда указываетъ на самую существенную черту предмета: обыкновенно, онъ бываетъ одностороннимъ, обозначая лишь одно изъ многихъ свойствъ предмета, и задача поэта заключается лишь въ томъ, чтобы изъ массы опредѣлительныхъ словъ въ языкѣ выбрать то, которое въ данную минуту наиболѣе соответствуетъ его цѣли. Иначе говоря, поэтомъ при выборѣ эпитетовъ для опредѣляемаго слова руководить не столько безотносительная цѣнность эпитета, сколько или чувство или идея, которую надо изобразить.

Да позволено будетъ здѣсь для примѣра коснуться личныхъ воспоминаній. Всякому извѣстно, что одинъ и тотъ же предметъ можетъ являться въ различномъ освѣщеніи, смотря по тому, въ какія очки мы на него смотримъ—розовые или дымчатая. Очки эти покупаются въ лавкѣ, которая зовется жизнью, и нѣтъ человѣка, который бы былъ избавленъ отъ необходимости зайти въ эту лавку и заpastись тамъ тѣми или другими стеклами. Когда-то въ дни юности нашей издавали мы, ученики седьмого класса московской 4-й гимназіи, журналъ подъ громкимъ, но и милымъ названіемъ „Брат-

ство“ и, такъ какъ всѣмъ намъ за 7 лѣтъ успѣло уже достаточно прискучить „большое заведеніе классическихъ наукъ“, то, помнится, нравились намъ всѣмъ тогда стихи нашего поэта П—го о гимназій:

Что ни день—въ часъ урочный сюда по утрамъ
Въ этотъ домъ мы толпой собираемся
Къ своимъ чернымъ, угрюмымъ, постылымъ столамъ:
Двѣльнымъ дѣломъ мы здѣсь занимаемся...

Черныя, угрюмыя, постылыя скамьи! Тогда эти эпитеты казались намъ необыкновенно сильными, вѣрными, схватывающими самое существо дѣла. А если бы теперь пришлось изобразить гимназію, думается, и самъ пессимистическій поэтъ нашъ описалъ бы ее иными красками, свѣтлыми, яркими! Молодое весеннее солнце ворвалось бы снопомъ своихъ лучей въ широкія окна бывшаго дворца Елисаветы, освѣтило бы шумливую и веселую толпу юношей, безопасно стоящихъ у порога жизни, и свѣтло и радостно прозвучало бы въ его лучахъ гармонической звукъ „умолкнувшей эллинской рѣчи“:

οἴη δὲ Ζεφύροιο ἐχέουατο πόντον ἐπι φρίξ
ὀρνυμένοιο νέον, μελάνει δὲ τε πόντος ὑπ' αὐτῆς,
τοιαὶ ἄρα στίχες εἶατ' Ἀχαιῶν τε Τρώων τε
ἐν πεδίῳ. Ἐκτῶρ δὲ μετ' ἀμφοτέροισιν εἶπεν...

„Что прошло, то будетъ мило“. И ото всего, что было, осталось только впечатлѣніе молодого, свѣжаго, чистаго, той юношеской вѣры въ добро, которая свѣтилась у насъ въ глазахъ, когда, собравшись у одного изъ товарищей на первое редакціонное засѣданіе, мы, крѣпко пожимая другъ другу руки, повторили за другимъ нашимъ поэтомъ обѣтъ дружбы:

Разрозненныхъ печаль и горе ждеть,
Но не коснется братскаго союза
Гроза житейскихъ бурь и непогодъ!

„Черныя, угрюмыя“ скамьи превратились бы, пожалуй, въ скамьи блестящія, залитыя солнцемъ, и кто ихъ знаетъ, ка-

кова истинная сущность гимназическихъ скамеекъ, но какъ въ первомъ случаѣ умѣстны были эпитеты „черныя и угрюмыя“, такъ во второмъ „блестящія и залитыя солнцемъ“, ибо суть дѣла заключалася не въ скамейкѣ, а въ выраженіи чувства и настроенія, сквозь призму котораго разъ бываетъ видна одна сторона предмета, а другой—другая.

Тѣсная зависимость эпитетовъ уже не отъ настроенія, а отъ идеи произведенія подробно разъяснена Мережковскимъ въ превосходной книгѣ его о Толстомъ и Достоевскомъ. Изъ множества относящихся сюда примѣровъ возьмемъ одинъ. Всѣ помнятъ, вѣроятно, въ „Войнѣ и мирѣ“ ту сцену въ опустѣвшей Москвѣ, когда графъ Растопчинъ отдалъ на растерзаніе развирѣпѣвшей толпѣ ни въ чемъ неповиннаго Верещагина, указавъ на него, какъ на „шпіона“ и „мерзавца“, отъ котораго будто бы „Москва погибла“. Здѣсь „тонкая, длинная шея и вообще тонкость, слабость, хрупкость во всемъ тѣлѣ Верещагина должна выражать беззащитность жертвы передъ грубою, звѣрскою силою толпы.

— Гдѣ онъ? — сказалъ графъ, и въ ту же минуту, какъ онъ сказалъ это, онъ увидѣлъ изъ-за угла дома выходящаго, между двухъ драгунъ молодого человѣка съ *длинною, тонкою шейю...* У него были нечищенные, стоптанные, *тонкіе* сапоги. На *тонкихъ* слабыхъ ногахъ тяжело висѣли кандалы... — Поставьте его сюда! — сказалъ Растопчинъ, указывая на нижнюю ступеньку крыльца. Молодой человѣкъ, тяжело переступая на указываемую ступеньку и вздохнувъ, покорнымъ жестомъ сложилъ передъ животомъ *тонкія*, нерабочія руки... „Ребята! — сказалъ Растопчинъ металлически-звонкимъ голосомъ, — этотъ человѣкъ, Верещагинъ, тотъ самый мерзавецъ, отъ котораго погибла Москва“. Верещагинъ подымаетъ лицо и старается поймать взоръ Растопчина. Но тотъ не смотритъ на него. На *длинной, тонкой* шеѣ молодого человѣка, какъ веревка, напружилась и посинѣла жила за ухомъ. Народъ молчалъ и только все тѣснѣе и тѣснѣе нажималъ другъ друга... „Бей

его! Пускай погибнетъ измѣнникъ и не срамитъ имя русскаго!“ — закричалъ Растопчинъ... „Графъ!.. проговорилъ среди опять наступившей тишины робкій и вмѣстѣ съ тѣмъ театральнй голосъ Верещагина. Графъ! одинъ Богъ надъ нами“... И опять налилась кровью толстая жила на его *тонкой шеѣ*. Одинъ изъ солдатъ ударилъ его тупымъ палашомъ по головѣ... Верещагинъ съ крикомъ ужаса, заслоняясь руками, бросился къ народу. Высокій малый, на котораго онъ наткнулся, вцѣпился руками въ *тонкую шею* Верещагина и съ дикимъ крикомъ, съ нимъ вмѣстѣ, упалъ подъ ноги наваливагося, ревущаго народа. Послѣ преступленія тѣ же люди, которые совершили его — „съ болѣзненно-жалостнымъ выраженіемъ глядѣли на мертвое тѣло съ посинѣвшимъ, измазаннымъ кровью и пылью лицомъ и съ разрубленной *длинною, тонкою шейей*“.

На пяти страницахъ восемь разъ повторено слово *тонкій* въ разнообразныхъ сочетаніяхъ — тонкая шея, тонкія ноги, тонкіе сапоги, тонкія руки, — и этотъ эпитетъ находится въ тѣснѣйшемъ соотвѣтствіи съ идеей сцены, вполне вѣрно рисуя отношеніе безсильнаго и беззащитнаго Верещагина къ тысячеголовой толпѣ.

У Тютчева въ его картинахъ природы мы поднимаемся, кажется, еще на высшую ступень. Его эпитеты иногда теряютъ всякую односторонность и, съ поразительной точностью и простотой схватывая самую сущность предмета, принимаютъ характеръ вѣрности почти безотносительной. Художникъ не тратитъ много красокъ. Одно-два опредѣленія, но они такъ характерны, такъ ярки и существенны, что вслѣдъ за ними сами собой поднимаются въ воображеніи всѣ остальные признаки явленія, — и живой образъ его возникаетъ передъ слушателемъ во всей полнотѣ:

Песокъ сыпучій по колѣни;
Мы ѣдемъ; поздно; меркнетъ день,
И сосенъ по дорогѣ тѣни
Уже въ одну слилися тѣнь.

Червѣй и чаще лѣсъ глубокій...
 Какія грустныя мѣста!
 Ночь хмурая, какъ зѣбрь стоокій
 Глядитъ изъ cadaго куста.

Здѣсь изъ стиховъ смотритъ на насъ сама темная, жуткая ночь, и чувствуется копошащійся подъ ней хаосъ. Мы находимся на вершинахъ искусства ¹⁾).

Обозрѣвая съ этихъ высотъ нашу народную поэзію въ той ея части, которая служитъ предметомъ нашего изученія, мы прежде всего видимъ, что былины вполне вѣрны Лессингову правилу объ единичности качественныхъ опредѣленій. Говорятъ ли онѣ о палатахъ княжескихъ, объ одеждѣ богатырской или о самихъ любимыхъ богатыряхъ своихъ, онѣ не расточаютъ словъ, довольствуясь однимъ или двумя мѣткими эпитетами. Илья всегда является, какъ „старъ мать челоуѣкъ“, „молодой Василий сынъ Буслаевичъ“ узнается „по полеткѣ соколиной, по поступкѣ молодецкой“, Садко— „купецъ, богатый гость“, лукъ всегда „разрывчатый“ или „тугой“, тетивочка „шелковая“, стрѣла „каленая“, терема „златоверхіе“, палаты „бѣлокаменны“, столики „дубовые“, скамеечки „окольные“, окошечко „косящатое“, ѣствушка „сахарныя“, питьеца „медвяныя“. Природы былины касаются рѣдко, но и тутъ всегда довольствуются однимъ штрихомъ: солнце „красное“, небушко „ясное“, поле „чистое“, „темны лѣсушки“, „сырой“ дубъ, береза „покляпая“. Только иногда, чтобы усилить впечатлѣніе, былина подчеркиваетъ эпитетъ, повторяя его дважды: „подъ Черниговомъ силушки чернымъ-черно“, „ай-же ты вѣдь старыя старикъ“, и лишь очень рѣдко попадаютъ при одномъ опредѣляемомъ три эпитета: „перелетныя сѣрыя малыя уточки“, „удалый дородный добрый молодець“. Повинуясь бессознательному чувству красоты, народъ чрезвычайно умѣренъ въ описаніяхъ.

¹⁾ Объ эпитетахъ Тютчева см. болѣе подробно въ біографіи его, написанной И. С. Аксаковымъ.

Всматриваясь въ былинныя эпитеты по существу, мы видимъ, что всѣ они, какъ впрочемъ и всякіе эпитеты вообще, распадаются на два отдѣла. Одни, совпадая съ этимологическимъ значеніемъ опредѣляемаго слова, въ сущности только повторяютъ это значеніе. Другіе извлечены изъ совершенно новыхъ наблюденій надъ опредѣляемымъ предметомъ. Первые образуютъ, собственно говоря, тождество (тавтологію). Таковы, на примѣръ, наши „грязи топуція“, „берегъ крутой“, или „красна дѣвица“, гдѣ въ прилагательномъ „красный“ выражена та же идея свѣта и блеска, что заключена уже въ словѣ „дѣва“. Очевидно, что эпитетъ здѣсь понадобился въ то время, когда уже стерлась свѣжесть впечатлѣнія въ опредѣляемомъ словѣ, и оно, переставъ вызывать въ умѣ опредѣленный образъ, стало превращаться въ условный значокъ. Эпитеты второго рода или указываютъ на новую черту, присущую предмету, но не отмѣченную его этимологическимъ значеніемъ, или рисуютъ идеаль пѣвца, тотъ признакъ, который поэтъ желалъ бы видѣть въ предметѣ. Таковъ столь любимый всѣми народами эпитетъ „золотой“. Сюда же относятся и наши „ѣствушка сахарныя“, „стола бѣлодубовыя“. По этимъ эпитетамъ можно изслѣдовать исторію народныхъ вкусовъ и расположеній. Такъ „дородный молодецъ“, „кудри желтыя“ и „бѣла шея“ Чурилы Пленковича могли бы сыграть свою роль въ обрисовкѣ идеала народной русской красоты.

Среди тѣхъ и другихъ эпитетовъ есть такіе, которые настолько срослись съ опредѣляемымъ словомъ, что фактически являются почти неотдѣлимыми другъ отъ друга. Это такъ называемыя „постоянные эпитеты“. Къ нимъ относится большинство вышеприведенныхъ былинныхъ опредѣленій и малорусскіе эпитеты: „вітр буйный“, „степ широкий“, „туманъ сизый“, „світ вольный“ и другіе. Прежде постоянные эпитеты считались наслѣдіемъ отдаленнѣйшей эпохи творчества. Теперь, послѣ изслѣдованій А. Н. Веселовскаго, наоборотъ, въ нихъ видятъ признакъ сравнительно поздняго

времени, слѣдствіе подбора, когда изъ многихъ эпитетовъ, раньше прилагавшихся къ извѣстному слову, народъ выбралъ одинъ, ему особенно полюбившійся, и пошло уже потомъ это слово гулять по свѣту со своимъ неизмѣннымъ спутникомъ въ силу установившейся привычки: эпитетъ окаменѣлъ. Этимъ окаменѣніемъ Веселовскій объясняетъ „нелѣпости“ народной поэзіи, когда, на примѣръ, въ сербскихъ пѣсняхъ Марко Королевичъ, напавъ на двѣнадцать черныхъ араповъ, сѣчетъ ихъ „по грлу бѣјелу“—по *бѣлому* горлу или въ русскихъ былинахъ Калинъ царь, отправляя своего посла въ Кіевъ, напутствуетъ его словами:

Ай же ты, *поганый татарице!*

Знаешь говорить ли ты по русскому

А *мычать* про себя да по *татарскому*.

Снеси-ко ты писѣмышко ко князю ко Владимиру,

а посолъ поступаетъ еще того лучше, преспокойно называя своего государя передъ Владимиромъ не иначе, какъ „собака Калинъ царь“. Дѣйствительно, еще и теперь простонародье говоритъ: „Какое ты на это полное право имѣешь?“—и одна эта фраза уже показываетъ, что живой образъ, стоящій за эпитетомъ, иногда можетъ улетучиться, причемъ эпитетъ превращается въ мертвую формулу, которую языкъ повторяетъ совершенно машинально. Но попадающіяся въ постоянныхъ эпитетахъ „странности“ можно объяснить и иначе. Бѣлая грудь и бѣлое горло у арапа можно отнести къ разряду тѣхъ эпитетовъ, гдѣ рѣчь идетъ не о реальномъ, а объ идеально-желаемомъ качествѣ предмета; „поганый же татарице“ свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что народъ такъ крѣпко сжился со своими сочувствіями, что, не умѣя стать на иную точку зрѣнія, влагаетъ ихъ въ уста даже врагамъ своимъ. Во всякомъ случаѣ эти „странности“ не мѣшаютъ быть большинству постоянныхъ эпитетовъ чрезвычайно удачными. Фильтръ, черезъ который они прошли прежде, чѣмъ окаменѣтъ, даетъ уже самъ по себѣ до нѣкоторой

степени ручательство въ ихъ достоинствѣ. Изъ многихъ ходячихъ опредѣлений предмета прикрѣпилось къ нему, очевидно, то, которое всего больше выражало его сущность.

Будучи вѣрными и точными, былинныя эпитеты и необыкновенно просты, какъ то гимназическое сочиненіе на тему „описаніе моря“, которое, состояло всего только изъ трехъ словъ: *море было большое*. Когда предложили Чехову его дополнить, онъ отказался:

— Зачѣмъ? Развѣ можно лучше и проще выразить первое и самое главное впечатлѣніе, которое производитъ на насъ море? Море было большое. По-моему, это превосходно.

Въ былинныхъ эпитетахъ нѣтъ ничего придуманнаго, натянутого, вымученнаго. Они, какъ движенія ребенка, непринужденны и непосредственны и именно потому носятъ въ себѣ всѣ признаки настоящаго художественнаго творчества.

Но мы такъ долго и часто указывали на совпаденіе высшихъ формъ художественности съ первобытной непосредственностью чувства, что слѣдуетъ наконецъ выяснитъ тѣсную между ними зависимость. Сны поэзіи недаромъ зовутся ребяческими. Поэтическая рѣчь, которая такъ долго слыла „языкомъ боговъ“, при ближайшемъ изслѣдованіи оказывается гораздо болѣе близкой къ языку дикарей, ибо поэтъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой, сохранилъ въ себѣ черты первобытнаго человѣка. Уясняя эту истину, мы тѣмъ самымъ раскроемъ и одинъ изъ главныхъ источниковъ былинной красоты—образное мышленіе народа-художника.

V.

Если бы кто-нибудь усомнился, что поэтъ и первобытный человѣкъ одинаково мыслятъ образами, его убѣдилъ бы въ этомъ простой взглядъ на образованіе понятій у человѣка.

Подъ понятіемъ мы разумѣемъ совокупность существен-

ныхъ признаковъ предмета. Такъ какъ предметовъ, которые бы обладали одними только существенными признаками, не существуетъ въ природѣ, то всякое понятіе есть плодъ довольно уже сложной умственной работы и получается путемъ отвлеченія отъ дѣйствительныхъ предметовъ ихъ существенныхъ признаковъ. Чтобы составить себѣ понятіе объ яблокѣ вообще, необходимо видѣть напередъ анисовку, антоновку, заячью мордочку и множество другихъ яблокъ. Чтобы получить общую *идею* человѣка, необходимо раньше имѣть *представленіе* о дѣйствительныхъ людяхъ, Иванѣ, Петрѣ, Алексѣѣ. Представленіе же есть не что иное, какъ переснимокъ съ разъ полученнаго нами впечатлѣнія изъ внѣшняго міра: мы только что видѣли яблоко; закрываемъ глаза, и передъ нами, уже безъ всякаго въ данную минуту взаимодействия съ внѣшнимъ міромъ, подымается вновь *образъ* только что видѣннаго нами яблока. Это и есть представленіе объ яблокѣ. Очевидно, что въ родословномъ порядкѣ представленія предшествуютъ понятіямъ, образы идеямъ. Человѣкъ еще не научился анализировать явленія, т.-е. въ данномъ случаѣ разлагать ихъ на рядъ существенныхъ и несущественныхъ признаковъ, а въ его умѣ уже возникали живые образы. Прежде, чѣмъ стать культурнымъ человѣкомъ, онъ уже былъ поэтомъ.

Такъ какъ мысль неотдѣлима отъ языка, то общій ходъ человѣческаго развитія отъ наглядныхъ образовъ къ отвлеченнымъ понятіямъ отразился соотвѣтственно и въ словѣ. Безобразныя слова возникли позднѣе образныхъ. Это—пріобрѣтенія позднѣйшей культуры. Словарь дикаря—вѣрная фотографія его непосредственныхъ впечатлѣній. Всѣ слова въ немъ—живыя отраженія живыхъ образовъ, маленькія поэтическія картинки, на каждой изъ которыхъ виденъ еще неостывшій слѣдъ творчества, подъема чувства, что спѣшило закрѣпить въ граняхъ слова образъ, врѣзавшійся въ умъ. Но время наложило на эти образныя слова свою печать. Они постепенно выцвѣли и, какъ ходячая

монета, у которой отъ долгаго употребленія стерся совершенно рисунокъ, превратились въ условный значокъ для обмѣна мыслей. За свое развитіе мы заплатили свѣжестью впечатлѣній и теперь, когда передъ нами произносятся слово „птица“, мы уже не слышимъ трепетанья птичьихъ крыльевъ, которое было закрѣплено сначала въ этомъ словѣ первобытнымъ человѣкомъ. Выѣдая съ прежнихъ, образныхъ словъ живыя краски, разлагающая работа ума породила вмѣстѣ съ тѣмъ для вновь образовавшихся отвлеченныхъ понятій цѣлый рядъ новыхъ словъ, уже безобразныхъ, а потому и безобразныхъ, ибо что же можетъ быть безобразнѣе всѣхъ тѣхъ аспирацій, инсинуацій, информацій, организацій и даже русскихъ освѣдомленій, уязыковленій и тому подобныхъ выраженій, которыми уснащена теперь наша рѣчь, сѣрая и безжизненная, наполовину составленная изъ иностранныхъ словъ, т.-е. для большинства читателей непонятныхъ условныхъ значковъ, которые только иногда русскій человѣкъ передѣлываетъ на свой ладъ, устраивая изъ прерогативы рогатку, а Аѳину превращая въ ахинею. Вѣнецъ этой условности—появленіе искусственныхъ языковъ, разныхъ волапюковъ и эсперанто съ ихъ притязаніями на мѣсто языковъ живыхъ. Это уже полное торжество мертвечины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гибель поэзіи.

Но сходство между поэтомъ и первобытнымъ человѣкомъ идетъ далѣе лексикона: ихъ роднятъ не только разрозненные нити представленій, но и „мыслей ткани“. У поэта, какъ и у первобытнаго человѣка, на все есть свой особый уголъ зрѣнія. Для насъ вода это соединеніе водорода съ кислородомъ; для него она сверкаетъ жизнью, и весело плещется, и сладостно журчитъ, и нашептываетъ ласковыя рѣчи, а не то, страшная и разъяренная, бушуетъ, воетъ, идетъ на приступъ. Для насъ солнце это бездушный, пылающій шаръ; для него это Гелиосъ на своей сверкающей золотомъ колесницѣ. Для насъ мѣсяць—это мертвая глыба, а тучи—сгустившіяся водныя испаренія; у него и мѣсяць, и

звѣзды, и тучи толпой внимають святымъ пѣснямъ ангела. Современный человѣкъ обыкновенно видитъ въ мірѣ механическое сцѣпленіе частицъ, поэтъ—живую органическую связь. Въ вѣкѣ, когда сердце природы анатомировано, когда все разложено испытующимъ умомъ человѣка, все „испытано горниломъ, вѣсами и мѣрой“, поэтъ одинъ только помнитъ о цѣломъ и живомъ. Всюду онъ вноситъ жизнь и, удаляясь отъ всеразлагающаго анализа современной мысли, приближается къ истоку жизни человѣчества, къ тѣмъ первобытнымъ людямъ, для которыхъ такъ же, какъ и для него,

Жизнь полнѣй текла чрезъ все творенье,
Что и жить не можетъ, все жило.

Встрѣчая теперь въ своемъ языкѣ имена мужескаго, женскаго и средняго рода, мы едва-ли догадываемся, что слова эти не всѣ одинаковаго возраста. Первобытный человѣкъ зналъ только два рода—мужескій и женскій, потому что, мѣряя все по своей мѣркѣ, онъ не зналъ ничего безполаго, какъ не зналъ въ природѣ ничего мертваго. Въ познаніи отъ извѣстнаго идемъ мы къ неизвѣстному. И первобытный человѣкъ, познавая неизвѣстныя ему явленія внѣшняго міра, переносилъ на нихъ свои собственныя свойства. Еще не были поставлены имъ границы между собою и мертвой природой, какъ не существовали границы и между человѣкомъ и богами. Блаженные боги Греціи сходили со своего Олимпа, чтобы подъ звонъ заздравныхъ чашъ пировать вмѣстѣ со смертными и вступать съ ними въ браки, а смертные послѣ доблестной жизни возсѣдали въ ареопагѣ безсмертныхъ. Съ другой стороны, „мыслящій тростникъ“, человѣкъ не отдѣлилъ еще себя отъ незримо разлитой повсюду въ природѣ жизни, не нарушалъ невозмутимаго согласія природы:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье.

Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Это Баратынскій сказалъ о Гете, но сказанное о величайшемъ поэтѣ новаго времени дословно примѣнимо къ человѣку первобытныхъ вѣковъ. Сливая божественное, человѣческое и природное въ одинъ общій потокъ жизни, онъ все мертвое оживлялъ, все живое одухотворялъ.

Пестрый мѣръ волшебныхъ сказокъ былъ для нашихъ предковъ живой и будничной дѣйствительностью. „На суку извилистомъ и чудномъ“ тамъ качалася жарь-птица; сѣрый волкъ помогаль Ивану Царевичу; хитрая лиса обдувала своего кума-человѣка; по зову: „сивка-бурка, вѣщая каурка, стань передо мной, какъ листъ передъ травой“ являлся вѣрный конь,

Маленькій бурушка косматенькій,

и вѣщаль человѣческимъ голосомъ. Природа была другомъ человѣка и, „полная дружелюбной заботы о немъ, языкъ для него обрѣтала“:

Почуя бѣду надъ его головой,
Врань каркаль ему въ опасенье,
И замысла, въ пору смирясь предъ судьбой,
Воздерживаль онъ дерзновенье.
На путь ему выбѣжавъ изъ лѣсу, волкъ,
Крутясь и подьемля щетину,
Побѣду пророчилъ и смѣло свой полкъ
Бросаль онъ на вражью дружину.
Чета голубиная, вѣя надъ нимъ,
Блаженство любви прорицала.
Въ пустынь безлюдной онъ не былъ однимъ:
Нечуждая жизнь въ ней дышала.

Какъ боги съ человѣкомъ, такъ человѣкъ роднился со звѣрями. Наши дѣти увѣрены, что маленькаго братца принесъ имъ аистъ. Первобытный человѣкъ свято вѣрилъ, что произошелъ отъ пѣтуха или какого-нибудь другого животного. По нѣкоторымъ пересказамъ, отцомъ былиннаго Волха Всеславьевича былъ змѣй, да и самъ онъ сегодня былъ Вол-

хомъ, а завтра уже мурашикомъ пробирался сквозь „подворотню дорогъ рыбій зубъ“, на окошечкѣ косящатомъ яснымъ соколомъ слушалъ рѣчи царевны Азвяковны, или гнѣдымъ туромъ-золотые рога рыскалъ по полямъ. У кайенскихъ негровъ до сихъ поръ одна семья считаетъ своей родоначальницей рыжую обезьяну, другая каймана, а третья черепаху. Въ Австраліи можно встрѣтить прямыхъ потомковъ кенгуру или орла-рыболова, двоюродные братья которыхъ происходятъ отъ жимолости. Отсюда столь обычныя у дикарей названія племенъ по именамъ птицъ и животныхъ—Цапля, Медвѣдь, Волкъ, Черепаха и т. п. Египетскія божества съ птичьей головой и человѣческимъ тѣломъ служатъ нагляднымъ доказательствомъ, какъ высоко почитался первобытнымъ человѣкомъ его предокъ-животное, такъ называемый *тотемъ*. Мясо животного-родоначальника никогда не употреблялось его потомками въ пищу. Браки между людьми, происходившими отъ одного и того же животного, воспрещались, какъ и у насъ между родственниками.

Но тотемизмомъ—такъ называется вѣра въ животныхъ-предковъ—не ограничивалось одухотвореніе природы. Та же жизнь, что въ животныхъ, была разлита и въ растеніяхъ. Въ одной изъ народныхъ пѣсенъ нашихъ утонувшая дѣвушка поетъ:

Не руби, братецъ, бѣлой березоньки;
 Не коси, братецъ, шелковой травы;
 Не срывай, братецъ, чернаго терну.
 Бѣлая березонька—то я молоденька;
 Шелкова трава—то моя руса коса;
 Черный тернь—то мои карія очи.

Названія нашихъ цвѣтовъ „Иванъ да Марья“ или „Анютины глазки“—пережитокъ глубокаго прошлаго, того самаго, что создало греческій мифъ о красавицѣ Дафнѣ, обращенной въ лавровое дерево, или трогательный рассказъ о гіацинтѣ.

Тогда двигались и говорили сами мертвые камни. Вспомнимъ роковое и вѣщее значеніе камня въ печальной кончинѣ Василя Буслаевича. Въ камнѣ наши далекіе прапра-

дѣды, подобно теперешнимъ дикарямъ, видѣли божество и передъ инымъ камнемъ-фетишемъ благоговѣнно преклонялись, обращая къ нему мольбы и заклинанія. Еще не далѣе, какъ лѣтъ сорокъ тому назадъ въ окрестностяхъ Бобруйска объявился камень, у котораго искали исцѣленія отъ болѣзней мѣстные крестьяне, вѣря въ его чудодѣйственную мощь. Въ камни обратились по окончаніи своихъ подвиговъ рускіе богатыри. Вся земля представлялась нашимъ предкамъ, какъ единое живое существо: она пьетъ дождь, погружается зимою въ дремоту, весною пробуждается. Скалы—ея кости, вода—кровь, травы—волоса. „Мать-земля сырая, матушка-земля, земля мать наша“—эти выраженія извѣстны каждому изъ насъ съ дѣтства.

Наравнѣ съ землею живыя существа—и небо и вода. Малороссы задаютъ загадку: „мама широка, тато високий, син кручений, а невістка сліпа“. Разгадка ея:—земля, небо, вода, ночь. Новгородская рѣчка въ былинѣ о Садкѣ это дѣвушка Чернавушка; море это поддонное царство, гдѣ властвуетъ морской царь и, когда расхочется онъ и начнетъ плясать, на морѣ подымается буря. Вѣтры это Стрибожьи внуки. Мѣсяцъ на ясномъ небѣ это молодой женихъ въ свѣтломъ теремѣ солнца, и народная русская пѣсня называетъ его, какъ и новобрачнаго, княземъ, а у поляковъ и въ языкѣ разговорномъ онъ слыветъ подъ именемъ księżycа—князя.

Даже совершенно отвлеченныя понятія, извѣстныя состоянія души, приобрѣтаютъ у первобытнаго человѣка вещественный, наглядный образъ, ибо, что недоступно пяти внѣшнимъ чувствамъ, то превышаетъ его пониманіе. На морѣ на океанѣ, на островѣ на буянѣ тамъ стоитъ баня, въ той банѣ есть доска, а подъ доскою живетъ тоска. По другому повѣрью, гдѣ-то во гробу лежатъ три женскія существа, три тоски-дѣвицы, и, если подуетъ отъ нихъ вѣтеръ на человѣка, то и онъ станетъ тосковать. Тоску любовную, какъ любой вещественный предметъ, влюбленный могъ „принести“, „вдунуть“, „вставить какой-нибудь рабѣ

Божіей“, чтобы она по немъ „тосковала и съ ума его не спускала“. Отъ несчастья, какъ отъ непріятнаго гостя, можно избавиться очень просто. Стоитъ только написать на дверяхъ: „Меня нѣтъ дома“, или: „Дома нѣтъ, приходи вчера“,— и оно повернетъ назадъ, не солоно хлебавши. Болѣзнь, какъ нѣчто вещественное, „сплевываютъ“, „слуваютъ“; обведетъ народный медикъ черту вокругъ бородавки, плюнетъ, дунетъ, и бородавка уходитъ. Предвосхищая простодушно новыя медицинскія теоріи о бактеріяхъ, народъ множество болѣзней объяснялъ и объясняетъ присутствіемъ въ тѣлѣ червей. Извѣстному изслѣдователю заговоровъ, Крушевскому, самому случалось видѣть зубную боль въ видѣ маленькихъ червячковъ: знахарка нашла ихъ въ тазѣ, надъ которымъ держала голову больного. Отождествляя по созвучію червей съ чертями, народная медицина лечитъ отъ червей чертополохомъ, т.-е. растеніемъ, пугающимъ чертей. Лекаръ пригнетъ растеніе къ землѣ, прижметъ его камнемъ и грозитъ: „если выведешь червей, я тебя отпущу; а если не выведешь, съ корнемъ выдерну“,—и поневолѣ приходится чертополоху исполнять свое назначеніе. Болѣзни, какъ живыя существа, обладаютъ слухомъ, и оттого-то евреи такъ боятся произносить слово „холера“. Неровенъ часъ, скажешь—думаютъ,—а она тутъ какъ тутъ и тогда ужъ отъ нея не отдѣлаешься.

Самое слово для первобытнаго человѣка матеріально: оно „крѣпко и лѣпко“, „крѣпче камня и булата, остраго ножа, борзомѣткаго коня“; отъ него можно огородиться „тыномъ желѣзнымъ, верьями булатными на 120 верстъ“.

Словомъ, все для первобытнаго человѣка было матеріальнымъ, и, судя обо всемъ по себѣ самому, на все въ природѣ перенесъ онъ свойства своей собственной души, все оживотворилъ, все одушевилъ, почему и міровоззрѣніе первобытное отъ латинскихъ словъ *animus*, *anima*—духъ, душа принято называть *анимизмомъ*. Пережитки этого міровоззрѣнія живы еще и донинѣ. Когда, вколачивая гвоздь,

мы говоримъ: „гвоздь *не хочетъ* идти въ стѣну“, или, бросая перо, объявляемъ, что „перо *не хочетъ* писать“, мы и не подозрѣваемъ, что это обломокъ давно отвергнутой, но наперекоръ всему все еще живучей старой правды.

Да и можно ли назвать ее старою правдой? Простодушна и груба была вѣра нашихъ прадѣдовъ. Но точно ли истина сводится къ тому мертвенному воззрѣнію, которое видитъ въ природѣ только механическое сдѣспленіе частицъ и весь міръ приравниваетъ, какъ нѣкогда Вольтеръ, къ часовому механизму? Гдѣ красота, тамъ и жизнь:

Не то, что мните вы, природа—
 Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
 Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
 Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Такъ говорилъ Тютчевъ, потому что, какъ поэтъ, онъ вѣрилъ—не въ анимизмъ, конечно, и не въ раздробленную оживотворенность мертвыхъ предметовъ, а въ живую душу міра. И нѣтъ поэта, который, изображая въ одушевленныхъ образахъ явленія природы, не вѣрилъ бы и теперь въ ея живую красоту. Но у современнаго поэта, какъ сына своего вѣка, мысль наперекоръ чувству по большей части работаетъ въ сѣтяхъ механическаго міровоззрѣнія, его сознаніе расходится съ вѣрою и поэтическимъ вдохновеніемъ. Этой двойственности не существовало для поэта первобытнаго и оттого-то такой непосредственной свѣжестью и недосягаемой въ своей простотѣ искренностью полны его вдохновенія. Оттого они такъ художественны. Если область поэзіи—дѣйствія,—а Лессингъ намъ только-что это доказалъ неоспоримо,—то можетъ ли быть міровоззрѣніе болѣе удобное для поэта, чѣмъ то, гдѣ и недвижимое движется, гдѣ и косное дѣйствуетъ, гдѣ и мертвое живетъ? Для первобытнаго человѣка не нужно никакихъ сдѣлокъ съ разсудкомъ, чтобы быть художникомъ. Искусство въ смыслѣ умѣнія отъ него не требуетъ никакихъ ухищреній, никакихъ искусственныхъ приѣмовъ, никакихъ обходовъ. Кажется, что онъ—ху-

дожникъ, потому что инымъ и быть не можетъ, хотя бы и хотѣлъ.

Но такъ какъ мы уже знаемъ, что каждый уклонъ мысли отзывается соотвѣтственнымъ уклономъ въ языкѣ, каждая особенность пониманія вызываетъ соотвѣтственное своеобразіе выраженія, то въ первобытномъ міровоззрѣніи таятся и корни поэтического языка, уже не въ лексическомъ только смыслѣ, а и въ смыслѣ стиля, происхожденіе фигуръ, а равно и переносныхъ выраженій, или такъ называемыхъ троповъ, которые въ стилистикахъ отмѣчены тремя главными названіями: метафора, метонимія, синекдоха.

Развертываемъ любую теорію словесности и читаемъ: „*метафора* (отъ греческаго *μεταφέρω* — переносу) это такой оборотъ рѣчи, когда понятіе переносится отъ одного предмета къ другому по какому-нибудь сходству съ ними. Главное значеніе метафоры состоитъ въ томъ, что она оживляетъ рѣчь и усиливаетъ чувство. Въ описаніи Днѣпра Гоголя есть прекрасные примѣры метафоръ, напримѣръ: „лѣса *топчятся* къ водамъ и, наклонившись, *глядятъ* въ нихъ и не *наглядятся* и не *налюбуются* свѣтлымъ своимъ зракомъ, и *усмѣхаются* ему, и *привѣтствуютъ* его, *кивая* вѣтвями“. Здѣсь нѣкоторыя свойства человѣка *перенесены* на лѣсъ и вслѣдствіе этого дерева представлены какъ бы живущими существами“.

У Пушкина „*вьюга злится, вьюга плачетъ*“, у Фета „*сизый камень въ прудъ роняетъ слезы*“, — и многіе изъ насъ готовы видѣть въ этихъ выраженіяхъ искусственное украшеніе рѣчи, а самую рѣчь поэтическую считать далекою отъ естественности и простоты. Ясно однако, что для первобытнаго человѣка ни у Гоголя, ни у Пушкина, ни у Фета не было бы въ данномъ случаѣ никакихъ поэтическихъ прикрасъ, никакихъ метафоръ въ смыслѣ перенесенія свойствъ одушевленныхъ предметовъ на неодушевленные, ибо для него и вьюга, и лѣсъ, и камень — такія же живыя существа, какъ и ребенокъ, и, слѣдовательно, „*вьюга злится*“, „*камень*

плачетъ“ — такія же ясныя, простыя и точныя выраженія, какъ для насъ „плачетъ дитя“. Совершенно безыскусственныя, они обозначаютъ истинную сущность дѣла, дѣйствительность, какою она представлялась первобытному человѣку. Метафорой въ смыслѣ тропа, какъ особаго „украшенія“ поэтической рѣчи, они стали лишь въ тотъ моментъ, когда вывѣтрилось первобытное вѣрованіе, а его словесное выраженіе осталось въ языкѣ. Слѣдъ давней правды, выраженіе это только съ теченіемъ времени стало казаться искусственнымъ, и стилистика выдѣлила его изъ ряда простыхъ оборотовъ рѣчи и возвела въ санъ метафоры. Прежде оно было естественнымъ слѣдствіемъ первобытнаго способа познанія вещей, прямымъ выраженіемъ первобытныхъ вѣрованій и міросозерцанія.

Но поэтическая рѣчь состоитъ не изъ однихъ метафоръ. Есть еще *синекдоха* (совключеніе, совпріятіе), когда мы употребляемъ часть вмѣсто цѣлаго и говоримъ напримѣръ: „*орма* (вмѣсто: „корабль“) летитъ межъ водъ“, или единственное число вмѣсто множественнаго, какъ въ былинѣ о Волхѣ Всеславьевичѣ, когда при рожденіи богатыря

Рыба пошла въ морскую глубину,
Птица полетѣла высоко въ небеса.

Есть *метонимія* т.-е. переименованіе (отъ греческихъ словъ *μετα*—пере и *ὄνομα*—имя), когда имя одного предмета мы замѣняемъ другимъ по близости отношенія ихъ другъ къ другу, употребляя, напримѣръ, или содержащее вмѣсто содержамаго, какъ въ былинѣ объ Ильѣ:

Вышивалъ Илья безъ отдыха
Большу чашу въ полтора ведра,

или вещество вмѣсто сдѣланной изъ него вещи, какъ въ былинѣ о Василии Буславѣ, который сталъ бить Костю „червленымъ *вязомъ*“, или знакъ (символь) вмѣсто того, что имъ обозначается, какъ въ былинѣ объ Идолицѣ, гдѣ самое имя этого богатыря „Идолице“ (вмѣсто: язычникъ, язычество)

есть уже метонимія. Наконецъ самая метафора не ограничивается только перенесеніемъ свойствъ одушевленныхъ предметовъ на неодушевленные. Это только одинъ изъ частныхъ видовъ ея. Метафора, вообще говоря, есть сокращенное сравненіе, но сравниваться между собою могутъ и предметы неодушевленные, лишь бы въ нихъ были такія свойства, которыя способны производить одинаковое впечатлѣніе. Въ былинѣ о трехъ поѣздкахъ Ильи королевича цѣлуется его во „уста сахарныя“. Здѣсь сладость сахара сравнивается со сладостью поцѣлуя. Точка соприкосновенія двухъ понятій,— такъ называемое *tertium comparationis* — то общее свойство ихъ, которому мы обязаны одинаковостью впечатлѣнія, здѣсь опускается, а оба понятія—сахаръ и уста—образуютъ одно сочетаніе. Это и есть самая настоящая метафора, такая же, какъ выраженія: „золотая нива“, „пшеница—золото полей“, „бархатный лугъ“, „алмазы росы“ и многія-многія другія метафоры, но ясно, что въ этомъ второмъ видѣ метафоры у нея нѣтъ ничего общаго съ анимизмомъ. Да, но анимизмомъ не исчерпывается первобытное міропониманіе. Есть еще и другія въ немъ стороны. Всмотримся въ нихъ, и передъ нами обнажатся далеко въ глубь вѣковъ ушедшіе корни и метониміи съ синекдохой и метафоры со сравненіемъ. Для этого надо обратиться къ древнѣйшимъ памятникамъ нашей словесности. Таковы—примѣты и заговоры.

VI.

Примѣты относятъ насъ къ самымъ первичнымъ движеніямъ ума человѣческаго, когда мышленіе, почти всецѣло подчиняясь указкѣ внѣшняго міра, сводилось главнымъ образомъ къ произвольному возникновенію въ умѣ представленій. Примѣты—это простѣйшее проявленіе законовъ, по которымъ возникаютъ въ нашемъ умѣ представленія. Законы эти совершенно одинаковы для человѣка самой высо-

кой культуры и самого первобытного дикаря, и потому для нашей цѣли ихъ лучше всего будетъ прослѣдить по одному изъ маленькихъ стихотвореній Фета, гдѣ въ длинный осенній вечеръ, при свѣтѣ лампы, поэтъ, откинувшись на кресло, отдается на волю своимъ мечтамъ, и, какъ передъ глазами, когда ихъ закроешь, вдругъ на черномъ фонѣ появляются яркіе, разноцвѣтные круги, то золотые, то красные, то синіе и зеленые, и расплываются, и расходятся во тьмѣ, смѣняя одинъ другого, такъ вдругъ и въ умѣ изъ темной глубины сознанія вдругъ всплываютъ наверхъ давно забытыя и, казалось, безслѣдно утраченныя представленія и вяжутся въ длинную и нестройную цѣпь мыслей:

На креслѣ отвались, гляжу на потолокъ,
Гдѣ на задоръ воображенью
Надъ лампой тихою подвѣшенный кружокъ
Вертится призрачною тѣнью.

Зари осенней слѣдъ въ мерцаньи этомъ есть.
Надъ кровлей, кажется, и садомъ,
Не въ силахъ улетѣть и не рѣшаясь сѣсть,
Грачи кружатся темнымъ стадомъ,

Нѣтъ! То не крыльевъ шумъ! То кони у крыльца!
Я слышу трепетныя руки.
Какъ блѣдность холодна прекраснаго лица!
Какъ шопотъ горестенъ разлуки!

Молчу, потерянный, на дальній путь глядя
Изъ-за темнѣющаго сада,
И кружится, пріюта не найдя,
Грачей встревоженное стадо.

Въ этомъ хаосѣ отдѣльныхъ представленій, повидимому, нѣтъ никакого порядка, но безсвязность эта—мнимая: объединенныя единствомъ настроенія, всѣ мысли связаны другъ съ другомъ крѣпкою связью и образы возникаютъ по опредѣленнымъ законамъ, которые называются ассоціаціями (связью) представленій по сходству, по времени, по мѣсту. Безпокойное колебаніе подвѣшеннаго надъ лампой темнаго

кружка на ярко-желтомъ фонѣ свѣта вызываетъ въ поэтѣ воспоминаніе о грачахъ, что безпокойно кружатся надъ гнѣздомъ, мелькая чернотой своихъ крыльевъ на золотисто-опаловомъ фонѣ вечерняго неба. Это ассоціація по сходству. И, хотя нѣтъ, казалось бы, ничего общаго между стаей грачей и лошадьми, но выплывшій откуда-то изъ глубины образъ грачей вызываетъ новый, — воспоминаніе о вечерѣ, когда тамъ же у крыльца, гдѣ надъ деревомъ кружились грачи, стояли кони и пробилъ часъ разлуки съ дорогимъ существомъ. Это ассоціація отчасти по мѣсту, отчасти по времени. Стихотвореніе кончается картиной осенняго одиночества: оставшись одинъ, поэтъ глядитъ, потерянный, на дальній путь, по которому отлетѣло его счастье, и кружится, пріюта не найдя, грачей встревоженное стадо. Это ассоціація по времени. Такими является и большинство примѣтъ. „Жаворонки прилетѣли — весна идетъ“, „Спина болитъ — погоду сулить“, „Солнце сѣло въ тучу — завтра будетъ дождь“. Тутъ умъ человѣка, отмѣчая простую послѣдовательность во времени, стоитъ еще на ступени механически записывающаго аппарата. Тутъ есть чуткость къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, есть наблюдательность, но сознательнаго разсужденія еще нѣтъ. Нѣтъ вывода, а потому нѣтъ и ошибокъ, нѣтъ особеннаго, дикарю только свойственнаго угла зрѣнія.

Но умъ первобытнаго человѣка, какъ умъ ребенка, быстрѣе и смѣлѣе нашего. Не умѣя сосредоточивать вниманія на одномъ предметѣ, дикарь съ обычной невѣжеству самоувѣренностью рѣшаетъ всѣ вопросы сплеча и для него нѣтъ ничего легче, какъ перейти отъ наблюденія, часто поверхностнаго, къ выводу, слишкомъ поспѣшному и опрометчивому. Видя два явленія, слѣдующія иногда совершенно случайно одно за другимъ, онъ безъ дальнихъ думъ связываетъ ихъ цѣпью причинности и второе считаетъ непосредственнымъ слѣдствіемъ перваго. Съ прилетомъ жаворонковъ наступаетъ весна; *значитъ* причина ея наступленія заключается въ жаворонкахъ. Это уже плодъ сознательнаго размышленія

и вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ первыхъ и до сихъ поръ еще не вымершихъ ошибокъ человѣческаго сознанія: post hoc, ergo propter hoc. Но, если считать этотъ выводъ вѣрнымъ и признать, что первая часть ассоціаціи по времени есть, дѣйствительно, причина, порождающая часть вторую, то, слѣдовательно, мы всегда можемъ получить слѣдствіе, если вызовемъ къ жизни порождающую его причину. Такъ рождаются чары, колдовство, заговоръ, столь обычные на первоначальныхъ ступеняхъ человѣческой мысли. Солнце зашло за тучу — будетъ непогода. Эта примѣта по сходству солнца съ яркимъ, краснымъ цвѣтомъ вообще съ теченіемъ времени превратилась въ другую: если впереди стада подъ вечеръ идетъ рыжая корова, день будетъ ясный; если черная — ненастный. И вотъ, разъ между этими двумя явленіями признать связь причинности, то стоитъ только пастуху кнутикомъ подогнать впередъ красную корову, — и завтра будетъ погода. Чара готова. Колдовство совершилось.

Но что дѣлать, если первый членъ ассоціаціи находится внѣ сферы человѣческаго дѣйствія? Какъ быть тогда? Тогда человѣкъ замѣняетъ нужный ему предметъ другимъ, въ какомъ-нибудь отношеніи близкимъ къ первому, и прежде всего изображеніемъ перваго. Когда девятаго марта мы печемъ теперь изъ тѣста жаворонковъ, мы и не подозреваемъ, что совершаемъ своего рода волшебство, храня обычай, идущій отъ нашихъ доисторическихъ прапрадѣдовъ, которые вѣрили, что, дѣлая жаворонковъ изъ тѣста, они тѣмъ самымъ приближаютъ весну: „жаворонки! прилетите, красно лѣто принесите“. Колдуны у дикихъ племенъ, желая перенести болѣзнь со своего пациента на его врага, дѣлаютъ изображеніе послѣдняго изъ глины, протыкаютъ ему сердце и вводятъ туда порошки. Этого совершенно достаточно, чтобы человѣкъ, съ чьимъ изображеніемъ продѣлана эта штука, заболѣлъ. А если изображенія предмета нѣтъ, или оно недоступно, его замѣняетъ символъ. Желая скорѣйшаго наступленія весны и зная, что передъ ея приходомъ солнце

начинаетъ свѣтить ярче, дикарь, чтобы сдѣлать его болѣе жаркимъ, зажигаетъ его символъ — колесо, и онъ увѣренъ, что этимъ ускорить приближеніе желанной весны. Такимъ образомъ то, что мы называемъ теперь метониміей въ словѣ, совершалось въ жизни и одинъ предметъ замѣнялся другимъ, близкимъ къ нему, въ полной вѣрѣ, что второй дѣйствительно замѣняетъ настоящий первый. Метонимія, слѣдовательно, не была признакомъ излишней роскоши, украшеніемъ слога. Она возникла изъ нужды. Ее породилъ недостатокъ, и она была тѣсно связана съ вѣрою въ тождественность предметовъ замѣняемаго и замѣняющаго.

Здѣсь же лежатъ корни и сравненія, а слѣдовательно и метафоры, какъ сокращеннаго сравненія. Изображеніе не всегда бываетъ подъ руками; символъ трудно найти, но первобытнаго человѣка выручаетъ его вѣра, что два сходныхъ предмета, въ которыхъ есть нѣкоторые признаки общие, сходятся и во всѣхъ другихъ признакахъ и могутъ быть мыслимы, какъ тождественные. Видя, какъ румянецъ играетъ на щекахъ дѣвушки и какъ на утренней зарѣ румянятся сквозистыя облака, онъ безъ дальнихъ думъ рѣшаетъ, что между зарей и дѣвушкой и другіе признаки общи, что заря это не что иное, какъ зарумянившаяся дѣвушка. Объясняя, какъ мы уже знаемъ, многія болѣзни присутствіемъ въ тѣлѣ червей, первобытный человѣкъ лечитъ ихъ при помощи сравненія. Думая, что болѣзнь пройдетъ, когда высыпятся черви, онъ беретъ въ руки землю и сыпетъ ее сквозь пальцы, приговаривая: „какъ земля между перстовъ сыпется, высыпается, такъ чтобы изъ N-го уха сыпались, высыпались черви“. И черви пропадаютъ. Другой заговоръ подобнаго же рода основанъ на постепенномъ уменьшеніи числа червей на словахъ, что должно уменьшить ихъ и на дѣлѣ. Знахарь безъ роздыха говоритъ: „Ишли три брати, усі три Кондрати и несли (ту часть тѣла, гдѣ черви) съ червями. Було червей восемь—стало семь, було семь—стало шесть, було шесть—стало пять, було пять—стало четыре, було четыре—стало три,

було три—стало два, було два—ставъ одинъ, бувъ одинъ—стало ни одного“,—и леченіе кончено. Сила его вся сводится къ сравненію. И до сихъ поръ еще сравненіе понимается какъ отождествленіе. Пусть кто-нибудь скажетъ мужику: „что ты лаешь, какъ собака?“ Онъ въ мигъ огрызнется: „какая я тебѣ собака!“ Началось съ сравненія, а кончилось отождествленіемъ.

И чѣмъ далѣе въ глубь прошлаго, тѣмъ менѣе приложимо къ сравненію, метафорѣ и другимъ тропамъ значеніе украшеній слога, тѣмъ болѣе въ нихъ прямой и глубокой жизненной силы, той силы, которую даетъ словамъ вѣра. На вѣрѣ въ дѣйственность сравненія основаны всѣ любовные заговоры, такъ называемыя присушки. „Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Въ печи огонь горитъ, палитъ и пышетъ и тлѣть дрова; такъ бы тлѣло, горѣло сердце у рабы Божіей (имя рекъ) по рабѣ Божіемъ (имя рекъ) весь день, по всякъ часъ, всегда, нынѣ и присно и вѣвѣки вѣковъ аминь“. И человекъ вѣрилъ, что достаточно произнести эти слова, чтобы загорѣлось любовью сердце милой ему дѣвушки. Въ другомъ заговорѣ наряду съ жизненной силой метафоры является и вѣра въ дѣйственность метониміи. Когда хотятъ приворожить къ себѣ кого-нибудь, дѣлаютъ его изображеніе изъ глины и воску и первое сушатъ на огнѣ, а второе топятъ, приговаривая: „какъ сохнетъ отъ огня грязь и таетъ воскъ, такъ бы сохла и таяла N отъ любви“. Нигдѣ такъ ярко не выразилось это вѣрованіе въ силу любовныхъ чаръ, какъ въ знаменитой идилліи Теоокрита „Чародѣйки“, гдѣ молодая афинянка Симета готовится на нашихъ глазахъ со своей рабыней Фестилидой волшебное зелье, чтобы приворожить къ себѣ сердце Дельфиса. Привязавъ къ мѣдному кругу маленькую птичку-вертошейку, употребляющуюся при заклинаніяхъ, она вертитъ кругъ надъ чашей съ зельемъ и, призвавъ на помощь страшную Гекату, приговариваетъ:

О, вертошейка, влечи ко мнѣ въ домъ мной любимаго мужа!
 Дельфисъ виной моихъ мукъ. Изъ-за Дельфиса лавръ я сжигаю,
 И точно такъ же, какъ лавръ, затрепавъ запаленный огнивомъ,
 Вспыхнетъ внезапно затѣмъ,—и ни пепла его мы не видимъ,
 Такъ же пусть въ прахъ отъ любви обращается Дельфиса сердце!

О, вертошейка, влечи ко мнѣ въ домъ мной любимаго мужа!
 Какъ этотъ воскъ я съ божественной помощью здѣсь растопляю,
 Такъ же немедля пускай отъ любви таетъ Дельфисъ миндїецъ;
 Какъ этотъ мѣдный вращается кругъ, Афродитѣ послушенъ,
 Такъ же пусть точно и онъ у дверей моихъ вертится, бродитъ!

О, вертошейка, влечи ко мнѣ въ домъ мной любимаго мужа!
 Есть у аркадянъ трава: лошадиное бѣшенство. Въ горахъ
 Бѣсятся быстрые всѣ жеребята отъ ней и кобылы.
 Пусть увидала бъ такимъ же я Дельфиса, пусть бы ко мнѣ онъ
 Точно безумный отъ страсти пришелъ изъ блестящей палестры.

О, вертошейка, влечи ко мнѣ въ домъ мной любимаго мужа!
 Этотъ кусочекъ каймы отъ плаща уронилъ здѣсь мой Дельфисъ.
 Я разрываю его и въ свирѣпое пламя бросаю.
 Ахъ, мучитель Эротъ! О, затѣмъ, какъ болотная пьявка,
 Въ тѣло всосавшись мое, ты всю кровь мою вышилъ?

О, вертошейка, влечи ко мнѣ въ домъ мной любимаго мужа!
 Дельфису завтра напитокъ волшебный сама отнесу я;
 Нынче-жъ возьми, Фестилида, ты эти вотъ травы и сверху
 Притолки Дельфиса ихъ разотри, пока есть еще время.
 Три, да плюя говори: «растираю я Дельфиса кости».

Здѣсь во всей силѣ своего жизненнаго значенія предстаютъ передъ нами знакомые намъ тропы всѣ до одного. Чары, которыя вначалѣ, какъ можно думать, ограничивались только дѣйствіями, не сопровождаясь заговоромъ, здѣсь идутъ рука объ руку со словомъ. Въ дальнѣйшей стадіи развитія чаръ дѣйствія отпадаютъ совершенно и остается одинъ заговоръ въ чистомъ своемъ видѣ. И эта новая перемѣна опять-таки основывается на той же вѣрѣ, которая сопровождаетъ на первыхъ порахъ всякую метонимию.

Если первобытный человѣкъ вѣритъ въ возможность и дѣйственность замѣны одного предмета другимъ по ихъ близости въ какомъ-нибудь отношеніи, то что же можетъ быть ближе къ предмету, какъ не слово, его обозначающее?
 „Слово — говоритъ Потебня — для первобытнаго человѣка есть самая вещь и это доказывается распространеннымъ на

всѣ слова вѣрованіемъ, что они обозначаютъ сущность явленій“. А если это такъ, то зачѣмъ Симетѣ съ Фестилидой вертѣтъ кругъ, варить волшебный напитокъ и совершать чары, когда достаточно произнести закліаніе, чтобы исполнилось желаемое. Назовешь предметъ, и означенное словомъ явленіе уже тутъ, стоитъ передъ нами. Вѣра въ силу слова заполняетъ собою всю жизнь первобытнаго человѣка. На ней основаны и всѣ его проклятія, привѣтствія, пожеланія — всѣ эти наши „здравствуйте“, „добраго утра“, „добрый ночи“, польское „dzień dobry“, сербо-хорватское „добар дан“, болгарское „добрѣ дошли“, латинское „salve“. За этими формами вѣжливости лежитъ стародавняя простодушная вѣра въ силу пожеланій и хотя теперь такіа выраженія, какъ „чортъ побери“ не возбуждаютъ уже ни въ комъ страха, но и въ настоящее время найдется еще не мало людей, которые не рѣшатся помянуть нечистаго духа, чтобы не вызвать его къ себѣ, и замѣняютъ его имя обиняками „онъ“ или „тотъ“. Въ глубочайшей тайнѣ хранили римляне имя бога-покровителя Рима, чтобы враги не узнали его и, овладѣвъ имъ, не овладѣли и Римомъ, да и теперь еще наши крестьяне боятся подписать свое имя на бумагѣ, воображая, что они этимъ и себя отдадутъ во власть другому человѣку. Смотря на повѣщенный на стѣнѣ портретъ Пушкина, мы спокойно говоримъ метонимически: „Это Пушкинъ“. Дикарь ни за какія деньги не позволитъ вамъ снять съ себя портретъ: для него изображеніе не на словахъ только, но и въ дѣйствительности есть какъ бы часть его собственнаго существа: у него еще неразвита способность къ разграниченію двухъ сходныхъ предметовъ; онъ не умѣетъ, какъ слѣдуетъ, разобрать явленія, ихъ анализировать.

Тою же ошибкою мысли объясняется и послѣдній изъ трехъ основныхъ троповъ — синекдоха, или употребленіе части вмѣсто цѣлаго и обратно. Дикарю трудно было отличить существенный признакъ предмета отъ несущественнаго. То, что составляетъ только принадлежность предмета, ка-

залось ему самимъ предметомъ, и онъ искренне вѣрилъ, что дѣйствіе на часть предмета есть дѣйствіе на весь предметъ. Симета съ Θестилидой убѣждены, что, если кусочекъ каймы отъ плаща Дельфиса запылаетъ на огнѣ, то и самъ Дельфисъ сгоритъ отъ любовной страсти. У насъ одинъ изъ заговоровъ предписываетъ мужчинѣ хорошенько вспотѣть и, обтерши потъ платкомъ, утереть тѣмъ же платкомъ любимую дѣвушку: капельки ея пота отдадутъ ее во власть влюбленному. Когда деревенскій знахарь хочетъ кого-нибудь испортить, онъ проситъ добыть ему слюну или волосокъ человѣка, котораго надо погубить, и, получивъ желаемое, продѣваетъ волосокъ сквозь голову жабы и зарываетъ жабу въ землю. По мѣрѣ того, какъ будетъ гнить волосъ, будетъ чахнуть и сохнуть и человѣкъ, у котораго взяты волосокъ, пока наконецъ совсѣмъ не зачахнетъ. Здѣсь синекдоха проявляется не въ словѣ, а въ дѣйствіи. Что въ ходячей стилистикѣ выдается за украшеніе рѣчи, является выраженіемъ глубокой и искренней вѣры.

Постепенный ростъ человѣческаго сознанія подрываетъ эту вѣру въ ея основаніяхъ. По мѣрѣ того, какъ ошибки научаютъ человѣка мыслить, привыкаетъ онъ отличать главное отъ второстепеннаго, различать подобное отъ тождественнаго, ставить грань между живымъ и мертвымъ. Въстѣ съ тѣмъ измѣняется у него и самый способъ выраженія. Языкъ его становится логичнѣе. Любопытные слѣды этого умственного роста сохранились въ исторіи сравненія.

Отъ первоначальной склонности къ отождествленію, благодаря которой молнія, на примѣръ, представлялась первобытному человѣку тождественной съ птицей, умъ постепенно переходитъ къ параллелизму явленій:

Ой білая паутина на тин повилася,
Молодая дівчинонька в казака вдалася.

Здѣсь однако мысль еще не вышла изъ области смутно сплывающихся впечатлѣній. И тычинушка и дѣвушка сли-

ваются въ общемъ безразличіи живого и мертваго. Но умъ крѣпнеть и мужаеть и отъ слитности переходитъ къ разграниченію: родится такъ называемое отрицательное сравненіе, столь любимое русской народной поэзіей:

Не бѣлая березка нагибается,
Не шатучая осина расшумѣлася,
Добрый молодець кручиной убивается.

Здѣсь явно полагается грань между однимъ и другимъ явленіемъ: отдѣляется то, что прежде чуть-ли не отождествлялось. И затѣмъ оба явленія снова и уже сознательно противопоставляются другъ другу, соединяясь только по сходству въ какомъ-нибудь общемъ имъ обоимъ признакъ:

Какъ далече, далече во чистомъ полѣ—
Что ковыль-трава во чистомъ въ полѣ шатается,
А и ѣздитъ въ полѣ старъ-матеръ человекъ,
Старый-ли казакъ Илья Муромецъ.

Анализъ взялъ окончательно верхъ надъ простодушной вѣрой.

На противоположномъ концѣ этого процесса стоятъ такіе тропы, какъ *иносказаніе* или *олицетвореніе*, гдѣ завѣдомо для себя мертвые предметы поэтъ представляетъ живыми. Въ образованіи этихъ искусственныхъ троповъ играетъ уже главную роль разсудочность. Но зато эти тропы и входятъ въ область не столько поэзіи, сколько поддѣлки подъ нее. Между придуманностью иносказанія и олицетворенія и яркой свѣжестью первобытной метафоры лежитъ цѣлая пропасть.

Извѣстная уже намъ изъ разбора былины о Садкѣ латинская легенда о томъ, какъ Нумѣ удалось увернуться отъ требованій Юпитера, застигаетъ мысль человѣческую на перепутьи, когда старыя вѣрованія уже испарились, но они еще не отвергнуты и формально признаются. Въ торгѣ между Юпитеромъ и Нумой, который хочетъ подмѣнить живую голову головкой чесноку или кончиками человѣческихъ волосъ, и метонимія и синекдоха еще какъ будто сохранили все свое прежнее жизненное значеніе, но на самомъ

дѣлѣ и Нума и Юпитеръ прекрасно знаютъ, что ихъ сила поблекла: въ нее уже не вѣрятъ и отлично знаютъ истинную цѣну и головкѣ чесноку и кончикамъ человѣческихъ волосъ. Близко время, когда все это войдетъ въ Квинтилианову реторику и наравнѣ съ прочими тропами станетъ изучаться, какъ украшеніе поэтической рѣчи. Но мы видѣли уже, что это вовсе не искусственное украшеніе. Это — своеобразный способъ выраженія мысли. Порожденные отчасти неспособностью къ анализу, отчасти недостатчей словъ, тропы коренятся въ народной психологіи. Поэтическій стиль — наслѣдіе, завѣщанное намъ образнымъ мышленіемъ первобытнаго человѣка.

VII.

Къ истоку дней человѣческихъ тянутся корни и другой особенности поэтическаго языка, извѣстной подъ именемъ фигуръ. Теорія поэзіи до сихъ поръ еще не провела яркой разграничительной черты между тропами и фигурами, и то, что одна стилистика называетъ тропомъ, въ другой является подъ именемъ фигуры. Но линія разграниченія можетъ быть, кажется, проведена опредѣленно и несомнительно: мѣрило дѣленія дается происхожденіемъ троповъ и фигуръ. Тропы это ошибки познающей мысли, своеобразный подходъ *ума* къ познаваемому явленію. Въ основѣ фигуръ лежитъ прежде всего *чувство*, тотъ третій изъ признаковъ, по которымъ мы отдѣлили поэзію отъ прозы. Гдѣ говорящій не можетъ, или не хочетъ овладѣть переполняющимъ его душу чувствомъ, гдѣ есть движеніе, есть порывъ въ высоту, гдѣ рѣчь согрѣта теплой лаской любви и участія, гдѣ она искрится язвительной насмѣшкой, гдѣ брызжетъ огнемъ негодованія, гдѣ смущенно умолкаетъ, или прерывается отъ накопившагося гнѣва, гдѣ, увлекаясь самъ, человѣкъ въ увлеченіи переходитъ всѣ границы вѣроятія, — тамъ есть фигура, ибо

тамъ на первомъ планѣ стоитъ чувство. Фигура есть внѣшній признакъ, прямое выраженіе того внутренняго душевнаго огня, который, проникая все произведеніе, незримой, повидимому, спайкой соединяетъ прозаическія слова въ блестящую цѣпь поэзіи.

Старинныя поэтики знали множество фигуръ. Мы не будемъ разсматривать ихъ всѣ. Наша цѣль — указать въ общихъ чертахъ, какія явленія слога вызываетъ господство чувства въ душѣ поэта, и обнаружить присутствіе этихъ поэтическихъ особенностей въ русской исторической поэзіи. И то и другое можетъ быть достигнуто обзорѣніемъ лишь главнѣйшихъ изъ фигуръ.

На первомъ мѣстѣ стоитъ здѣсь *обращеніе*, или *воззваніе*. Такъ называются обращенные какъ къ одушевленнымъ, такъ и къ неодушевленнымъ предметамъ вопросы и восклицанія, въ которыхъ лицо говорящее выражаетъ жалобу ли, негодованіе ли, просьбу ли, скорбь ли, или какое-нибудь другое свое чувство. Такъ въ одной изъ пѣсенъ, записанныхъ Джемсомъ, Ксенія Годунова, что „мала птичка, бѣлая пелелочка“, грустя и тоскуя по царскимъ теремамъ своимъ, обращается къ нимъ со словами печали:

Ино, охъ, милые наши переходы,
А кому будетъ по васъ да ходити
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ Бориса Годунова?
Ахъ, милые наши терема,
А кому будетъ въ васъ да сидѣти
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ Бориса Годунова?

Такъ Илья „выговариваетъ“ коню, испугавшемуся Соловья-разбойника:

Ай же ты, волчья съть, травяной мѣшокъ!
Ты иди не хошь али нести не мошь?
Что ты, собака, потыкаешься?

Особенно часто встрѣчается фигура обращенія въ бытовыхъ пѣсняхъ, малорусскихъ думахъ и былинныхъ зачинахъ

и между прочимъ въ самомъ красивомъ изъ нихъ, которымъ начинается весь сборникъ Кирши Данилова:

Высота-ль высота поднебесная,
Глубота ль глубота океанъ-море!
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днѣпровскіе.

Широкимъ размахомъ чувства пѣвецъ сразу вырываетъ насъ изъ области повседневности, и это движеніе, этотъ полетъ сообщаетъ рѣчи поэтическую окраску.

Фигура повторенія имѣетъ иную цѣль: она употребляется тамъ, гдѣ пѣвецъ хочетъ подчеркнуть какую-нибудь мысль, дольше остановить на ней вниманіе слушателя, усилить впечатлѣніе:

Подъѣхалъ Илья подъ Черниговъ градъ,
Подъ Черниговомъ силушки чернымъ черно,
Чернымъ черно, какъ черна ворона.

Здѣсь двукратное повтореніе словъ „чернымъ черно“, да еще съ придачею созвучныхъ Чернигова и черна ворона сгущаетъ грозную тьму отъ той хмурой, черной половецкой тучи, что нависла надъ Русью, когда Илья выѣхалъ на подвиги.

Въ былинахъ фигурой повторенія выражается иногда личное отношеніе пѣвца къ предмету пѣсни. Давно замѣчено, что народъ далеко не безразлично относится къ изображаемому. Ругая Калина-царя „собакою“, онъ къ Ильѣ неизмѣнно ласковъ и называетъ его уменьшительно-ласкательными именами—то Ильюшею, то Илейкою. Это нѣжное, любовное отношеніе слышится, кажется, и въ повтореніи имени богатыря:

Когда восходило солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой *Волга*,
Молодой Волга Святославговичъ.

Такъ всматриваемся мы въ дорогія черты милого лица, смотримъ еще и еще разъ и не можемъ наглядѣться. Не та же

ли любовь чуется и въ знаменитомъ отвѣтѣ Микулы на вопросъ Вольги, какъ его „величаютъ по отчеству“:

Ай же, Вольга Святославговичъ!
 А я ржи напашу да въ скирды сложу,
 Во скирды сложу, домой выволочу,
 Домой выволочу да дома вымолочу,
 Драни надеру да пива наварю,
 Пива наварю да и мужиковъ напою.
 Станутъ мужики меня покликавати:
 «Молодой Микулушка Селяниновичъ!»

Здѣсь самыя простыя, обыденныя слова проникнуты теплотою, и вы слышите, что народная пѣсня вложила въ нихъ всю вѣковую привязанность крестьянина къ его кормилицѣ-землѣ, всю его любовь къ своей скудной, но милой для него крестьянской жизни. А между тѣмъ вся тайна несравненной красоты этого описанія сводится къ двумъ фигурамъ, изъ которыхъ главную роль играетъ фигура повторенія и затѣмъ уже стоитъ фигура восхожденія, или градаціи.

Въ былинахъ фигура повторенія обыкновенно состоитъ въ томъ, что конецъ одного стиха повторяется въ началѣ слѣдующаго за нимъ. Въ настоящее время чаще встрѣчается иной ея видъ, типичнымъ примѣромъ котораго служить пушкинская Туча:

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
 Одна ты несешь по ясной лазури,
 Одна ты наводишь унылую тѣнь,
 Одна ты печалишь ликующій день.

Это единоначатіе, греческая *анафора*. Въ былинахъ всего чаще попадаетъ она въ очень характерной для русской народной поэзіи, красивой и звучной формѣ повторенія предлоговъ:

Пріѣзжалъ Идолище поганое въ стольно-Киевъ градъ,
 Со гровою, со страхомъ со великіимъ
 Ко тому ко князю ко Владимиру.

И Вольга ѣздилъ къ городамъ за получкою

Ко первому городу ко Гурчевцу,
 Ко другому ко городу къ Орѣховцу,
 Ко третьему городу ко Крестьяновцу.

Третья фигура—*градация*—, какъ показываетъ самое ея названіе, заключается въ постепенномъ усиленіи или ослабленіи дѣйствія. Въ первомъ случаѣ градация будетъ восходящей, во второмъ—нисходящей. Чаще встрѣчается градация восходящая. Дѣйствіе растетъ тутъ на нашихъ глазахъ. Святогоръ, наѣхавъ на сумочку переметную,

Береть погонялку, пощупаетъ сумочку—она не скрывается,
 Двинетъ перстомъ ее—не сворохнется,
 Хватить съ коня рукой—не подымется,
 Ухватилъ онъ сумочку обѣма руками,
 Поднял сумочку повыше колѣнъ.

Вся вторая половина былины о Вольгѣ и Микулѣ построена также на градации. Вольга посылаетъ за сумочкой сперва „пять молодежь могучихъ“—они ее выдернуть не могутъ; посылаетъ „цѣлый десяточекъ“—и тѣ ворочаются ни съ чѣмъ; ѣдетъ вся дружинишка, а сошка все-таки стоитъ на мѣстѣ. Наконецъ подѣзжаетъ Микула и одной рукой подымаетъ сумочку. Нельзя было лучше представить исполинской силы русскаго крестьянина и тяжести знаменитой сумочки переметной. Дѣйствіе, начавшись съ самыхъ обыкновенныхъ движеній, нарастаетъ здѣсь до исполинской борьбы. Градация можетъ быть и въ выраженіи мысли или какого-нибудь чувства.

Особенное мѣсто среди фигуръ занимаютъ *гипербола* и *иронія*: онѣ очень часто сочетаются съ переносными выраженіями и потому нѣкоторые теоретики относятъ ихъ къ тропамъ. Но, во-первыхъ, онѣ могутъ быть и безъ троповъ—таковы, на примѣръ, ироническія выраженія: „э! какже!“ и т. п.—, а во-вторыхъ, въ основѣ ихъ лежитъ всегда не своеобразный уклонъ мысли, а чувство, и потому онѣ должны быть обѣ отнесены къ фигурамъ.

Гипербола—въ русскомъ переводѣ дословно: преувели-

ченіе — появляется въ ту минуту, когда человѣкъ подъ наплывомъ переполняющаго его душу чувства перестаетъ считаться съ дѣйствительностью. Выражаясь словами Потебни, „она есть результатъ какъ бы нѣкотораго опьяненія чувствомъ, мѣшающаго видѣть вещи въ ихъ настоящихъ размѣрахъ. Поэтому она рѣдко, лишь въ исключительныхъ случаяхъ, встрѣчается у людей трезвой, спокойной наблюдательности“.

Былины уже въ самомъ замыслѣ и укладѣ своемъ обнаруживаютъ склонность къ гиперболизму. Гигантскіе образы Святогора, Микулы, Вольги и вообще всѣхъ старшихъ богатырей сами по себѣ уже гиперболы. Но и тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ явленіяхъ, не выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, народъ любитъ рисовать ихъ въ преувеличенномъ масштабѣ. Въ Новгородѣ идетъ обычная потасовка. Дерутся молодшіе люди съ вящими, и широкимъ размахомъ расходилась рука художника-бытописца:

Гдѣ махнетъ Василій — будетъ улочка,
Гдѣ перемахнетъ — переулочекъ.

Богатырскій конь Ильи „съ горы на гору перескакиваетъ, съ холмы на холму перемахиваетъ, мелки рѣченки, озера между ногъ спускаетъ“:

Ретивой его конь осержается,
Прочь отъ земли отдѣляется,
Онъ и скачетъ выше дерева стоячаго,
Чуть пониже оболока ходячаго.

Такихъ образчиковъ гиперболическаго стиля въ былинахъ можно найти сколько угодно. Въ лексикѣ былинной ему соответствуетъ обиліе увеличительныхъ и уменьшительныхъ словъ. Наравнѣ съ вышеприведенными ласкательными названіями они разсѣиваютъ ходячее мнѣніе о полной безстрастности народной исторической поэзіи. Она вся глубоко и ярко окрашена чувствомъ.

Почти совсѣмъ не встрѣчается въ ней ироніи, но зато

и фигура эта выдѣляется изъ ряда прочихъ наибольшей примѣсью къ чувству сознательнаго элемента. Обозначая, какъ показываетъ самое названіе ея ἡ εἰρωνεία, притворство, лицемеріе, она предполагаетъ уже довольно высокую, хотя и извращенную культуру ума. Употребляется она для выраженія насмѣшки, когда одинъ человѣкъ дурачить другого, на словахъ хвалить, а на самомъ дѣлѣ издѣвается, говорить одно, а думаетъ противоположное подобно лисицѣ въ баснѣ Крылова, которая, встрѣтивъ осла, говоритъ ему: „отколѣ умная бредешь ты голова?“ а тотъ въ простотѣ сердечной принимаетъ ея похвалу за чистую монету. Чѣмъ труднѣе угадать правду подъ ложью словъ, тѣмъ тоньше иронія. Но, если правда, что въ высоту уносятъ человѣка два крыла: чистота въ чувствѣ и простота въ мысли, то въ ироніи и настроеніи и сгибъ мысли не изъ высокыхъ. Не соотвѣтствуя нравственному достоинству человѣка, иронія не отвѣчаетъ и достоинству художника, ибо отъ художника требуется прежде всего простое и прямое отношеніе къ дѣйствительности, а этого въ ироніи быть не можетъ, и потому почти полное отсутствіе ея въ народной поэзіи служить только признакомъ высоты этой послѣдней: гдѣ просто, тамъ ангеловъ со сто.

Сводя все сказанное къ одному, можемъ теперь съ увѣренностью повторить: простодушный и правдивый языкъ былинъ внѣ всякаго сомнѣнія языкъ чувства. И если даже и не правы были бы тѣ ученые, которые думаютъ свести все богатство современнаго языка къ первоначальнымъ междометнымъ реченіямъ, какъ непосредственнымъ выраженіямъ чувства, во всякомъ случаѣ несомнительно одно: чѣмъ далѣе при изученіи языка забираться въ глубь прошлаго, тѣмъ болѣе окажется тамъ слѣдовъ чувства. Корней фигуръ, какъ и троповъ, слѣдуетъ дѣйствительно искать у колыбели человѣчества. Народу не надо было ни знаній, ни образованія, чтобы стать поэтомъ: онъ имъ родился.

VIII.

При живой непосредственности чувства, при образном мышлении, при творческой силѣ фантазіи, при волѣ къ творчеству могли ли плоды народной мысли, цвѣты народных чувствъ не свитися въ пестрый и роскошный вѣнокъ живыхъ, яркихъ, художественныхъ образовъ? Только неблагоприятныя внѣшнія условія могли бы поставить здѣсь свое veto. Къ счастью однако этого не случилось, и уже одно то обстоятельство, что самый смыслъ сказаннаго народомъ слова пришло намъ извлекать изъ-подъ узорчатаго покрова образовъ, открывать его въ художественной концепціи былинъ, въ ихъ замыслѣ и укладѣ, указываетъ на ихъ высокую художественную цѣнность. Не разсуждая, не нравоучительствуя, народъ шель въ своемъ творествѣ той единственно вѣрной для художника дорогой, о которой говоритъ Гете:

Ja, das ist das rechte Gleis,
 Das man nicht weiss,
 Was man denkt,
 Wenn man denkt.

Золото мыслей, перлы чувства роняетъ онъ, самъ того не зная. Въ былинахъ нѣтъ ни тѣни разсудочности, ни слѣда преднамѣренности. Но въ томъ и заключается сила истинно-художественныхъ произведеній, что чѣмъ менѣе хотятъ они учить, тѣмъ они содержательнѣе, глубже, цѣннѣе и поучительнѣе.

Докучны правила прописной морали и, какими бы ни писать ихъ красивыми буквами, они, прозвенѣвъ въ ухахъ, никогда не дойдутъ до сердца. Только тѣ рѣчи, въ которыя вкладываетъ челоуѣкъ живую душу свою, имѣютъ власть надъ людьми. Вотъ почему нѣтъ ничего скучнѣе, какъ выслушивать наставленія, и ничего бесплоднѣе, какъ ихъ да-

вать. Но есть учительница, которой урокамъ нельзя внимать безъ сердечнаго волненія. Это—жизнь. Она, пестрая, яркая, красочная, она, неколебимая въ своихъ вѣковыхъ и вѣчныхъ основахъ, и она же, вѣчно юная и измѣнчивая, манить и влечетъ къ себѣ мимовольно. Неумолимо-строгая, караетъ она безъ пощады, и грозны бываютъ ея уроки, но она же, снисходительная и мягкая, одна только несетъ съ собою дѣйствительное утѣшеніе, настоящую ласку. И благо тому, кто умѣетъ извлечь изъ ея суровыхъ уроковъ затаенную въ нихъ сладость радости и счастья! Какъ жизнь, былины учатъ мимовольно, ибо онѣ входятъ въ область самаго настоящаго искусства, а искусство есть не только подражаніе жизни, но, въ своихъ лучшихъ созданіяхъ, ея обогащеніе новой, прекрасной дѣйствительностью. Таковы именно былины: въ развертывающейся тамъ передъ нами яркой и пестрой художественной картинѣ подъ бытовой и исторической оболочкой старой кievской Руси идетъ и движется по своимъ вѣчнымъ и неизмѣннымъ законамъ сама жизнь.

Но какъ жизнь жизни рознь, такъ и значительность произведеній искусства не одинакова. Даже при равенствѣ чисто художественныхъ способностей, каковы сила чувства, творческій полетъ фантазіи, яркость образнаго мышленія, пластичность изображенія, художниковъ дѣлать еще степень зоркости проникновеннаго взгляда, условія воспитанія, времени, мѣста. Первою обусловливается глубина художественныхъ произведеній, второю — ширина захвата, взглядовъ и сочувствій. Былины сочетаютъ въ себѣ и то и другое. Мы уже имѣли случай говорить, что зародились онѣ въ то время, когда Кіевъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ культурныхъ центровъ Европы. Стоя на рубежѣ двухъ міровъ, онъ принималъ воздѣйствія ихъ обоихъ. Вѣчная борьба со степью привела русскихъ въ прикосновеніе съ пестрою жизнью Востока. Изъ Византіи черезъ греческое духовенство воспринимали мы плоды греческой культуры. Исторія хранитъ слѣды постояннаго общенія Руси и съ Венгріей и съ Поль-

шей, а Новгородъ былъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ германцами. Не говоримъ уже о варягахъ. Пути со всѣхъ концовъ перекрещивались въ Кіевѣ, и это не позволяло русской мысли застыть въ неподвижности домашняго обихода, въ тѣсномъ уютѣ родного угла. Расширялись горизонты, раскрывались дали, вырабатывалась мягкость и многосторонность сочувствій, словомъ, все, что приобрѣтается только на людяхъ. А отъ природы народъ былъ, повидимому, надѣленъ не только высокими художественными дарованіями, но и проникновенной зоркостью взгляда. Слѣдя за художественнымъ изображеніемъ жизни на всѣхъ его постепенно повышающихся ступеняхъ, нельзя не убѣдиться, что народъ-художникъ стоитъ на высшей изъ нихъ.

Есть художники, которыхъ взоръ не проникаетъ дальше одежды и наружности человѣка. Это—живописцы внѣшнихъ чертъ. Они умѣютъ вѣрно схватить всѣ особенности бытвой обстановки. Они, какъ никто другой, могутъ изобразить въ человѣкѣ черты, наложенныя на него отчасти происхожденіемъ, а больше всего условіями воспитанія и жизни, занятіями, средой. Они нарисуютъ вамъ безъ труда типъ еврея, цыгана, русскаго мужика, купца, учителя, адвоката. Но всѣ эти лица понятны имъ по преимуществу со своей внѣшней стороны, и часто въ безсиліи останавливается кисть такого художника передъ изображеніемъ внутренняго міра души человѣческой. Такіе художники могутъ быть замѣчательными пластиками, могутъ оставить по себѣ имя въ исторіи литературы, расширивъ область художества изображеніемъ новаго міра, новаго, дотолѣ имъ не затронутаго общественнаго слоя, но это все же только низшія ступени искусства. Былины не забываютъ о типическихъ чертахъ богатырей. Алеша въ былинахъ—поповичъ, Илья—крестьянскій сынъ, Добрыня—князь. Въ самомъ обхожденіи богатырей и въ ихъ поступкахъ сказывается разница ихъ происхожденія: у Ильи при всемъ его ласковомъ благодушіи и мягкости нѣтъ рыцарскаго „вѣжества“ Добрыни. Но былины

не останавливаются на этомъ внѣшнемъ изображеніи жизни, — типическое не заслоняетъ въ нихъ человѣческаго. Оно показываетъ свое лицо лишь постольку, поскольку это нужно, чтобы изображенные народомъ лица были живыми людьми, ибо нѣтъ человѣка, на котораго не наложила бы своей печати жизненная обстановка. Но не внѣшность, а внутренній обликъ составляетъ главную силу художественнаго изображенія богатырей въ былинахъ.

И здѣсь однако могутъ быть изображенія разной художественной цѣнности. Иные умѣютъ изобразить хорошо только одну какую-нибудь сторону человѣческой души. Такова на примѣръ была вся старинная комедія. Начиная отъ Плавта и Теренція и не исключая самого Мольера, всѣ комики изображали только характеры. Передъ зрителями тянулась вереница скупцовъ, хвастуновъ, мотовъ, паразитовъ, щеголей, или, какъ ихъ называли въ старину, „пети-метровъ“, обманутыхъ мужей и тому подобныхъ лицъ, которымъ заранѣе уже въ видѣ фамиліи приклеивался ко лбу соотвѣтствующій ярлычокъ: Честонъ, Правдинъ, Вральманъ, Ханжахина, Глупонъ, и ужъ Глупону не подобало сказать ничего умнаго, а Честону нельзя было совершить ничего постыднаго. Въ стремленіи изобразить характеръ художникъ забывалъ нерѣдко человѣка и жизненную правду. По сценѣ ходили олицетворенные добродѣтели и пороки, созданные разсудочнымъ путемъ отвлеченія отъ живыхъ людей ихъ особенныхъ свойствъ. Характернымъ образчикомъ такого творчества навсегда останется Дмитрій Самозванецъ Сумарокова, характеръ злодѣя, который самъ твердитъ о себѣ:

Зла фурія во мнѣ смятенно сердце гложетъ,
Злодѣйская душа спокойна быть не можетъ

и даже умирая восклицаетъ:

Иди, душа, во адъ и буди вѣчно плѣнна,
Ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна!

Но исторія литературы знаетъ въ этомъ родѣ и цѣнные

созданія. Таковъ Скупой Мольера, да не таковъ ли въ сущности и Плюшкинъ и многія другія изъ возведенныхъ Гоголемъ въ „перлъ созданія“ мертвыхъ душъ? Съ маленькой натяжкой можно было бы сказать, что это оживотворенныя понятія. Какъ таковыя, они гораздо шире всѣхъ отдѣльныхъ явленій подобнаго рода, но они и гораздо уже каждаго такого частнаго явленія, ибо въ нихъ нѣтъ полноты жизненнаго содержанія. Они — односторонни.

Высшее искусство состоитъ въ томъ, чтобы создать человѣку по образу и подобию Божію, живую личность во всемъ многостороннемъ разнообразіи ея чувствъ, стремленій, надеждъ, которое у каждаго изъ насъ принимаетъ единственное въ своемъ родѣ, неповторяемое сочетаніе и потому каждому придаетъ одному ему только свойственный обликъ, ничѣмъ другимъ незамѣнимую цѣнность. Въ этомъ созданіи живыхъ индивидуальностей (особей) и заключается настоящее творчество. Это — высочайшая поэзія.

Народъ — творецъ именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. Взгляните на созданныхъ имъ богатырей. Вотъ Алеша. Завистливой жадностью горятъ его глаза, руки его — „загребущія“, въ немъ глубоко запустила корни сила низменныхъ, чувственныхъ страстей, но онъ и удалецъ; онъ смѣлъ и отваженъ и, забывая обо всемъ, готовъ ринуться на врага. Вотъ Добрыня:

Не ясенъ соколъ въ перелетъ леталь,
Не бѣлый кречетъ перепархиваль,
Выѣзжалъ Добрыня Никитичъ младъ.

Слава объ его ловкости и удалствѣ вышла далеко за кругъ княжеской дружины. Посредственный поэтъ не допустилъ бы и самой мысли о робости при характеристикѣ этого былиннаго наѣздника, но, настоящій художникъ, народъ заставляетъ его убѣгать, что есть духу, отъ Жидовина, шепча про себя молитву:

Унеси, Господи, отъ нахвальщика!

Онъ знаетъ, что въ жизни и на молодца бываетъ проруха и, удаляясь отъ сухой схемы молодчества, уловляетъ правду жизни. И Илья у него ужъ на что воздержанъ и неподатливъ на соблазнъ „ложней теплыхъ“, но подчасъ, какъ устроить веселье для голи кабацкой, идетъ пирь-разливанное море и самъ богатырь осушаетъ чашу за чашей, помня, что каждый человѣкъ имѣетъ страсти и бѣда приходитъ только тогда, когда не мы страстями, а страсти владѣютъ нами. Послушный, преданный, почтительный къ Владимиру, тотъ же Илья умѣетъ подчасъ не только рѣзко высказать правду, но и свое задѣтое самолюбіе оборонить не безъ ущерба для самолюбія князя. Великодушный и снисходительный, онъ однако убиваетъ Соловья и прекрасную королевишну. И дѣлаетъ онъ это все потому, что онъ не ходячая кукла съ наклееннымъ на ней ярлыкомъ: „богатырь“, не манекенъ, а живой человѣкъ съ плотью и кровью, со страстями и ошибками, что не мѣшаетъ ему быть идеальнымъ образомъ богатыря и человѣка.

Въ такомъ же тонѣ обрисованы народомъ и другіе богатыри. Но среди нихъ по яркости, жизненности и свѣжести красокъ все же занимаетъ первое мѣсто Илья и его антиподъ и необходимое дополненіе при обрисовкѣ русскаго народнаго характера, Василій Буслаевъ. Одинъ—съ русскимъ широкимъ размахомъ, но и съ русскою же безшабашностью, человѣкъ, который не знаетъ никакихъ сдержекъ, все ему нипочемъ и на все онъ готовъ наплевать. Другой—въ комъ та же сила, что у Василя, но сдержанная уже высшимъ началомъ, сознаниемъ правды и долга, могучій и благодущный, строгій и степенный. Присоедините къ нимъ „добраго малаго“, безалабернаго Ивана Годиновича, Чурилу съ его желтыми кудерышками и другіихъ богатырей,—и передъ вами раскроется своеобразная, полная жизни и красокъ картина. Какъ въ капелькѣ воды отражается все солнце, такъ и настоящее художественное произведеніе въ маленькихъ размѣрахъ являетъ собой цѣлый міръ. Былины

представляютъ собой именно такого рода художественное произведеніе. Какъ жизнь, онѣ прекрасны и, какъ жизнь, серьезны и поучительны.

IX.

Намъ остается теперь сказать только два слова о чисто внѣшней сторонѣ былинной поэзіи. Если безспорно, что самое общее и непререкаемое требованіе истинно художественнаго творчества заключается въ соотвѣтствіи формы съ содержаніемъ, то не менѣе очевидно, что при этомъ имѣется въ виду не только укладъ даннаго произведенія и его внутренній распорядокъ, не только полное и совершенное воплощеніе мысли въ наглядно представляемыхъ образахъ, но и стиль въ узкомъ смыслѣ этого слова, выборъ словъ, ихъ расположеніе и наконецъ самый ритмъ рѣчи. Если въ хорошихъ стихахъ, какъ въ музыкѣ, даже не понимая значенія словъ, читатель уже чувствуетъ иногда выраженное въ нихъ настроеніе, то, конечно, въ этомъ наибольшую роль играетъ музыкальная сторона стиха и между прочимъ его размѣръ. Былины и здѣсь по крайней мѣрѣ общимъ тономъ своимъ удовлетворяютъ требованіямъ искусства.

Чтобы не оставаться въ области голословныхъ утвержденій, необходимо будетъ вникнуть въ подробности, касающіяся техники былиннаго стиха.

Строеніе его изслѣдовалъ академикъ О. Е. Коршъ. Какъ и нашъ искусственный стихъ, онъ по типу своему долженъ быть признанъ тоническимъ. Иначе говоря, онъ основанъ на чередованіи ударяемыхъ и неударяемыхъ слоговъ. Нѣсколько слоговъ, соединяясь подъ однимъ удареніемъ, составляютъ такъ называемыя стопы, которыя, повторяясь то или другое число разъ въ стихѣ, а иногда и чередуясь одна съ другой, образуютъ то, что мы называемъ размѣромъ

стихотворенія. Бываютъ стопы двусложныя, какъ, на примѣръ, трохей:

Мчатся | тучи, | вьются | тучи,

двусложная стопа съ удареніемъ на первомъ слогѣ. Бываютъ и трехсложныя. Таковъ, на примѣръ, звонко раскатывающійся анапестъ съ удареніемъ на конечномъ слогѣ:

Встрѣчу-ль яр | кую въ не | бѣ зарю,—
Ей про тай | ну свою | говорю;
Подойду | ли къ лѣсно | му ключу,
И ему | я про тай | ну шепчу,

или постепенно ослабѣвающей дактиль съ удареніемъ на первомъ изъ трехъ слоговъ:

Въ рабствѣ спа | сенное
Сердце сво | бодное—
Золото, | золото
Сердце на | родное.

Основная схема былиннаго размѣра—трохаическая:

А и я къ тебѣ пріѣхалъ ± не постарому служить,

гдѣ ухо ясно различаетъ троякаго рода ударенія: главныя (я и старому), второстепенныя (пріѣхалъ и служить) и третьестепенныя (тебѣ и старому). Но схема эта способна принимать самыя разнообразныя фізіономіи, ибо тѣмъ между прочимъ и отличается народное стихосложеніе отъ искусственнаго, что оно не хочетъ строго подчиняться дисциплинѣ опредѣленныхъ правилъ. Былинный стихъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, не составляетъ здѣсь исключенія. Капризный и гибкій, онъ иногда такъ далеко отбѣгаетъ отъ первоначальной схемы, что становится неузнаваемымъ. Онъ—воленъ, какъ воленъ духъ былинъ. Неопредѣленность очертаній и свобода—его неотъемлемое свойство.

Объясняется оно очень просто. Въ искусственномъ стихѣ на каждую мельчайшую часть ритма приходится особый слогъ. Въ стихѣ народномъ, который не читается, а поется,

двумъ ритмическимъ величинамъ то и дѣло соотвѣтствуетъ одинъ слогъ. И не только тамъ, гдѣ стихъ разсѣкается на двѣ части и гдѣ вторая величина можетъ быть замѣнена паузой, какъ въ стихѣ:

Похоѣлося Рольгѣ ± много мудростей,

происходитъ это „стяженіе“: оно встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ стиха, бываетъ даже во всѣхъ частяхъ сразу:

Дружина спить, ± такъ Волхъ не спить.

Особенно часто случается стяженіе въ одинъ слогъ двухъ предпоследнихъ ритмическихъ величинъ (не считая конечной и находящейся въ паузѣ), отчего былинный стихъ обыкновенно оканчивается тоническимъ дактилемъ. Благодаря стяженію число слоговъ никогда не остается постояннымъ. Оно вѣчно колеблется. То возрастаетъ до шестнадцати, то спадаетъ до восьми и даже семи. Это разнообразитъ форму стиха въ чтеніи. Это въ пѣніи дѣлаетъ его протяженно-пѣвучимъ.

Но и это еще не все. Въ искусственномъ стихѣ ритмическое удареніе всегда совпадаетъ съ прозаическимъ. Въ народномъ третьестепенныя ударенія не признаютъ этого правила.

Ахъ вы сѣни мои сѣни, сѣни нѣвыя мой,

заливается пѣсня, и вы ясно слышите, что послѣ слова „сѣни“ въ словѣ *мои* третьестепенное удареніе стоитъ не на второмъ, а на первомъ слогѣ. Это, можетъ быть, нарушаетъ единообразную правильность стиха, но зато сообщаетъ его теченію непринужденность. Искусственный стихъ для образованія стопъ рубитъ слова на части. Народный не любитъ стѣсненій. Не дробя словъ, не разрывая ихъ пополамъ, онъ благодаря третьестепенному ударенію и его особенностямъ льется плавно, естественно, вольно.

Наконецъ, такъ какъ третьестепенныя ударенія отдѣляются всегда отъ главныхъ и второстепенныхъ на одинъ

слогъ и неизмѣнно льнутъ къ этимъ послѣднимъ, какъ бы ища въ нихъ опоры, то и народный стихъ даетъ слушателю иллюзію или звонкимъ ударомъ заканчивающихся анапестовъ или широко ниспадающихъ дактилей. Отсюда его широкая волнистость. Она поддерживается особенностями такъ называемаго приступа, или двухъ первыхъ слоговъ стиха, которые могутъ или совѣмъ пропадать, или растягиваться до трехъ слоговъ, какъ видно изъ стиха:

Жиль Святославъ, ± да переставился,

гдѣ въ первой половинѣ отъ приступа не осталось и слѣда, а во второй онъ захватилъ цѣлыхъ три слога.

Богатству вариаций помогаютъ въ довершеніе всего цезуры, т. е. остановки въ серединѣ стиха. Онѣ бываютъ то женскія (послѣ трохея), то мужскія (послѣ ударяемаго слова), то дактилическія, какъ показываютъ слѣдующіе три стиха:

У великаго князя ± вечеринка была,
А сидѣли на пиру ± честны вдовы
И сидѣла тутъ Добрынина ± матушка.

Въ общемъ все это придаетъ былинному стиху сравнительно съ искусственнымъ чрезвычайное разнообразіе. Онъ гибче и свободнѣе, онъ плавнѣе и пѣвучѣе. Широко и своевольно переливаются въ немъ волны звуковъ, то подымаясь въ высь, то широко раскатываясь въ дактилическихъ окончаніяхъ, точно замирая гдѣ-то далеко-далеко, какъ замираетъ на безграничномъ просторѣ русской равнины не находящій себѣ преграды звукъ. Не уложить этого прихотливо-свободнаго размѣра въ строгія и опредѣленныя рамки: онъ ускользаетъ и выбивается изъ нихъ, непокорный и свободный. Раздолье, удалъ и ширь душевную воспитываетъ, говорятъ, въ своихъ дѣтяхъ безбрежная гладь равнины, подымая въ душѣ жажду безпредѣльно далекихъ стремленій и ея вѣрную спутницу, неумирающую тоску по безконечномъ. Это свойства пѣсни русскаго народа:

Что-то слышится родное
 Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика,
 То разгулье удалое.
 То сердечная тоска.

Былинный стихъ нашъ съ его широкими окончаніями, съ его протяжно замирающими звуками, съ его неуловимо-прихотливымъ и вольнымъ строеніемъ передаетъ эти свойства народа въ совершенствѣ. А такъ какъ былины и по содержанию своему проявленіе того же духа, вольнаго, широкаго, въ даль устремленнаго, то мы вправѣ теперь уже не голословно, а на основаніи всего вышеизложеннаго повторить: былевой стихъ вполнѣ соотвѣтствуетъ своему содержанию; форма былинъ, вообще говоря, художественна.

Но сохранились въ исторической поэзіи нашей и такія пѣсни, которыя, несмотря на разрушающее дѣйствіе времени блестятъ, какъ цѣльный самородокъ золота, въ которыхъ все отъ начала до конца чисто и прекрасно. Такова пѣсня о томъ, какъ перевелись витязи на святой Руси. Здѣсь, по крайней мѣрѣ въ чтеніи,—напѣва мы не знаемъ—дуэтъ мысли и слова достигаетъ, кажется, предѣльныхъ высотъ совершенства. Мельчайшій изгибъ чувства отзывается соотвѣтственнымъ изгибомъ въ словѣ. До сихъ поръ мы разсматривали былинную красоту въ ея раздробленномъ видѣ. Всмотримся теперь въ былинку о гибели богатырей, и та же самая красота предстанетъ передъ нами цѣльною, органически-живою, въ небольшихъ размѣрахъ одной пѣсни отражая художественныя достоинства всей нашей исторической поэзіи.

X.

Смысль былины о гибели богатырей заключается, какъ мы уже знаемъ, въ столкновеніи гордой воли людской съ силой Высшей Правды. Бросаетъ ей свой смѣлый вызовъ оторвавшееся отъ нея человѣческое я и гибнетъ въ не-

равной борьбѣ. Роковой для челобѣка поединокъ этотъ разыгрывается на свѣтломъ фонѣ ранняго утра. Всего только двумя маленькими черточками обрисованъ въ былинѣ пейзажъ. Это „студеная“ вода Сафать-рѣки и „восходъ краснаго солнышка“. Но такъ какъ этими опредѣленіями исчерпываются всѣ существенные признаки ранняго утра, то ихъ довольно, чтобы на насъ сразу повѣяло свѣжей прохладой, которую не успѣла еще забрать съ собой уходящая ночь, и глянули въ лицо намъ ярко-розовые, ликующіе лучи восходящаго солнца, празднующаго свою новую побѣду надъ тьмой. И вотъ въ глубинѣ этой свѣтлой картины появляется черное пятно: это „черезъ Сафать-рѣку переправляется сила басурманская“. Идутъ-надвигаются свинцово-темныя, грозовыя тучи, и нѣтъ имъ конца ни въ ширину ни въ длину. Былина не вдается въ описаніе рати непріятельской, но смотритъ на эту рать, вышедшій на Сафать-рѣку Илья, и его впечатлѣнія невольно передаются слушателю, и чувствуемъ мы лучше, чѣмъ если бы сами видѣли, какъ велика сила басурманская. Доброму молодцу ея не объѣхать, сѣрому волку не обрыскать, не облетѣть черному ворону. Трехчленная градація, гдѣ каждое новое наблюденіе отвергаетъ предшествующее, какъ слишкомъ слабое, постепенно усиливаетъ впечатлѣніе надвигающейся опасности, и не случайно чернымъ крыломъ мелькаетъ тутъ въ концѣ воронъ: это бросаетъ нужную тѣнь на качество наступающей силы. Черная она и черной бѣдой грозитъ Руси.

Но не даромъ стоитъ на Руси застава богатырская. Кликнулъ Илья кличъ, и на зовъ его поспѣшили всѣ русскіе витязи. Увертюра кончена. Начинается дѣйствіе былины, и можно только удивляться, какъ вѣрно отражаетъ въ себѣ стихъ его отдѣльные моменты. Еще за минуту передъ тѣмъ надвигавшійся, казалось, медленно, спокойно и грозно, онъ вдругъ получаетъ живость и движеніе. Тройная фигура повторенія („какъ“) въ соединеніи съ трехчленной градаціей

(„сбѣгались, сѣдѣли на коней, бросались“) придали ему спѣшность, все усиливающуюся, пока наконецъ не столкнулись витязи со врагомъ:

*Какъ сбѣгались на зовъ его витязи,
Какъ сѣдѣли на добрыхъ коней,
Какъ бросались на силу басурманскую,
Стали силу колоть-рубить.*

На минуту и дѣйствіе и стихъ какъ будто задерживаются. Вѣсы колеблются, но еще не видно, какая чашка пойдетъ внизъ. Слышенъ звонъ мечей и конскій топотъ, но еще стоитъ рать противъ рати и даетъ отпоръ противникъ:

*Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ;
Бились три часа, три минуточки,—*

но сила „сыновъ Дажь-Бога“, какъ называется Слово о полку Игоревѣ богатырей, одолѣла темную силу сыновъ степи. Подкошеннымъ колосомъ полегла рать непріятельская, и точно что-то подрѣзало самый стихъ пѣсни, внезапно падающій и ослабѣвающій: витязи

Изрубили силу поганую.

Точно вздохъ облегченія вырвался изъ груди. Но вотъ уже заносчивымъ задоромъ упоенія побѣдой зазвенѣлъ стихъ. Стали витязи похваляться:

*Не намахалися наши могучныя плечи,
Не уходилися наши добрые кони,
Не притупилися мечи наши булатные!*

Три раза въ связи съ хвастливо-раскатистыми дактилями словъ „намахалися“ и „уходилися“, настойчиво повторяется здѣсь отрицаніе „не“, и въ этомъ упорствѣ зазнавшейся силы, которая, все отрицая, себя одну только видитъ, слышенъ уже вызовъ, брошенный силѣ высшей. Пока онъ еще только чувствуется въ чувствѣ, но еще минута, и онъ прорвется наружу въ „неразумномъ словѣ“ Алеши:

Подай намъ силу нездѣшную —
Мы и съ тою силою, витязи, справимся.

Пало роковое слово, и былина вся какъ бы настораживается: точно что-то глубоко важное, серьезное и страшное вошло и стало передъ очами, и, затаивъ дыханіе, смотритъ человѣкъ и ждетъ, что-то будетъ. Явилось двое воителей и крикнуло громкимъ голосомъ:

А давайте съ нами, витязи, бой держать!
Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.

Два витязя! Что значать они передъ несмѣтною ратью, которая только-что пала подъ богатырскими ударами русскихъ воиновъ! Но такъ обыкновенно бываетъ, что страшное и роковое входитъ въ жизнь нашу тихо и незамѣтно и вотъ уже стоитъ оно и управляетъ властно нашей судьбой, а мы еще не знаемъ, что оно тутъ, и думаемъ, что все идетъ по старому. Въ тонѣ уже чувствуется присутствіе новой, таинственной, рѣшающей силы, но ослѣпленный самодовольной гордостью взоръ богатырей не видитъ ея, и былина подчеркиваетъ это ослѣпленіе:

Не узнали витязи воителей.

Не узнали,—и загорѣлся бой. Былина подошла къ самому важному, самому значительному своему моменту: сила людская выступила противъ силы Божьей. И самое строеніе былины становится здѣсь особенно художественнымъ. Вся тайна ея дѣйствія сводится здѣсь къ параллелизму двухъ градацій, нисходящей и восходящей, и чередовкѣ стиха легкаго, стремительнаго и окрыленнаго, гдѣ рѣчь идетъ о паденіяхъ витязей, и суроваго, могучаго, непреклонно-неизмѣннаго въ описаніи высшей, „нездѣшной“ силы. Фигура повторенія еще сильнѣе отгѣняетъ несокрушимость силы Божьей и тщету оторвавшихся отъ источника своей и всяческой силы и предоставленныхъ самимъ себѣ человѣческихъ усилій.

Соколомъ налетѣлъ Алеша на воителей, и съ стремительнымъ натискомъ, точно волнуясь и летя, спѣшитъ впередъ самый стихъ былинны. Короткій стихъ и четырехчленная градація въ сказуемыхъ придала ему легкость, удалъ и движеніе, заканчивающееся тяжелымъ ударомъ сабли, разрубающей врага пополамъ:

Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ слова,
Поднялъ онъ коня борзаго,
Налетѣлъ на воителей
И разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча.

Но даромъ пропала богатырская отвага: воителей

Стало четверо,—и живы всѣ!

Стихъ этотъ удивителенъ по своей изобразительности.

Стало четверо.

Тутъ переданъ только фактъ, не болѣе. Но фактъ этотъ самъ по себѣ таковъ, что въ остолбенѣніи застываетъ передъ нимъ мысль человѣческая, и это превосходно выражено внезапно обрывающимся повышеніемъ голоса при словѣ „четверо“ и слѣдующей затѣмъ паузой. Только мигъ спустя, какъ бы выйдя изъ оцѣпенѣнія, вырывается движеніе смѣшаннаго съ ужасомъ изумленія:

—и живы всѣ!

Но не вѣрятъ своимъ глазамъ богатыри. Снова предъ нами блескъ отваги, удалъ нападенія, снова тяжелый ударъ меча,—и опять тотъ же ужасный, роковой результатъ. Налетѣлъ на воителей Добрыня: воителей

Стало восьмеро,—и живы всѣ!

Налетѣлъ Илья:

Стало вдвое болѣе,—и живы всѣ!

Такъ разбѣжавшись съ шумомъ подкатываются и налетаютъ на высокій морской утесъ одна за другою волны, но, ударившись о крѣпкую грудь его, разлетаются въ тысячахъ брызгъ и убѣгаютъ, безсильныя, а онъ стоитъ, какъ прежде, неприступный и могучій. И кажется, что послѣ каждаго все

ослабѣвающаго прибоа еще круче вздымается въ небо его высота. За стремительнымъ натискомъ Алеши слѣдуетъ паденіе Добрыни и Ильи, но вы видите, вы въ самомъ стихѣ, въ постепенно уменьшающемся числѣ членовъ градаціи осязаете, какъ падаетъ, какъ слабѣетъ людское молодечество и меркнетъ его блескъ, а параллельно съ этой убывающей силой идетъ возрастаніе силы Божеской: сперва незамѣтная, она поднимается у насъ на глазахъ до своего настоящаго, подлиннаго значенія, и о несокрушимую стѣну ея твердыни безъ слѣда разбиваются легкія волны людской отваги.

Бросаются на воителей всѣ витязи, стали силу колотъ-рубить,

*А сила все растеть да растеть,
Все на витязей съ боемъ идетъ.*

Охваченные движеніемъ битвы витязи только рубятъ мечами направо и налево, ничего не замѣчая. Кони ихъ топчутъ павшихъ.

*А сила все растеть да растеть,
Все на витязей съ боемъ идетъ.*

Грозою глядитъ этотъ неизмѣнно повторяющійся припѣвъ былинны. Чувствуется въ немъ то роковое, вѣчное, неизмѣнное, передъ чѣмъ ничто—человѣкъ.

Ослабѣли витязи. Нѣтъ уже силы въ рукахъ. Какъ подстрѣленная птица, стелется по землѣ ослабѣвающій въ дактилическихъ окончаніяхъ стихъ:

*Намахалися ихъ плечи могутныя,
Уходилися кони ихъ добрые,
Притупилися мечи ихъ булатные.*

Тѣ же самыя слова, что еще недавно съ отрицаніемъ впереди изображали широко разошедшійся задоръ хвастливости, теперь падаютъ безсильныя и усталыя, какъ мечъ въ нѣмѣющей рукѣ.

*А сила все растеть да растеть,
Все на витязей съ боемъ идетъ.*

И страшень ея таинственный, неодолимый ростъ.

Дрогнули витязи. Побѣжали. И что-то вдругъ мѣняется въ стихѣ: коротко-обрывистый, онъ точно застываетъ, какъ замираетъ движеніе въ богатыряхъ по мѣрѣ того, какъ они одинъ за однимъ обращаются въ камни.

Какъ *подбьжитъ* витязь къ горѣ,
 Такъ и окаменѣетъ;
 Какъ *подбьжитъ* другой,
 Такъ и окаменѣетъ;
 Какъ *подбьжитъ* третій,
 Такъ и окаменѣетъ.

Пѣвцу остается только съ грустью закончить свою повѣсть словами:

Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на святой Руси.

Трудно придумать форму совершеннѣе той, въ которую облекъ народъ свою мысль о вѣковѣчной побѣдѣ Правды надъ оторвавшимся отъ нея самоутвержденіемъ людского эгоизма и гордости. Поистинѣ былина наша — не только завершительная, но и высшая точка въ нашей исторической поэзіи, и потому здѣсь всего умѣстнѣе будетъ и намъ проститься съ читателемъ.

* * *

Кончилась былина. Конченъ нашъ трудъ. Но съ былинами не кончилась повѣсть русскаго богатырства.

Перевелись витязи на Руси, но живы всѣ! Народъ, какъ сказочный чародѣй, заключилъ ихъ въ образы красоты, а красота не умираетъ. Вѣчная и юная, она сама таитъ въ себѣ зародыши грядущей жизни и, возбуждая въ народѣ творческія силы, открываетъ передъ нимъ все новыя и новыя дали, властно и мощно призывая его впередъ отъ красоты слова къ красотѣ воплощенія его въ жизни.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

卷之三

I.

Былина о Пясть.

(По хроникѣ Галла).

Erat in civitate Gnezenzi dux nomine Popel, duos filios habens, qui more gentilitatis ad eorum tonsuram grande convivium praeparavit, ubi plurimos suorum procerum et amicorum invitavit. Contigit autem ex occulto Dei consilio duos illuc hospites advenisse, qui non solum ad convivium non invitati, verum etiam a civitatis introitu cum iniuria sunt redacti. Qui statim civium illorum inhumanitatem abhorrentes et in suburbium descendentes, ante domunculam aratoris praedicti ducis pro filiis convivium facientis forte fortuna devenerunt. Ille vero bonae compassionis pauperculus hospites illos ad suam domunculam invitavit, suamque paupertatem eis benignissime praesentavit. At illi pauperis invitatione gratanter inclinantes et hospitalitatis tuguriū subeuntes: *Bene, inquit, nos advenisse gaudeatis, et in nostro adventu bonorum copiam, et de sobole honorem et gloriam habeatis.*

Erant enim hospitii domestici Pazt filius Chossistconis et uxor ejus Repca vocabulo nuncupati, qui cum magno cordis affectu pro posse suo hospitem necessitati ministrare sathage-

bant, eorumque prudentiam intuentes, secretum si quid erat cum eorum consilio perficere disponebant. Cumque de more resistentes colloquerentur de plurimis, et peregrini an ibi potus aliquid habeatur inquirerent, arator hospitalis respondit: *Est, inquit, mihi vasculum cervisiae fermentatae, quam pro caesarie filii quem habeo unci tondenda praeparavi, sed quid prodest hoc tantillum? si libeat, ebibatis.* Decreverat enim rusticus ille pauper, quando dominus suus dux pro filiis convivium praepararet—nam in alio tempore prae nimia paupertate non posset—aliquid obsonii pro suo tondendo parvulo praeparare, et quosdam amicorum et pauperum, non ad prandium, sed ad gentaculum invitare, qui etiam porcellum nutriebat, quem ad illud servitium reservabat. Mira dicturus sum, sed quis valet Dei magnalia cogitare? vel quis audet de divinis beneficiis disputare? qui temporaliter pauperis humilitatem aliquotiens exaltat, et hospitalitatem etiam gentilium remunerare non recusat. Imperant igitur cum hospites securi cervisiam propinari, quam bene noverant potissando non deficere, sed augeri; usque adeo enim crevisse fertur cervisia, donec vasa mutuata replerentur omnia et quae ducis convivantis invenere vacua. Praecipiunt et porcellum supra dictum occidi, unde decem situlae, Sclavonice *cebri*, mirabile dictu, memorantur adimpleri. Visis igitur Pazt et Repca miraculis quae fiebant, aliquid magni praesagii de puero sentiebant, iamque ducem et convivas invitare cogitabant, sed non audebant, nisi prius peregrinos hoc inquirant. Quid moramur? Consilio itaque hospitem et exhortatione dominus eorum dux et convivae omnes ipsius ab agricola Pazt invitantur, neque rustico suo dux invitatus condescendere dedignatur. Nondum enim ducatus Poloniae erat tantus, neque princeps orbis tanto fastu superbiae tumescebat, nec tot cuneis clientelae stipatus, ita magnifice procedebat. Inito de more convivio, et habundanter omnibus apparatus, hospites illi puerum totonderunt, eique Semovith vocabulam ex praesagio futurorum indiderunt.

His itaque peractis puer Semovith, filius Pazt Chossistconis viribus et aetate crevit, et de die in diem in augmentum pro-

ficere probitatis incepit, eotenus quod rex regum et dux ducum eum Poloniae ducem concorditer ordinavit. (Galli Chronicon, liber primus 1—3. Monumenta Poloniae historica. Wydal August Bielowski, Lwów 1864. str. 395—397).

II.

Урошъ и Мрлявчевичи.

Сербская народная пѣсня ¹⁾.

Собралось четыре ратныхъ стана ²⁾
На прекрасномъ на полѣ Косовомъ
Подлѣ бѣлой Самодрезской церкви:
Первый таборъ Вукашина краля,
Станъ другой былъ деспота Углеши,

¹⁾ Подлинникъ этой пѣсни напечатанъ во второмъ томѣ вѣнскаго изданія собранныхъ Вукомъ Караджичемъ сербскихъ пѣсенъ: «Српске народне пјесме, кн. друга». Въ томѣ этомъ помѣщены лучшія изъ сербскихъ пѣсенъ. Его можно достать и въ Россіи на складѣ Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества (Звенигородская, 24). Большая книга въ 600 страницъ продается что-то по очень дешевой цѣнѣ, если не ошибаемся почти за безцѣнокъ. Тѣмъ же обществомъ изданъ и сербско-русскій словарь Мичатка. При нѣкоторой вдумчивости русскій читатель безъ всякаго предварительнаго изученія можетъ понимать сербскій текстъ. А сербскія пѣсни стоить прочесть въ подлинникѣ. Не говоря уже о несравненномъ благозвучіи языка, нѣжнаго и ласкающаго, во всемірной литературѣ мало есть произведеній, которыя бы могли сравниться съ ними по чистотѣ чувства и простотѣ выраженія. Въ русскомъ переводѣ издалъ ихъ Чудиновъ въ «Русской классной библіотекѣ» подъ заглавіемъ: «Юнацкія пѣсни сербскаго народа». Но, какъ всякій переводъ, и этотъ далеко не передаетъ красоты подлинника.

²⁾ Этотъ стихъ и пять-шесть другихъ ниже взяты нами изъ перевода О. Ѳ. Миллера.

Третій таборъ воеводы Гойка,
 А четвертый Уроша младого.
 Изъ-за царства спорять государи,
 Загубить они хотять другъ друга,
 Заколоть ножами золотыми,
 Не рѣшатъ, кому владѣть престоломъ.
 Вукашинъ клянется: «я наслѣдникъ!»
 «Нѣтъ, не ты, а я!» кричитъ Углеша.
 «Мой престолъ!» имъ возражаетъ Гойко.
 Но молчитъ царевичъ юный Урошъ,
 Ни словечка не проронитъ бѣдный:
 Говорить не смѣетъ онъ при братьяхъ,
 Онъ троихъ Мрлячѣвичей боится.
 И посланье Вукашинъ готовить,
 Пишетъ онъ письмо и шлетъ чауша
 Въ старый Призренъ городъ бѣлостѣнный
 Ко тому-ль Недѣлькѣ-протопопу.
 Пусть придетъ онъ на Косово поле,
 Пусть рѣшатъ, кому владѣть престоломъ.
 Онъ царю причастье далъ святое,
 Причастилъ его и исповѣдалъ,
 У него и книги староставны.
 И Углеша деспотъ въ ставкѣ пишетъ,
 Пишетъ онъ письмо и шлетъ чауша,
 Въ Призренъ старый, городъ бѣлостѣнный
 Ко тому-ль Недѣлькѣ-протопопу;
 Третье пишетъ воевода Гойко
 И письмо съ чаушемъ отправляетъ,
 А послѣдній пишетъ Урошъ юный,
 Пишетъ онъ письмо и шлетъ чауша.
 Всѣ четыре брата письма пишутъ
 И съ гонцами письма отправляютъ
 Потайкомъ, скрываясь другъ отъ друга.
 И сошлись всѣ четверо посланцевъ
 Во Призренѣ, градѣ бѣлостѣнномъ,
 У двора Недѣльки-протопопа;
 Но Недѣльки дома не случилось:
 Утреню служилъ онъ въ церкви Божьей,
 Утреню служилъ и литургію.
 Сильны были пылкіе чауши,
 Горды были сильные изъ сильныхъ,
 Слѣзть съ коней они не захотѣли,
 Прямо въ церковь лошадей вогнали,
 Кнутья вынули свои, кнутами
 Стали бить Недѣлку-протопопа:

«Эй, скорѣе, протопопъ Недѣлько,
 «Эй, скорѣе на Косово поле!
 «Укажи, кому владѣть престоломъ;
 «Ты царю причастье далъ святое,
 «Причастилъ его и исповѣдалъ,
 «У тебя и книги староставны.
 «А не скажешь — попрощайся съ жизнью!»
 Слезы ронить протопопъ Недѣлько,
 Слезы ронить, слово старый молвить:
 «Уходите, сильные изъ сильныхъ.
 «Дайте мнѣ закончить службу Божью,
 «А тогда узнаете, чье царство».

Тутъ гонцы коней поворотили,
 А, когда свершилась Божья служба
 И всѣ вышли передъ бѣлу церковь,
 Слово молвить протопопъ Недѣлько:
 «Дѣти, дѣти, четверо посланцевъ!
 «Далъ царю причастье я святое,
 «Причастилъ его и исповѣдалъ,
 «Но его не спрашивалъ о царствѣ,
 «А о томъ, чѣмъ согрѣшилъ онъ въ жизни.
 «Вы жъ идите ко Прилипу граду,
 «Къ моему питомцу дорогому,
 «Къ королевичу идите Марку.
 «У меня письму учился Марко,
 «У царя въ писцахъ служилъ онъ долго,
 «У него и книги староставны,
 «Знаетъ онъ, кому владѣть престоломъ.
 «Вы зовите на Косово Марка,
 «Марко все по правдѣ вамъ расскажетъ:
 «Никого на свѣтѣ не боится
 «Марко, кромѣ истиннаго Бога».

И ушли всѣ четверо посланцевъ,
 Всѣ ушли они къ Прилипу граду,
 Къ королевичу ушли всѣ къ Марку,
 А какъ стали передъ домомъ Марка,
 Принялись стучать кольцомъ въ ворота.
 Услыхала Евросима мать,
 Позвала на стукъ тотъ сына Марка:
 «Марко, сынъ мой, чадо дорогое!
 «Кто-то тамъ стучитъ кольцомъ въ ворота.
 «Не гонцы-ль пришли отъ Вукашина?»
 — Марко всталъ, ворота отворяетъ,
 Бьютъ челомъ ему гонцы и молвятъ:
 «Богъ на помощь, господарь нашъ Марко!»

Марко ихъ привѣтствуетъ лаская:

«Мой привѣтъ вамъ, дѣти дорогія!

«Всѣ-ль здоровы сербскіе владыки

«Воеводы и цари честные?»

И гонцы съ поклономъ низкимъ молвятъ:

«Господарь нашъ, Королевичъ Марко!

«Всѣ здоровы, да живутъ не въ мирѣ:

«Тяжкій споръ затѣяли владыки

«На Косовомъ на полѣ широкомъ

«Подлѣ бѣлой Самодрезской церкви.

«Изъ-за царства спорятъ государи,

«Загубить они хотятъ другъ друга,

«Заколотъ ножами золотыми,

«Не рѣшатъ, кому владѣть престоломъ,

«И тебя зовутъ къ Косову полю

«Указать, кому владѣть престоломъ».

Всталъ тутъ Марко, въ дворъ пошелъ господскій

И зоветъ къ себѣ онъ Евросиму:

«Евросима, мать моя родная,

«Тяжкій споръ затѣяли владыки

«На Косовомъ на полѣ широкомъ

«Подлѣ бѣлой Самодрезской церкви.

«Изъ-за царства спорятъ государи,

«Загубить они хотятъ другъ друга,

«Заколотъ ножами золотыми,

«Не рѣшатъ, кому владѣть престоломъ

«И зовутъ меня къ Косову полю

«Указать, кому владѣть престоломъ».

Вѣкъ горой стоялъ за правду Марко,

И о правдѣ молить Евросима:

«Марко милый, сынъ ты мой единый,

«Если ты моею боишься клятвы,

«Сынъ мой, не суди ты споръ по кривдѣ,

«Ни отцу, ни дядевьямъ въ угоду,

«Но по правдѣ истиннаго Бога.

«Не губи грѣхомъ души безсмертной

«Лучше, сынъ мой, головы лишиться,

«Чѣмъ свою сгубить неправдой душу.»

Взялъ тутъ Марко книги староставны,

Снарядился въ путь, Шарина вывелъ,

На сѣдло къ Шарину вспрыгнулъ ловко

И отѣхалъ на Косово поле.

Подъѣзжаетъ къ ставкѣ королевской.

Видитъ сына Вукашинъ и молвитъ:

«Благодать послалъ мнѣ Богъ великій!

«Вижу: ѣдетъ сынъ мой милый Марко,
 «Мнѣ, отцу, присудитъ Марко царство:
 «Отъ отца пойдетъ въ наслѣдство сыну.»
 Марко слышитъ, слова не промолвитъ,
 Головы къ шатру не поворотитъ.
 И Угѣша деспотъ видитъ Марка,
 Видитъ, слово молвитъ онъ такое:
 «Благо мнѣ! Племянникъ милый ѣдетъ;
 «Мнѣ присудитъ сербское онъ царство.
 «Марко, милый! Присуди мнѣ царство,
 «Оба будемъ царствовать мы вмѣстѣ.»
 Но молчитъ, не молвитъ слова Марко,
 Головы къ шатру не поворотитъ.
 Видитъ Марка воевода Гойко,
 Видитъ, слово молвитъ онъ такое:
 «Благо мнѣ! Племянникъ милый ѣдетъ:
 «Мнѣ присудитъ сербское онъ царство.
 «Какъ еще дитятею былъ Марко.
 «Я его любилъ, ласкалъ и нѣжилъ,
 «На своей груди въ шелку лелѣялъ,
 «Точно яблочко берегъ золотое.
 «И куда, бывало, самъ ни ѣзжу,
 «Всюду Марка я беру съ собою.
 «Марко, милый! Присуди мнѣ царство.
 «Будешь, Марко, царствовать ты первый,
 «Я жъ тебѣ подручнымъ княземъ буду.»
 Но молчитъ, не молвитъ слова Марко,
 Головы къ шатру не поворотитъ.
 Путь онъ держитъ къ бѣлому намету,
 Къ ставкѣ бѣлой Уроша младого.
 Вотъ подѣхалъ Марко къ ставкѣ царской,
 Съ Шарца онъ узду съ сѣдломъ снимаетъ.
 Видитъ Урошъ гостя дорогого,
 Соскочилъ онъ съ шелковыхъ подушекъ
 Соскочилъ проворно, слово молвитъ:
 «Благо мнѣ! пріѣхалъ кумъ мой милый,
 «Кумъ пріѣхалъ, королевичъ Марко.
 «Онъ рѣшитъ, кому владѣть престоломъ.»
 Тутъ юнаки стали обниматься,
 Въ бѣлы лица крѣпко цѣловались,
 О юнацкомъ здравіи справлялись,
 На шелковыхъ на подушкахъ сѣли.
 И немного времени уплыло,
 День промчался, тѣмная ночь настала,
 А на утро, какъ заря зардѣлась

И церковный благовѣсть раздался,
 Всѣ на утреню сошлись владыки,
 Въ церкви службу Божью отстояли,
 А потомъ изъ бѣлой церкви вышли,
 За столы предъ церковью разсѣлись,
 Сласти кушаютъ и пьютъ ракію.
 Марко вынулъ книги староставны,
 Въ книги смотритъ Марко, слово молвить:
 «О, отецъ мой, Вукашинъ могучій!
 «Аль тебѣ твоей державы мало?
 «Мало что-ли? Чтобъ ей пусто было!
 «За чужое спорите вы царство.
 «А ты, деспотъ, дядя мой Углеша!
 «Развѣ мало и тебѣ деспотства?
 «Чтобъ тому деспотству пусто было!
 «А ты, дядя, воевода Гойко!
 «Мало для тебя земли отцовской?
 «Мало что-ли? Чтобъ ей пусто было!
 «За чужое спорите вы царство!»
 «Вотъ смотрите—Бога вы забыли!—
 »Въ книгѣ сказано: Урошу царство.
 «Отъ отца въ удѣлѣ досталось сыну,
 «Отроку идетъ оно въ наслѣдство.
 «Самъ покойный царь ему оставилъ
 «Царство на своемъ на смертномъ ложѣ».
 Какъ услышалъ Вукашинъ то слово,
 Какъ вскочилъ король съ земли на ноги,
 Какъ схватилъ свой ножъ онъ золоченый,
 Заколотъ онъ хочетъ сына Марка.
 Отъ отца бѣжать пустился Марко,
 Ибо сыну, братья, непристойно
 Со своимъ отцомъ роднымъ сражаться.
 Сынъ бѣгомъ бѣжитъ вокругъ бѣлой церкви,
 Вкругъ той бѣлой церкви Самодрезской,
 Сынъ бѣжитъ, отецъ за нимъ въ догонку.
 Такъ они три раза обѣжали
 Вкругъ той бѣлой Самодрезской церкви,
 И отецъ совѣмъ догналъ ужъ сына,
 Но изъ церкви вдругъ раздался голосъ:
 «Въ церковь, королевичъ Марко, въ церковь!
 «Поспѣшай скорѣй—не то погибнешь,
 «Отъ руки родителя погибнешь,
 «А за правду истиннаго Бога».
 Тутъ церковныя раскрылись двери,
 Марко въ церковь бѣдую вбѣгаетъ,

И мгновенно двери затворились.
Подбѣжалъ отецъ къ дверямъ церковнымъ
И ударилъ въ нихъ ножомъ съ размаху:
Кровь изъ нихъ закапала на землю.
Стало жалко Вукашину Марка,
Началъ каяться король и молвить:
«Горе мнѣ, о, Боже милосердный!
«Я убилъ родного сына Марка».
Но изъ церкви снова слышенъ голосъ:
«Знай, о, Вукашинъ, король могучій,
«Не родного сына поразилъ ты,
«Ты поранилъ ангела Господня».
И досадно стало Вукашину,
Сына онъ клянетъ и проклиняетъ:
«Сынъ мой Марко! Чтобъ тебя убило!
«Чтобъ не зналъ ты гроба и потомства,
«Чтобъ ты бѣла свѣта не покинулъ,
«Не служи турецкому султану!»
Краль клянетъ, а царь благословляетъ:
«Кумъ мой Марко! Богъ тебѣ на помощь!
«Да сіяетъ ликъ твой свѣтлый въ думѣ!
«Да сверкаетъ сабля на мейданѣ!
«Чтобъ сильнѣе не было юнака,
«Чтобъ, пока луна и солнце свѣтять,
«Имя Марка всюду вспоминали!»
Какъ сказали, такъ и стало съ Маркомъ.

III.

Къ былинь о заставъ богатырской.

Историческая подкладка или, по крайней мѣрѣ, историческая окраска былины о заставѣ богатырской никогда, кажется, не подвергалась сомнѣнію. Спорнымъ можетъ быть только вопросъ, кто такое тотъ Жидовинъ, съ которымъ боролись наши богатыри. Первымъ высказался по этому вопросу Хомяковъ. По его мнѣнію, Жидовинъ—это хозаринъ. Поддержанное впоследствии авторитетомъ А. Н. Веселовскаго, мнѣніе Хомякова прочно вошло въ ученую и учебную литературу, долго не вызывая никакихъ возраженій. Вопросъ казался поконченнымъ совершенно.

Но въ 1885 году появилось изслѣдованіе М. Г. Халанскаго „Великорусскія былины кievскаго цикла“, въ которомъ авторъ рѣшительно и рѣзко отвергнулъ мнѣніе Хомякова, назвавъ его „культурно-историческимъ миражемъ“. Нѣсколько разъ возвращался потомъ М. Г. Халанскій къ тому же вопросу, дополняя и углубляя свои изслѣдованія въ этомъ направленіи: отвергая мнѣніе Хомякова (а слѣдовательно и Веселовскаго), онъ выставилъ и свою собственную гипотезу о происхожденіи Жидовина. Поэтому доказательства его могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: отрицательныя и положительныя.

Отрицательныхъ два. Первое можетъ быть кратко вы-

ражено такъ: хозары вовсе не евреи. Вотъ подлинныя слова Халанскаго: „Козары никогда не были народомъ строго еврействующимъ. „Большинство хозаръ мусульмане и христіане. И есть между ними идолопоклонники. И самый многочисленный классъ у нихъ евреи. Царь ихъ исповѣдуетъ еврейскую религію“ (Изв. Ал—Бекри о Руси и славянахъ. Куника и Розена I, 60). Въ лѣтописи Нестора хозары называются своимъ именемъ; упоминаются старцы козарстїи. Въ рассказѣ объ испытанїи вѣрѣ ясно различаются жида и козары: *жидове козарстїи придоша*, рекуще. Владимиръ рече: гдѣ есть земля ваша? они же рѣша: въ Ерусалимѣ. Нѣтъ никакихъ данныхъ утверждать, что козары были миссіонерами еврейства на Руси. Не было, стало быть, основанїя для древней Руси, нѣтъ ихъ и для насъ — отождествлять жидовъ и козаръ, землю Жидовскую и Козарскую, Жидовина и Козарина, тѣмъ болѣе, что въ былинѣ не заключается ни одного упоминанїя о козарахъ“ (Русск. Филол. Вѣстникъ, 1885 г. № 2, стр. 400—401).

Пять лѣтъ спустя, снова вернувшись къ былинѣ о Жидовинѣ, Халанскій прибавилъ къ первому своему отрицательному доводу новый: хозары были народомъ мирнымъ, никакой борьбы съ русскими не вели, а потому и не могли дать повода къ созданію былины о заставѣ богатырской. „Самый характеръ хозарскаго господства былъ таковъ, что едва ли могло сложиться у славянъ представленіе о хозарахъ, какъ о насильникахъ-великанахъ. Слова Шафарика (Слав. древности, т. II, ч. 1, стр. 102) о хозарахъ и до настоящаго времени остаются вѣрными: „въ отечественныхъ нашихъ лѣтописяхъ мы не находимъ никакихъ доказательствъ и слѣдовъ, чтобы владычество хозаръ было тягостно и вредно для славянъ, какъ иго отвратительныхъ аваровъ; впрочемъ намъ извѣстно изъ другихъ рукъ, что нравы хозаръ были гораздо кротче и образованнѣе, нежели этихъ грабителей“ (Рус. Фил. Вѣстникъ, 1890 года № 1, стр. 16—17).

Отвергая мнѣніе Хомякова, М. Г. Халанскій на этотъ разъ противопоставилъ ему и свое собственное объясненіе былиннаго Жидовина. Жидовинъ—это великанъ, гигантъ, сербскій *джид*. „По воззрѣніямъ сербовъ, джиды—представители поколѣнія людей, предшествовавшаго нынѣшнему. Джиды это люди „велици и големи“, жившіе за много вѣковъ даже до Марка Кралевича. Съ ихъ именемъ связывается названіе древнихъ могильниковъ — „джидовски гробишта“. У сербовъ представленія о джидахъ довольно живы. Каждый сербъ знаетъ это слово“ (Р. Ф. В. 1890 г. № 1, 1—2), а среди сербскихъ народныхъ пѣсенъ есть одна, которая, по мнѣнію Халанскаго, весьма близко стоитъ къ нашей былинѣ о Жидовинѣ. Это пѣсня о Маркѣ Королевичѣ и Недѣ Джидовинѣ. Въ ней рассказывается, какъ въ великой царской механѣ пили вино будимскіе господа съ королевичемъ Маркомъ и какъ мимо проходилъ Неда Джидовинъ и поздоровался съ ними. Всѣ ему поклонились; только Марко не отдалъ ему чести. Оскорбленный Неда, выругавъ его за это, нагаль ему на его мать, что она прижила Марка съ нимъ, Недою. Марко, узнавъ отъ матери, что это несправда, вызвалъ Неду на поединокъ и убилъ его. Халанскій находитъ особенно близкимъ къ русской былинѣ конецъ пѣсни, когда Марко, отрубивъ Недѣ голову, привозитъ ее показать своимъ товарищамъ:

Па је узе Краљевићу Марко,
Однесе је у меану царску.
Ишеташе сва господа редом
Изъ велике цареве меане;
Они мере Джидовини главу,
Ал' у глави триест и шест ока;
Чудише се сва господа редом
Па беседе Краљевићу Марку:
Здрав ти био и ко те родио,
Кад погуби такога јунака
Ко што беше Джидовина Неда! ¹⁾

¹⁾ Сербское *h* = русскому *тьчъ*, *h* = *дъжъ*.

Эта пѣсня или вообще сказанія о джидахъ могли быть занесены изъ Сербіи въ русскія земли. „Сербскіе гусяры, обладавшіе подвижностью и предприимчивостью, могли свободно странствовать отъ Зеты и Босны до Польши и Московіи“. Средой, гдѣ, по догадкѣ Халанскаго, произошло взаимодействіе между сербскимъ и русскимъ эпосомъ, вѣроятно, было запорожское казачество, чѣмъ, по мнѣнію Халанскаго, объясняется въ былинѣ названіе Ильи Муромца атаманомъ, а Алеши есауломъ. Слушая сербскихъ гусяровъ, русскіе пѣвцы — пишетъ Халанскій — могли понять *джидовине*, *джидовина* сербской пѣсни, какъ Жидовина, и еще припомнить свою *Жидовскую землю* въ Крыму и Жидовскую могилу на берегу Днѣстра. Такимъ образомъ изъ сербскаго великана джида получился русскій Жидовинъ, хотя слова *жид* и *джид* вовсе не тождественны и сербское жид означаетъ *iudaeus*, но никогда *gigas* и наоборотъ джид—это *gigas*, но не *iudaeus*.

Во всемъ этомъ объясненіи новымъ было только указаніе на предполагаемое сербское происхожденіе Жидовина, какъ великана. Что въ былинѣ могли отразиться древнія преданія о великанахъ вообще, это признавалъ и Буслаевъ, съ своей мифологической точки зрѣнія видѣвшій за человѣческимъ обликомъ Жидовина исполинскій ликъ стараго языческаго божества. На легендарную примѣсь въ былинѣ указывалъ и Веселовскій, но это не мѣшало ему признавать въ Жидовинѣ хозарина. Съ другой стороны и Халанскій не отрицаетъ въ былинѣ о заставѣ богатырской отраженія исторической борьбы Руси со степью вообще. Отождествляя сербскаго джида съ русскимъ Жидовиномъ, онъ попытался только вычеркнуть изъ рускаго историческаго эпоса воспоминаніе о хозарахъ. Именно здѣсь однако обнаружились слабья стороны его изслѣдованій и, какъ ни старался онъ поколебать гипотезу о хозарахъ, она, какъ гипотеза, и до сихъ поръ остается не только вполне возможной, но и достаточно основательной.

Прежде всего слѣдуетъ ввести въ надлежащія рамки сербское вліяніе на былины. Если даже признать, что оно действительно состояло „во введеніи въ русскій эпосъ имени и образа великана Джидовина“, то во всякомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о полномъ будто бы параллелизмѣ русской былины и сербской пѣсни о Недѣ и Маркѣ, на которомъ настаиваетъ Халанскій (Рус. Фил. Вѣст. 1893 г., № 4, стр. 244—245). Наша былина повѣствуетъ о защитѣ родной земли отъ наѣзтниковъ, о заставѣ богатырской; въ сербской пѣснѣ Марко сидитъ въ корчмѣ за чашею вина и пируетъ. У сербовъ, „нахвальщикомъ“ является скорѣе Марко, чѣмъ Неда: онъ не снимаетъ передъ Недою шапки, онъ затѣваетъ ссору. У насъ эта роль выпадаетъ на долю Жидовина. Словомъ, въ главныхъ линіяхъ обѣихъ пѣсень, въ ихъ замыслѣ противоположность полная. О какомъ-нибудь прямомъ заимствованіи изъ сербскихъ пѣсень говорить невозможно. Но и общее вліяніе не шло такъ далеко, какъ думалъ Халанскій: рассказы о великанахъ существовали не у однихъ только сербовъ, и былина о Святогорѣ показываетъ, что вовсе не надо было знать сербскихъ пѣсень, чтобы создать образъ великана. Что же въ былинѣ о заставѣ богатырской можетъ быть объяснено исключительно сербскимъ вліяніемъ? Одно имя богатыря. Но не случайное ли это совпаденіе? „Русскіе пѣвцы—пишетъ Халанскій—могли понять джидовина сербской пѣсни, какъ Жидовина, и припомнить свою Жидовскую землю въ Крыму“. Изъ этихъ словъ очевидно, что Жидовская земля понимается здѣсь Халанскимъ вовсе не въ значеніи джидовской земли, а въ своемъ прямомъ, настоящемъ значеніи земли іудейской. Это о ней поется въ пѣснѣ о женитьбѣ Грознаго:

Захотѣлъ тутъ царь пожениться
Въ той землѣ во крымскія, во жидовскія—

гдѣ ни о какихъ великанахъ и рѣчи нѣтъ. Но, если, чтобы понять сербскаго джидовина, какъ іудея, понадобилось на-

роду вспомнить объ жидовской землѣ, то, очевидно, она глубоко должна была *раньше* запечатлѣться въ памяти народа. Почему же она называется Жидовской? Кто далъ ей это названіе? Отвѣтъ на это какъ былъ, такъ и остается одинъ: хозары, ибо больше въ Крыму никакихъ „жидовъ“ не было. Такимъ образомъ, стараясь доказать тождество нашего Жидовина съ сербскими джидами и уничтожить хомяковскую гипотезу о хозарахъ, Халанскій мимоходомъ самъ же невольно призналъ существованіе въ русскомъ эпосѣ воспоминаній о хозарахъ. Получился *circulus vitiosus*, логическій кругъ, изъ котораго только одинъ выходъ: признать, что Жидовинъ это хозаринъ. И дѣйствительно, если „жидовская земля въ Крыму“ не джидовская, а хозарская, то почему же былинный Жидовинъ долженъ быть джидомъ, а не хозариномъ? Зачѣмъ искать для него первообразовъ за „горами, долами, морями“, когда тутъ близко былъ народъ, недаромъ же наложившій на свою землю имя жидовской? На Кавказѣ долгое время послѣ паденія хозарскаго царства евреевъ называли именемъ хозаръ: *Ghyssar*; у насъ, наоборотъ, хозары слыли подъ именемъ „жидовъ“. Очевидно, эти два имени настолько тѣсно переплетались одно съ другимъ, что на извѣстной территоріи долгое время были неотдѣлимы. Это смѣшеніе даетъ прочное и реальное основаніе тому, что Халанскій называетъ „культурно-историческимъ миражемъ Хомякова“, напрасно предлагая вмѣсто него объясненіе, основанное не на историческихъ фактахъ, а на случайномъ созвучіи именъ джида и жидовина. Если еще во времена Іоанна Грознаго Крымъ, съ которымъ до появленія татаръ неразрывно было связано имя хозаръ, слылъ Землею Жидовской, то восколько же сильнѣе должно было проявляться вліяніе хозарства во время созданія былины о заставѣ богатырской. Въ довершеніе всего въ самой былинѣ, по мнѣнію А. Н. Веселовскаго, есть прямое указаніе на хозаръ: богатыри стояли „на степяхъ на цыцарскіихъ“, т. е.—объясняетъ Веселовскій—на хозарскихъ. Словомъ, Жидо-

винъ вошелъ въ русскую историческую поэзію не изъ далекой Сербіи (кстати сказать: по наблюденіямъ самого Халанскаго, чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ память о джидахъ все болѣе слабѣетъ и въ Болгаріи она уже совсѣмъ незначительна) а изъ земли, близкой къ Руси, сосѣдней съ нею—земли хозарской, или, что то же, жидовской. Хомяковъ вѣрно угадалъ истину.

А извѣстія Ал-Бекри? А Несторъ? А указанія Шафарика? Но что же говорить Ал-Бекри? Что не всѣ хозары были іудеями? Что только царь ихъ и самый немногочисленный изъ ихъ классовъ исповѣдывалъ іудейскую религію? Но, какъ бы то ни было, вышеуказанный фактъ смѣшенія въ памяти народной хозаровъ съ евреями неопровержимъ, а объясненіе его просто. Здѣсь мы видимъ своеобразное примѣненіе правила *cujus regio, ejus religio*: по вѣрѣ царя и правительственнаго класса судили о вѣрѣ всего народа. Аналогичное явленіе бываетъ и съ національностью. Давно ли славянская по большинству населенія Австрія считалась нѣмецкой только потому, что императоръ былъ нѣмцемъ, а правящіе круги нѣмецкими? Роль, которую въ этомъ случаѣ въ Австріи сыграла господствующая народность, у хозаръ выпала на долю вѣры. Что же касается Нестора, то, если въ разсказѣ объ испытаніи вѣроисповѣданій онъ говоритъ не о хозарахъ просто, а о хозарскихъ жидлахъ, такъ это объясняется самою темою разсказа, въ которомъ идетъ рѣчь о религіи. По тому же самому и хозарскіе евреи на вопросъ Владимира „гдѣ земля ваша?“ отвѣчаютъ у Нестора: „Въ Ерусалимѣ“, ибо духовное, идеальное отечество евреевъ, какъ и теперь есть, такъ и всегда было одно: Сіонъ. Но это нисколько не мѣшало, конечно, іудеямъ быть хозарами и наоборотъ: хозарамъ быть іудеями. Сказать „жидове козарстїи“ значить различая соединить эти два понятія. Если каганъ хозарскій, представитель всей хозарской земли былъ „жидовиномъ“, то и нашъ былинный Жидовинъ могъ быть хозариномъ.

Важнѣе указанія, сдѣланныя Шафарикомъ. Но недаромъ же Илларионъ находилъ нужнымъ бороться съ иудействомъ, а оно шло къ намъ, конечно, прежде всего оттуда, откуда пришли несторовы „жидове козарстїи“. Да и миролюбїе хозарь во всякомъ случаѣ относительно. Они все-таки были для русскаго народа сынами степи и—въ качествѣ таковыхъ—врагами, хотя бы и не такими, какъ авары. Если же пѣсня народная, не упоминая ни слова объ аварахъ, сохранила память о хозарахъ, то мы здѣсь встрѣчаемся съ тѣмъ же самымъ явленіемъ, что и въ пѣсняхъ о татарскомъ игѣ. Народъ русскій не разъ терпѣлъ отъ татаръ бѣдствїя, куда хуже и тяжелѣе, чѣмъ тверская исторїя съ Чолканомъ, и однако прихотливая народная память приурочила пѣсни о татарскомъ игѣ къ имени не Тохтамыша или Эдигея, а Щелкана. Это обычное явленіе въ народной поэзи.

Итакъ, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что изслѣдованїя Халанскаго, открывъ новыя параллели къ былинѣ о заставѣ богатырской, отнюдь однако не поколебали Хомяковской гипотезы. Она и до сихъ поръ покоится на несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ. Всѣ вѣроятїя за то, что Жидовинъ нашъ дѣйствительно былъ хозариномъ.

* * *

Вѣрнымъ историческимъ чутьемъ предваривъ въ вопросѣ о Жидовинѣ результаты научнаго анализа, Хомяковъ такъ же глубоко вѣрно почувствовалъ и основную мысль былины. Правдою живъ человѣкъ и народъ, и немощна безъ нея всякая человѣческая сила. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ совпаденіемъ, подобнымъ тому, которое было отмѣчено нами при разборѣ былины объ Ильѣ Муромцѣ и Пястѣ. Кто помнитъ стихи Хомякова „Россїи“:

Грознѣй тебя былъ Римъ великій,

тому, можетъ быть, не безынтересно будетъ прочесть слѣдующія строки Сигизмунда графа Красинскаго:

Patrz ¹⁾! w okół ciebie ²⁾, na rzymskiej równinie
 Co ³⁾ zostało z Dumy ⁴⁾!
 Pośród pustyni mętny ⁵⁾ Tyber płynie,
 W koło zwalisk rумы ⁶⁾...
 Wyczytaj z gruzów ⁷⁾ tej Kampanii Rzymu,
 Że ⁸⁾ Prawda nie zginie.
 Moc ⁹⁾ bez miłości ¹⁰⁾ podobna do dymu,
 Nie my—ona minie.
 Niechaj mi świadczy ¹¹⁾ ten Forum ludowy ¹²⁾,
 W pusty zmieniony parów ¹³⁾;
 Niech mi te świadczą pościnane ¹⁴⁾ głowy ¹⁵⁾
 Korynckich filarów ¹⁶⁾,
 Niech mi te świadczą grobowce ¹⁷⁾ bez końca
 Ze wzgórze ¹⁸⁾ na wzgórze;
 Niech mi krąg ¹⁹⁾ świadczy italskiego słońca
 • Nad niemi w lazurze ²⁰⁾;
 Niech wszystko ²¹⁾ świadczy tu zdala, czy zblizka
 W górze ²²⁾ czy nizinie,
 Światło niebieskie i ludzkie zwaliska ²³⁾,
 Że prawda nie zginie!
 Że jest duch mściciel, co z Bożej zarady ²⁴⁾
 Tkwi ²⁵⁾ w dziejów ²⁶⁾ głębinie ²⁷⁾;
 Że zginą fałsze, wiarołomstwa, zdrady ²⁸⁾,
 Lecz Prawda nie zginie!

При всемъ отличіи польскаго и русскаго геніевъ, эти совпаденія—частное свидѣтельство общаго пути и общихъ идеаловъ обоихъ славянскихъ народовъ. Въ своихъ главныхъ линияхъ и сербскія и болгарскія пѣсни и лучшія созданія русской и польской поэзіи—проявленія одного и того же славянскаго духа и пора бы уже намъ подумать о составленіи какъ общеславянской исторіи, такъ и общей исторіи славянскихъ литературъ. Къ сожалѣнію, пока нѣтъ почти никакихъ попытокъ въ этомъ направленіи.

1) Смотри; 2) тебя; 3) что; 4) отъ гордыни; 5) мутный; 6) обломки; 7) развалины; 8) что; 9) сила; 10) любви; 11) свидѣтельствуеъ; 12) народный; 13) оврагъ; 14) отсѣченные; 15) главы; 16) колонны; 17) могилы; 18) холма; 19) дискъ, кругъ; 20) лазури; 21) все; 22) въ вышинѣ; 23) развалины; 24) по Божьему произволению; 25) коренится; 26) исторіи; 27) глубинѣ; 28) измѣны.— Къ сказанному на стр. 210 относительно польской азбуки слѣдуетъ прибавить: ó произносится, какъ у, а почти какъ французское op, e — почти какъ французское in, ie = русскому е или ѣ, io = русскому ѣ, ia = я, c = ц, ž = ж, ł = твердому эль, l = мягкому ль, ś = мягкому с.

IV.

Литературныя параллели къ былинь о Садкѣ.

1. **Разсказъ о царѣ Яду изъ Гаривансы.** Однажды царь Яду поѣхалъ прогуливаться по морю въ сопровожденіи благородныхъ женъ своихъ, подобный богу Мѣсяца, окруженному созвѣздіями. Онъ увлекся слишкомъ далеко, и, несмотря на свою силу, былъ быстро похищенъ Дхумаварной, царемъ Наговъ (змѣевъ), который повлекъ его сквозь волны въ свою столицу. Столбы, двери, дома этого города были изъ драгоценныхъ камней, со всѣхъ сторонъ висѣли жемчужныя гирлянды; глаза были поражены красотой тысячей разныхъ раковинъ, сверкающихъ блескомъ алмазовъ, великолѣпнѣмъ удивительныхъ деревьевъ, у которыхъ листья и вѣтви были коралловыя. Всѣ улицы были наполнены множествомъ женщинъ изъ змѣинаго подводнаго народа. Сквозь прозрачныя волны Яду сталъ разсматривать этотъ Змѣиный городъ, построенный столь же прочно на водѣ, какъ бы на сушѣ. Безъ всякаго страха онъ вступилъ въ этотъ городъ и тогда пришелъ ко дворцу, по виду похожему на облако и наполненному женщинами-змѣями. Ему поставили великолѣпное сѣдалище, все изъ драгоценныхъ камней, украшенное лotosовыми листьями и съ золотымъ лotosовымъ листомъ наверху. Когда онъ сѣлъ, доблестный Дхумаварна, царь Змѣевъ, сказалъ ему: „Твой отецъ поднялся уже на небо, создавъ

славу своего народа и рабовъ такого сына, какъ ты. Ты долженъ идти по его слѣдамъ. Ты будешь отцомъ Ядавовъ, и отецъ твой навсегда основалъ славу этого поколѣнія, богатаго героями. Ты видишь, царь, моихъ пятерыхъ дочерей; онѣ молоды и непорочны. Женись на нихъ, и я дамъ тебѣ даръ, сообразный съ твоимъ достоинствомъ: твое поколѣние разросется въ семь знаменитыхъ вѣтвей“. И такъ Дхумаварна отдалъ Яду молодыхъ царевенъ, и бракъ сопровождался возлїянїями, предписанными закономъ. Царь Змѣвѣвъ, счастливый этимъ бракомъ, далъ своему зятю обѣщанный даръ. Онъ далъ также великолѣпное приданое каждой дочери своей. А отецъ Ядавовъ, богатый такой будущностью, взялъ съ собой новыхъ женъ и вышелъ изъ воды подобно мѣсяцу, поднимающемуся изъ глубины морей. Онъ снова увидалъ свой гаремъ, а самъ былъ одѣтъ въ брачныя одежды и украшенъ божественными гирляндами. Увидавъ Яду, всѣ его жены почувствовали новую жизнь, точно будто при возвращенїи огня животворящаго. Полный счастья, этотъ царь возвратился въ свою столицу, гдѣ его ожидали еще новыя удовольствїя. (Изъ Сочиненїй В. В. Стасова, т. I. Происхожденїе русскихъ былинъ, стр. 1062—1063).

2. **Разсказъ о богатырѣ-брахманѣ Видушакѣ изъ сборника Сомадевы.** Послѣ одного долгаго странствованїя Видушака пришелъ въ городъ Тамралиптику, лежавшїй недалеко отъ восточнаго моря. Тамъ онъ сошелся съ однимъ купцомъ, по имени Скандалазой, собиравшимся ѣхать на противоположный берегъ морской. Нагрузили корабль многочисленными драгоценностями купца, и тогда Видушака пошелъ съ купцомъ подъ парусами по морю. Но когда они были уже на серединѣ моря, корабль вдругъ сталъ неподвижно на всемъ ходу, какъ будто кто-нибудь его остановилъ и держать. Они принялись было умилостивлять море, бросая туда въ даръ драгоценныя каменья, но корабль все-таки не трогался съ мѣста, и тогда огорченный купецъ сказалъ: „Кто высвободитъ мой ставшїй корабль, тому отдамъ полъ-имѣнья и дочь въ замужество“.

Услыхавъ это, Видушака сказалъ съ рѣшимостью: „Я спущусь въ море, посмотрю, что тамъ такое, и живо высвобожу корабль. Обвяжите меня веревками и спустите меня на нихъ, а когда корабль сойдетъ съ мѣста, то вы меня поднимите на тѣхъ же веревкахъ“. Обрадованный этими словами, купецъ обѣщавшись сдѣлать все, какъ сказано: корабельщики обвертѣли Видушаку вокругъ тѣла веревкой, и, крѣпко такимъ образомъ обвязанный, онъ спустился въ море. Онъ призвалъ мечъ бога Агни, взявъ его въ руку и пошелъ прямо подъ корабль: тамъ онъ увидаль спящаго человѣка-великана и замѣтилъ, что его нога держитъ корабль; онъ тотчасъ же отрубилъ ему ногу, и въ то же мгновеніе корабль, освобожденный отъ помѣхи, снялся и пошелъ. Увидавъ это, негодный купецъ велѣлъ отрубить веревки, на которыхъ держался Видушака, потому что по его жадности ему стало жаль обѣщанной награды, и тогда онъ поѣхалъ на освобожденномъ кораблѣ къ другому берегу. Замѣтивъ предательскій поступокъ купца, Видушака для своего спасенія садится на отрубленную имъ ногу великана и ѣдетъ на ней по морю, какъ на лодкѣ, а самъ гребетъ руками. (Происх. рус. былинь Стасова, стр. 1063—1064). Дальнѣйшаго разсказа о томъ, какъ Видушака послѣ долгихъ странствованій отыскалъ свою возлюбленную, „небесную дѣву Бхадру“, мы не приводимъ, потому что въ немъ окончательно нѣтъ никакого сходства съ былиной о Садкѣ.

3) **Киргизское сказаніе о властителѣ водъ Уббе.** Здѣсь разсказывается, какъ одинъ человѣкъ, по имени Аманъ-Куль, пойдя по просьбѣ жены за водою, вздумалъ нырнуть въ рѣку. Тутъ его схватилъ посоль властителя водъ Уббе и утащилъ на дно. Аманъ-Куль по приказанію Уббе служилъ у него нѣсколько лѣтъ, отличился въ борьбѣ со змѣемъ и сталъ визиремъ. Въ подводномъ царствѣ онъ полюбилъ дочь другого визира и былъ взаимно любимъ ею. Однажды, когда царь водяной, призвавъ къ себѣ Аманъ-Кула, обѣщавъ ему исполнить что бы онъ ни пожелалъ, тотъ отвѣчалъ,

что у него два желанія: одно—возвратиться на землю, другое—взять за себя дочь визиря. Такъ какъ они несовмѣстимы,—Аманъ-Куль выбираетъ послѣднее, женится на своей возлюбленной и еще нѣсколько лѣтъ остается на службѣ у водяного царя... Жена его, съ которой онъ жилъ мирно, не показывала ему ключа отъ одного сундука; однажды, въ ея отсутствіе, Аманъ-Куль досталъ забытый ею ключъ, открылъ сундукъ и нашелъ тамъ одну лишь зеленую палку. Не зная ея свойства, онъ положилъ ее снова въ сундукъ, а ключъ на прежнее мѣсто. Однажды, когда онъ снова раздумался о возвращеніи на родину и легъ спать, вспомнивъ предварительно всемогущаго Бога, ему явился челоуѣкъ чернаго цвѣта съ бѣлой чалмой на головѣ и сказалъ: „Сынъ мой, не печалься! Если ты возьмешь эту зеленую палку изъ сундука и, произнеся *бисмилля*, ударишь ею по землѣ, то благополучно вернешься на родину. Такъ и сдѣлалъ Аманъ-Куль: какъ ударилъ палкой, вышелъ изъ воды въ томъ мѣстѣ, гдѣ опустился; на берегу лежала и одежда, которую онъ скинулъ, и ведро, полное воды. Когда онъ вернулся домой, жена не хотѣла ему вѣрить: такъ мало времени въ дѣйствительности прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ ушелъ. При помощи чудесной палки Аманъ-Куль разбогатѣлъ и сталъ царемъ въ своемъ городѣ“. (Очерки русской народной словесности Вс. Миллера, 301—302).

4. Изъ старо-французскаго романа „*Tristan le Léonois*“ одинъ изъ разсказовъ о Садокѣ. Садокъ, племянникъ Юсифа Аримаѣйскаго, убилъ своего шурина, покушавшагося на честь его жены. Съ нею вмѣстѣ онъ ѣдетъ на кораблѣ. Поднимается буря, грозящая разбить судно. Назавтра старѣйшина корабля объявляетъ мореходцамъ, что буря послана на нихъ Богомъ за грѣхи одного изъ пассажировъ. Матросъ, умѣвшій гадать, узнаетъ по жребію, что виновникъ бури Садокъ. Не желая погибать изъ-за него, матросы требуютъ, чтобъ онъ оставилъ корабль, и Садокъ, поручивъ ихъ попеченію свою жену,

дочь вавилонскаго царя, бросается въ море, а буря утихаетъ. (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1886 г. № 12, стр. 280 — 281).

5. **Разсказъ о чудѣ блаженнаго Исидора Ростовскаго.** Сотворися бо чудо дивно и незабвенія достойно: купцы нѣмцы и по морю съ куплею своею въ кораблѣ плаваніе творяху, и внезапно на нѣкоемъ мѣстѣ корабль ста, и не можаше двинутися отуду, и разбивашеся волнами, вси же въ немъ бывшіи отчаяшася живота своего и ожидаху смерти: таже умыслиша метнути жребія, кого рали корабль ста и волнами разбиваемый есть, и паде жеребій на одинаго отъ нихъ купца изъ града Ростова, идѣже святой Исидоръ жительствоваше. Посадиша убо кушца того на доску, и пустиша въ море, и двинуся скоро корабль отъ онаго мѣста, а чело-вѣкъ той на дсцѣ волнами носимый уже во вратѣхъ смертныхъ бѣ, ни отъ кого же чающе помощи: и се внезапно предста ему угодникъ Божій Исидоръ, по морю яко по суху ходяй и глаголяй къ нему: знаеши ли мя, чело-вѣче? Купецъ же едва проглаголати возмогъ, рече: о, рабе Божій, Исидоре! въ нашемъ градѣ жительствуяй, не остави мя въ морѣ семъ погружаема, но помози мнѣ окаянному и избави мя отъ горькія смерти. Святой же взялъ его за руку и на дскѣ оной посади и бяше му дска, аки ладія, верху воды непо-грязновенно плавающая. Святой же управляю погна скоро вслѣдъ корабля и достигъ до того, всади въ корабль чело-вѣка цѣла, здрава и ничимъ же врежденна. Запрети ему глаголя: никому же повѣдай о мнѣ, но сказуй, яко боже-ственная сила избави тя отъ глубины морскія“. (М. Халанскій. Великорусскія былины кіевскаго цикла, стр. 70—71).

Другихъ параллелей къ былинѣ о Садкѣ мы не приводимъ, потому что и вышеприведенныхъ разсказовъ достато-чно, чтобы увидѣть, что такое такъ называемый „бро-дячій сюжетъ“ и какіе различные узоры выводились на немъ, смотря по условіямъ времени и мѣста.

Чешскій перепѣвъ былины о гибели богатырей.

Былины наши издавна обратили на себя вниманіе Западной Европы и родного намъ славянства. Еще въ 1829 году Челяковскій обнародовалъ свой *Ohlas písní ruských* (Отголосокъ русскихъ пѣсней). Въ наше время онѣ дали одному изъ лучшихъ чешскихъ поэтовъ, Франтишку Квапилю, мысль создать „*Zřevu knížecí—Княжескія пѣсни*“. Премированная въ 1896 г. чешской академіей, книга эта у насъ совершенно неизвѣстна. Между тѣмъ она во многихъ отношеніяхъ очень любопытна. Приводимъ изъ нея пѣсню о гибели богатырей: это близкій, хотя и вполне своеобразный, перепѣвъ нашей былины. Несмотря на талантъ Квапиля, она чрезвычайно ясно отгѣняетъ одно изъ самыхъ важныхъ художественныхъ достоинствъ народной поэзіи — ея несравненную простоту.

Вотъ ключъ къ чтенію чешскаго текста: чешское *č* = русскому *ч*; *ž* = *ж*; *ř* = *рж* (мягкому *р*); *z* = *з*; *c* = *ц*; *l* = мягкому *л*, *h* = *г*; *ch* = *х*; *u* = *у*, *u* = *у*; *ů* = *у*; *ě* = *е*; *é*, *í*, *ý*, *á* обозначаютъ долгія *е*, *і*, *у*, *а*.

Для пониманія стихотворенія нужно еще знать, 1) что 3-ье лицо настоящаго времени утратило по-чешски свое старинное окончаніе *тъ*: *stojí* = стоять, *zří* = зрѣть, *leží* = лежитъ и т. п.; 2) что возвратное мѣстоименіе *se* (русское *ся*) отдѣляется отъ глагола и можетъ стоять передъ нимъ: *se vřasí* = во-

рочается; 3) что прошедшее время состоитъ, какъ и по-русски, изъ отглагольнаго причастія на *l, la, lo*, но сохраняетъ при этомъ утраченный въ русскомъ языкѣ вспомогательный глаголъ *есмь, еси, есть*: *pomyslil jsi*=ты (еси) помыслилъ; *skončili jsme*=мы окончили и т. д. Изъ окончаній существительныхъ замѣтимъ, что русскому родит. падежу множ. числа на *ovъ* соответствуетъ чешское *ů*; русскому род. пад. мн. ч. на *ей* чешское *í*, русскому творит. пад. на *лю*—тоже *í*, на *ою, ои* чешское *ou*, русскому *ами*—чешское *у*.

Этого довольно, чтобы безъ труда расшифровать ниже-слѣдующій чешскій текстъ:

Nade Dněprem sedm mládců ¹⁾ věrnou stráží ²⁾ stojí,
nade Dněprem sedm reků ³⁾ hotovo vždy ⁴⁾ k boji.

V dálku step se tahne ⁵⁾ širá k sinému až moři ⁶⁾,
v dalku s orly letem orlím reků zrak ⁷⁾ se noří ⁸⁾.

At' ⁹⁾ den v zlaté záři ¹⁰⁾ vstává nebo ¹¹⁾ noc ¹²⁾ se sklání ¹³⁾.
Sedm mládců, sedm reků zří ¹⁴⁾ v dál bez přestání ¹⁵⁾.

At' step zvoní písní jara ¹⁶⁾ neb ¹⁷⁾ sním květy ¹⁸⁾ sráží ¹⁹⁾,
jako skály na vzdor vichrům ční ²⁰⁾ vždy bdělou ²¹⁾ stráží.

Ne sto bílých labutí ²²⁾ to z dalky přiletuje—
po Dněpru sto lodí ²³⁾ rychlých ²⁴⁾ ke Kyjevu pluje.

Neroběhlo se to v buřan ²⁵⁾ stádo vlků šedé—²⁶⁾
Tataři sé ženou ²⁷⁾ stepí, Batyj car je vede.

Hoj, ty, care, pomysli jsi na svou bujnou ²⁸⁾ hlavu?
Do krvavé pŭtky ²⁹⁾ jedeš, ne však na zábavu.

Zhoubou ³⁰⁾, nářkem ³¹⁾ zaplavil ³²⁾ jsi Rus jak dravé ³³⁾ moře,
hoj, ty, care, na tvou duši vše ³⁴⁾ to padne hoře!

Pod oblaka nevzletěli sokoli dnes hbiti—³⁵⁾
sedm reků na Tatory v smělý boj se řítí ³⁶⁾.

¹⁾ молодець; ²⁾ стражей; ³⁾ богатырей; ⁴⁾ всегда; ⁵⁾ тянется; ⁶⁾ морю;
⁷⁾ взоръ; ⁸⁾ погружается; ⁹⁾ пусть; ¹⁰⁾ сияніи; ¹¹⁾ или; ¹²⁾ ночь; ¹³⁾ спускается;
¹⁴⁾ смотритъ; ¹⁵⁾ безпрестанно; ¹⁶⁾ весны; ¹⁷⁾ цвѣты; ¹⁸⁾ губить; ¹⁹⁾ стоятъ
они; ²⁰⁾ бдительной; ²¹⁾ лебедей; ²²⁾ лодокъ; ²³⁾ быстрыхъ; ²⁴⁾ бурьянъ;
²⁵⁾ сѣрое; ²⁶⁾ несутся, ²⁷⁾ буйную; ²⁸⁾ битвы; ²⁹⁾ смертью; ³⁰⁾ рыданіе; ³¹⁾ на-
воднилъ; ³²⁾ хищное, быстрое; ³³⁾ все; ³⁴⁾ проворные, быстрые; ³⁵⁾ ринулось.

Jede Aleš na oři ¹⁾ svém jako mračno ²⁾ ztmělé ³⁾—
mávně ⁴⁾ kopím—před ním vrahů leží kupy celé ⁵⁾.

Jede Dobryňa jak víchr, který lesy zvrací ⁶⁾—
vyšle střelu—celá četa do prachu se kácí ⁷⁾.

Jede Ilja roven ⁸⁾ blesku, když ⁹⁾ vzpla ¹⁰⁾ rudou ¹¹⁾ zóri—
mávně mečem—v řadách ¹²⁾ vrahů ulice se tvoří.

Jede mládců, reků sedm jako bouře divá ¹³⁾,
řehcí ¹⁴⁾ oři, duní ¹⁵⁾ štíty, krvi rudne ¹⁶⁾ niva

Tři dni a tři noci zvoni meče, sviští střely,
leč páž ¹⁷⁾ reků nepoklesla ¹⁸⁾, oři neumdleli ¹⁹⁾.

Hoj, ty, care, nepřišel ²⁰⁾ jsi pro kvas ²¹⁾, pro zábavu—
na meč Ilja nabodl ²²⁾ si tvoji bujnou hlavu!

Ne to o žni ²³⁾ poseta je klasy niva zlatá—
paží reků klesla ²⁴⁾ v poli Tatar laje ²⁵⁾ klatá.

Sedm mládců bohatýrů ku Dněpru se vračí,
Ilja děl ²⁶⁾: «Dik ²⁷⁾ Bohu, dobrou skončili jsme práci» ²⁸⁾!

Aleša však ²⁹⁾ vychloubá se ³⁰⁾: «Není ³¹⁾ v světě síla,
kterou mocná ruka naše v zem by nesrazila»!

«Nemoudré jsi řekl slovo», Ilja znova praví ³²⁾,
«před Bohem čím lidská ³³⁾ moc ³⁴⁾ je? V nivě motýl hravý» ³⁵⁾

Ale v tom už jinoši ³⁶⁾ dva stáli před hrdiny ³⁷⁾:
«Zbahělý ³⁸⁾ dav ³⁹⁾ ubit hračkou ⁴⁰⁾! Zveme v boj vás jiný!»

Pobídl ⁴¹⁾ k nim Aleš oře, hanu ⁴²⁾ pomstit žádá ⁴³⁾.
Od hlavy až k pleci rozt'al ⁴⁴⁾ čtyři těla mladá.

Ale jaký div ⁴⁵⁾ to zraku? Ne dva, mladci čtyři ⁴⁶⁾
se země již vzhopili se ⁴⁷⁾, proti rečům míří ⁴⁸⁾

Jako střela přiletěl k nim Dobryňa, meč padá,
od hlavy až k pleci rozt'al čtyři těla mladá.

¹⁾ на конѣ; ²⁾ туча; ³⁾ темная; ⁴⁾ махнетъ; ⁵⁾ цѣлыя; ⁶⁾ выворачиваетъ съ корнемъ; ⁷⁾ валится; ⁸⁾ подобный молніи; ⁹⁾ когда; ¹⁰⁾ вспыхиваетъ; ¹¹⁾ красною; ¹²⁾ рядахъ; ¹³⁾ дикая; ¹⁴⁾ ржутъ; ¹⁵⁾ стучать; ¹⁶⁾ краснѣть отъ крови; ¹⁷⁾ плечо; ¹⁸⁾ не намахались; ¹⁹⁾ не уходились; ²⁰⁾ не приѣхалъ; ²¹⁾ ширъ; ²²⁾ насадиль; ²³⁾ въ жатву; ²⁴⁾ полегла; ²⁵⁾ чернь, погань; ²⁶⁾ сказаль; ²⁷⁾ слова; ²⁸⁾ работу; ²⁹⁾ но; ³⁰⁾ хвастается; ³¹⁾ нѣтъ; ³²⁾ говоритъ; ³³⁾ человѣческая; ³⁴⁾ сила; ³⁵⁾ игривый; ³⁶⁾ юноши; ³⁷⁾ богатырями; ³⁸⁾ трусливый; ³⁹⁾ сбродъ, толпа; ⁴⁰⁾ игрушка; ⁴¹⁾ прищориль; ⁴²⁾ безчестіе; ⁴³⁾ жаждетъ; ⁴⁴⁾ разрубилъ; ⁴⁵⁾ чудо; ⁴⁶⁾ четыре; ⁴⁷⁾ встали; ⁴⁸⁾ идутъ напротивъ.

Ale jaký div to zraku? Se země se zvedá ¹⁾
mládců osm, jejich kopi reků hrud' si hledá.

Na pomoc spěl ²⁾ Ilja druhům, v Boha víru ³⁾ skláda ⁴⁾,
od hlavy až k pleci rozt'al osmi těla mladá.

Ale jaký div to zraku? Junů ⁵⁾ šestnáct vstalo,
Kopi v třimeni ⁶⁾, v ruce meč se proti rekům hnalo.

Se dm reků v boj se vrhá ⁷⁾ s bohatýrským rykem—
ale nepřátel ⁸⁾ dav roste každým okamžikem ⁹⁾.

V nekonečno ¹⁰⁾ dav se množí, v děsnou ¹¹⁾ roste řeků
bujni oři umdleli již ¹²⁾, poklesla páž reků.

Zaleklo se ¹³⁾ v hrudi srdce, meče otupěly—
v divoký ¹⁴⁾ se dali útěk ¹⁵⁾, k modrým ¹⁶⁾ horám spěli ¹⁷⁾.

Tmavých ¹⁸⁾ jeskyň ¹⁹⁾ v úkryt jistý ²⁰⁾ reků sedm pili—²¹⁾
leč ²²⁾ jak v jeskyni rek vstoupil—zkameněl v té chvíli ²³⁾.

Jenom Ilja kráčí ²⁴⁾ dále, líc ²⁵⁾ tak smutná ²⁶⁾, bledá—
na skalný práh ²⁷⁾ usedl si ²⁸⁾, sam jak skála šedá.

Hlavu o klin ²⁹⁾ rukou opřel ³⁰⁾, v divné klesa ³¹⁾ dumy,
nad jeskyně ptáče ³²⁾ píše, v dali Dněpr šumí.

Letí kolem ³³⁾ dni a noci, letí věky šeré ³⁴⁾,
v sluji ³⁵⁾ Ilja sní ³⁶⁾ a dumá, z dum se neprobere ³⁷⁾.

Zarůstá vous ³⁸⁾ do kamení, mech se vzpíná ³⁹⁾ k hrudi,
v sluji Ilja dumá stále ⁴⁰⁾, z dum se neprobudí.

A jen ⁴¹⁾ pověst' lidem bloudí ⁴²⁾, v naděje ⁴³⁾ květ plane ⁴⁴⁾.
«Nejhůře ⁴⁵⁾ kduž bude v Rusi, Ilja k boji vstane!»

1) подымается; 2) поспѣшили; 3) вѣру; 4) полагаетъ; 5) юношей; 6) стремя; 7) бросается; 8) неприятелей; 9) съ минуты на минуту; 10) безъ конца; 11) ужасную; 12) уже; 13) оробѣло; 14) дикое; 15) бѣгство; 16) синимъ; 17) поспѣшили; 18) темныхъ; 19) пещеръ; 20) безопасный; 21) спѣшить; 22) но; 23) въ тотъ же мигъ; 24) ѣдетъ; 25) лицо; 26) печально; 27) утесъ; 28) сѣлъ; 29) лоно; 30) оперся; 31) погрузился; 32) птицы; 33) чередою; 34) сѣдые; 35) пещеръ; 36) спитъ; 37) не выберется, не пробудится; 38) усъ; 39) подбирается; 40) постоянно; 41) только; 42) идетъ; 43) надежды; 44) пламенѣетъ; 45) всего хуже.

VI.

Главнѣйшіе труды по изученію русской
исторической поэзіи.

1. *Аксаковъ, К. С.* Сочиненія, т. I, М. 1861.
2. *Антоновичъ и Драгомановъ.* Историческія пѣсни малорусскаго народа. Кіевъ. 1875 г.
3. *Безсоновъ, П. А.* Примѣчанія къ былинамъ и пѣснямъ, напечатаннымъ въ книгѣ: Кирѣевскій П. Пѣсни. 10 вып. Изд. Общ. Любит. Рос. Слов. М. 1860—1874 г.
4. *Буслаевъ, Ѳ. И.* Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. 2 т. СПБ. 1861.
5. *Вейнбергъ, П. И.* Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Грозномъ. Варшава 1872 г.
6. *Веселовскій, Александръ Н.* Южно-русскія былины, ч. I и II. Сборникъ II-го отдѣленія Имп Академіи Наукъ, т. XXII, 1881 и XXXVI 1884 г.
7. *Веселовскій, Александръ Н.* Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. СПБ. 1883.
8. *Веселовскій, Александръ Н.* Мелкія замѣтки къ былинамъ, Былина о Садкѣ и множество мелкихъ статей въ Журн. М. Н. Пр. и другихъ журналахъ. См. «Указатель» трудовъ А. Н. Веселовскаго, 2-е изд. СПБ. 1896 г.
9. *Владиміровъ, П. В.* Введеніе въ исторію русской словесности. Изъ лекцій и изслѣдованій. Кіевъ 1896 г.
10. *Wollner.* Untersuchungen über die Volksepik der Grossrussen. Leipzig 1879 г.
11. *Галаховъ А. Д.* Исторія русской словесности древней и новой. СПБ. 1880 г.
12. *Дашкевичъ.* Къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ. Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ не осталось на Руси богатырей. Кіевъ 1883.

13. *Драгомановъ, М.* Розвідки про українську народну словесність і письменство Львів, 1899, 1900 и 1906 г.
14. *Ждановъ, И. Н.* Собрание сочинений. Изд. С.-Петербургской Академии Наукъ. 1904 г.
15. *Ждановъ, И. Н.* Русскій былевой эпосъ. Исследования и материалы. СПб. 1895 г.
16. *Житецкій.* Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ.
17. *Квашининъ-Самаринъ, Н.* Русскія былины въ историко-географическомъ отношеніи. Бесѣда 1871, № 4—5.
18. *Квашининъ-Самаринъ, Н.* Новые источники для изученія эпоса. Р. Вѣст. 1874 г. № 9—10.
19. *Костомаровъ, Н. И.* Историческое значеніе южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества. (Собрание сочинений, кн. 8-я). СПб. 1906.
20. *Костомаровъ, Н. И.* Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчевого уклада. (Собр. сочинений, кн. 3).
21. *Костомаровъ, Н. И.* Преданія первоначальной русской лѣтописи въ соображеніи съ русскими народными преданіями въ пѣсняхъ, сказкахъ и обычаяхъ (С. сочинений, кн. 5-я) СПб. 1905.
22. *Котляревскій.* Основной элементъ русской богатырской былины. 1864 г.
23. *Ловода, А. М.* Русскій богатырскій эпосъ. Опытъ критико-библиографическаго обзора трудовъ по русскому богатырскому эпосу. Кіевъ 1896 г.
24. *Майковъ, Л. Н.* О былинахъ Владимірова цикла СПб. 1863 г.
25. *Máchal Haniš.* O slovanském bohaterském epose. Praha.
26. *Миллеръ, Всев. Ѳ.* Эскурсы въ область русскаго народнаго эпоса. I—VIII. М. 1892 г.
27. *Миллеръ, Всев. Ѳ.* Очерки русской народной словесности. Былины I—XVI. М. 1897 г.
28. *Миллеръ, Ор. Ѳ.* Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности. СПб. 1865 г.
29. *Миллеръ, Ор. Ѳ.* Илья Муромецъ и богатырство кіевское. СПб. 1869 г.
30. *Порфирьевъ.* Исторія русской словесности. Казань 1886 г.
31. *Потанинъ, Г. Н.* Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ. М. 1899.
32. *Пыпинъ, А. Н.* Исторія русской литературы. СПб. 1902.
33. *Rambaud, A.* La Russie épique. Paris. 1876.
34. *Спасовъ, В. В.* Происхожденіе русскихъ былинъ. Собр. сочин., т. 3. СПб. 1894 г.
35. *Халанскій, М. Г.* Великорусскія былины Кіевскаго цикла. Варшава. 1885 г.
36. *Халанскій, М. Г.* Южно-славянскія сказанія о Кралевицѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса. Варшава 1893—1895.
37. *Халанскій, М. Г.* Къ исторіи поэтическихъ сказаній объ Олегѣ Вѣщемъ. Ж. М. Н. Пр. 1902 г.
38. *Шамбинлю, С. К.* Старинныя о Святогорѣ и поэма о Калеви-поэгѣ. Ж. М. Н. Пр. 1902 г. № 1.

39. *Шевыревъ, С. П.* Исторія русской словесности преимущественно древней М. 1858—1860.

40. *Яичъ, Ватрославъ.* Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volksepik. Arch. für Slav. Philologie. I, 1875.

41. *Яичъ, Ватрославъ.* Gradja za historiju slovanske narodne poezije. Rad jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti, t. XXXVII. Zagreb, 1876.

Божѣ подробныя указанія можно найти въ вышеупомянутой книгѣ Лободы, у Пыпина и въ работѣ А. В. Мезіера: Русская словесность съ XI по XIX столѣтія включительно. СПб. 1899 г.

Изъ сочиненій, которыми мы пользовались для третьей части нашей работы, кромѣ указанныхъ въ текстѣ, слѣдуетъ упомянуть еще нижеслѣдующія:

Веселовскій, А. Н. Изъ введенія въ историческую поэтику. Ж. М. Н. П. Пр. 1894 г. № 5.

Веселовскій, А. Н. Изъ исторіи эпитета. Ж. М. Н. П. 1895 г. № 11.

Веселовскій, А. Н. Эпическія повторенія, какъ хронологическій моментъ. Ж. М. Н. П. Пр. 1897 г. № 4.

Веселовскій, А. Н. Психологическій параллелизмъ и его формы въ отраженіяхъ поэтическаго стиля. Ж. М. Н. П. 1897, № 4.

Веселовскій, А. Н. Три главы изъ исторической поэтики. СПб. 1899.

Зелинскій. Исторія развитія заговора и главныя его формальныя черты. Харьковъ 1897 г.

Karłowicz Jan. O człowieku pierwotnym. Siedm odczytów. Lwów 1903.

Крушевскій, Н. Заговоры, какъ видъ русской народной поэзіи. Варшава. 1876 г.

Máchal, Hanuš. Nákras slovanského bájeslovi Praha. 1891.

Потебня, А. А. Изъ записокъ по теоріи словесности. Харьковъ 1905 г. и др. работы.

Świętochowski, Aleksander. Poeta, jako człowiek pierwotny. Warszawa.

Соловьевъ, Вл. С. Сочиненія. СПб.

Сумцовъ, Н. «Заговоры» и др. работы. Сборникъ Харьковского Ист.-филол. общества т. III, IV, V, IX.

VII.

Указатель личныхъ именъ.

Августъ II король польскій—184.	Аракчеевъ—197, 198.
Аг-ай—29.	Арей—63.
Агамемнонь—235, 236.	Аріосто—239.
Азвикъ Тавруловичъ—165, 166.	Ахто—155.
Аксаковъ, К. С.—26, 79, 143.	Аванасьевъ—24, 27.
Аксаковъ, И. С.—251.	
Александръ I—194, 195, 197.	Бальмонтъ—127.
Александръ II—195, 218—220.	Баратынскій—258.
Александръ III—232.	Барсовъ, Е. В.—24, 67, 156.
Александръ Македонскій—63, 68.	Баторій Елизавета—127.
Александръ Невскій—174.	Батыга Батыговичъ—113.
Александръ Поповичъ—73, 158.	Батый—110, 163.
Александръ, кн. Тверской—164.	Безсоновъ, П. А.—24, 26, 64, 113, 174.
Алексій св.—176.	Безуховъ—167.
Алексій Михайловичъ—18, 19, 20, 188,
214.	Бенедиктовъ—23.
Алексій Петровичъ—190.	Бенфей—28.
Алеша Поповичъ—49, 73, 76, 104, 105,
157, 158, 202, 284, 286, 294, 296,
297.	Бестужевъ-Рюминъ, К. Н.—134.
Алкивиадъ—143.	Биронъ—194.
Альцина—239.	Боденштедтъ—8.
Аника-воинъ—54, 55.	Болеславъ, польскій—118.
Анна Иоанновна, имп.—193.	Борисъ Годуновъ—103, 184.
Антей—108.	Борисъ, кн. Ростовскій—134.
Антоній, препод.—122, 233.	Брикнеръ—134.
Антоновичъ—24, 209.	Будый—118.
Аполлонъ—28.	Бурундай—174.
Апраксія—73, 114.	Буслаевъ, Ѳ. И.—9, 26, 27, 28, 65, 67,
101, 104.
	Буслай—134.
	Бутурлакъ—209.

- Бутурлинъ—214.
 Бѣлинскій—223.
 Бѣльскій—203, 206.
- Вазовъ, Иванъ—95.**
 Варѳоломей—233.
 Василий, Буславъ—30, 49, 73, 134—144, 149, 150, 155—159, 251, 259, 264, 287.
 Васька Долгополый—104.
 Велесъ—67.
 Верецагинъ—249—250.
 Веселовскій, Александръ Н.—30, 31, 56, 63, 106, 116, 147, 154, 159, 252, 253.
 Вестфаль—24.
 Видушака—29.
 Вишневецкій, кн. Дм.—205.
 Владимиръ, Красное Солнышко—12, 23, 25, 27, 32, 40, 66, 73, 74, 85, 87, 92, 96—97, 99, 103, 112, 113, 117, 118, 123, 126, 128, 131, 155, 242, 253, 278, 287.
 Владимиръ Мономахъ—99.
 Владиславъ IV—212.
 Войццкій—22, 212.
 Воловичъ—75.
 Волхъ Всеславъевичъ—61, 65, 70, 264, 290. См. также Вольга.
 Вольга Святославъевичъ—49, 61—72, 154, 159, 178, 238, 277, 278, 279, 280, 290.
 Вольтеръ—262.
 Вукашинъ—88.
 Вяемскій, кн. П. А.—7.
- Галль—80.**
 Ганжа, Андыберъ—215.
 Геба—235.
 Гедиминовичи—203.
 Гедиминъ—172.
 Гедонъ—29.
 Генрихъ VIII—180.
 Георгій Храбрый—121.
 Гера—235.
 Геракль—108, 238.
- Герберштейнъ—204.
 Гердеръ—21.
 Гете—258, 282.
 Гея—108.
 Гильфердингъ—23, 24, 42, 43.
 Глѣбъ, кн. Муромскій—147.
 Гоголь—196, 227, 230, 263, 286.
 Годуновъ, Борисъ—181, 276.
 Годунова, Ксенія—182, 276.
 Гойко—88.
 Гомеръ—74, 234—236, 240.
 Гораций—146.
 Гордіасъ, царь фригійскій—63.
 Григоровичъ—199.
 Гриммъ, братья—22, 25, 26.
 Гришка, боярскій сынъ—104.
 Громовъ—24.
 Гугонъ, имп. Византійскій—30, 64.
 Гуня—212.
 Гусъ, Янъ—86.
- Дажь-богъ—27, 161, 294.
 Даль—24.
 Дальбергъ—184.
 Данила, кор. Галицкій—174, 201.
 Дашкевичъ—158.
 Дельфисъ—270, 271, 273.
 Демидовъ—22.
 Деруледъ, Поль—130.
 Джемсъ, Ричардъ—37, 38, 276.
 Дигенисъ Акритъ—54, 55.
 Дмитрій, царевичъ—182, 183.
 Добрыня Никитичъ—28, 29, 49, 73, 104, 105, 113, 116, 117, 128, 155, 157, 158, 238, 284, 286, 291, 296, 297.
- Достоевскій, Ѳ. М.—129, 249.
 Драгомановъ, М. П.—24, 209.
 Дунай Ивановичъ—73.
 Дюдко—164.
 Дюкъ Степановичъ—49, 74.
- Екатерина I—191.**
 Екатерина II—127, 217.
 Елена—239, 240, 241.
 Елисавета Петровна—248.

- Емельянъ, казакъ—197.
 Ермакъ Тимофеевичъ—33, 178.
 Ерусланъ Лазаревичъ—29.
- Ж**дановъ, И. Н.—30, 35, 36, 55, 56,
 134, 138, 140, 143.
 Жегота Паули—22.
 Желѣзнякъ—217.
 Жидовинъ—104—112, 113, 116, 286.
 Журило—202.
- З**алѣскій, Вацлавъ—22.
 Зелинскій Ѡ.—7.
 Змѣй Горынчище—28, 113, 116, 117.
- И**ванъ Гоудиновичъ—73, 287.
 Иванъ Грозный—33, 107, 140, 169,
 170, 176—181, 183, 189, 191, 199.
 Иванъ Даниловичъ, Калита—164, 170,
 174, 176.
 Иванъ Тимофеевичъ—83, 85, 86, 88,
 89, 90, 102, 125, 140, 206.
 Игорь, кн. Кіевскій—66.
 Игорь, кн. Новгородъ-Сѣверскій—32.
 Идолице—113, 114—118, 264, 278.
 Изяславъ Владимировичъ—32.
 Ilias Jarl af Gresa—30.
 Ilias von Riuzen—30.
 Илларионъ, митр.—106.
 Илья Муромецъ—28, 29, 30, 31, 35,
 49, 72—131, 133, 143, 156—159,
 163, 206, 216, 236, 264, 265, 274,
 276, 277, 280, 284, 287, 293, 296,
 297.
 Илья, пророкъ—74, 124.
 Илюшины—74.
 Иринъ, Сайнъ—35.
 Исидоръ, еп. ростовскій—154.
 Искандеръ—63.
- И**оаннъ, пресвитеръ—30.
 Иоаннъ, еп. новгородскій—155.
 Иоасафъ, царевичъ—233.
 Иона—176.
 Евросима—88, 90.
- К**алайдовичъ—23.
 Калеви-поэгъ—57.
 Калининъ, царь—163, 253, 277.
 Караджичъ Вукъ—22, 241.
 Каренинъ—167.
 Карлъ Великій—30, 63, 69.
 Карлъ IX—180.
 Качичъ-Миошичъ, Андрей—22.
 Квашининъ-Самаринъ—27.
 Квинтилянъ—275.
 Кейкаусъ—29.
 Кеплеръ—232.
 Кириллъ св.—106.
 Киркоусъ—29.
 Кирша Даниловъ—22, 38, 277.
 Кирѣевскій, П. В.—23, 24, 110, 177.
 Колларъ, Янъ—21, 90.
 Кольбергъ—22.
 Кольцовъ, А. В. 15, 67, 200.
 Колыванъ—55, 57.
 Comparetti Domenico—57.
 Кончакъ ханъ—32.
 Коршъ, Ѡ. Е.—288.
 Костомаровъ, Н. И.—52, 134, 136, 139,
 140, 150, 164.
 Костя Новоторженинъ—135, 136, 264.
 Кошка, Самуилъ—209.
 Красинскій, гр. Сигизмундъ.
 Кришна—9.
 Кулинъ, П. А.—202.
- Л**ассота, Эрихъ—35, 75.
 Леонтій, митроп.—155.
 Лермонтовъ—230.
 Лессингъ—228—240, 262.
 Лжедимитрій—182—183, 285.
 Ломоносовъ—15, 111, 192, 194, 200.
 Луисъ де Кастильо—75.
 Лытогорка—28.
 Лянцкоронскій—205.
- М**азепа—217.
 Майковъ, Ап. Н.—239, 240.
 Майковъ, Л. Н.—24, 27.
 Максимовичъ—35.
 Максимовъ—13.

- Макъ-Гаханъ—95.
 Малюта—178, 232.
 Мамай—170.
 Мамелфа Тимофеевна—135, 137, 139, 140.
 Марина Мнишекъ—34, 182.
 Марковъ—24.
 Марко Королевичъ—12, 74, 78, 79, 88—90, 241, 253.
 Матѳей, еванг.—84.
 Медичисы—180.
 Мережковский, Д. С.—249.
 Миклошичъ—34.
 Микула Селяниновичъ—28, 30, 49, 54, 56, 59, 61—72, 76, 154, 159, 238, 278, 279, 280.
 Миладиновъ, Дм.—22, 24.
 Миладиновъ, К.—22, 24.
 Миллеръ, Вс. О.—31, 32, 42, 63, 64, 68, 155.
 Миллеръ, Орестъ О.—27, 35, 123.
 Мининъ, Кузьма—107, 183.
 Михаилъ Даниловичъ—202.
 Михаилъ митрополитъ—155, 176.
 Михаилъ Феодоровичъ—38, 184.
 Михайликъ—202.
 Мицкевичъ, А.—8, 25, 82.
 Мнишекъ, Юрій—182.
 Мольеръ—285, 286.
 Морской царь—147, 156.
 Мстиславъ Тьмутараканскій—118.
 Мукаръ—52.
 Муромлянъ—55.
 Наливайко—212.
 Наполеонъ—193, 196.
 Настасья Королевична—190.
 Некрасовъ—111, 199.
 Нестеровъ—233.
 Несторъ—106.
 Низами—63.
 Нивитинъ—200.
 Николай, Можайскій—121, 147, 153, 154, 156.
 Николай I—197.
 Новиковъ—24.
 Новоскольцевъ—232.
 Нума Помпиль—152, 274, 275.
 Нѳмцевичъ, Юлианъ—80.
 Нѳмцева, Божена—22.
 Обломовъ—167.
 Овидій—152.
 Олегъ Вѳцій—31, 43, 66.
 Олегъ Гориславичъ—161.
 Ончуковъ—24.
 Острица—212.
 Островскій—181.
 Павлюкъ—212.
 Палѳий—217.
 Пандаръ—235.
 Перунъ—28, 65, 74, 112.
 Петръ Великій—18, 26, 184—192, 193, 194.
 Петръ, митрополитъ—174, 176.
 Пилигримиде—138.
 Пименовъ—237.
 Пиеонъ—28.
 Плавтъ—185.
 Платонъ—111.
 Плюшкинъ—286.
 Пожарскій, кн.—107, 183.
 Полоцкій, Симеонъ—201.
 Попель—80.
 Посейдонъ—108.
 Посошговъ—192.
 Потанинъ—35.
 Потаня Хроменькій—136.
 Потобня, А. А.—271, 280.
 Потемкинъ, кн.—197.
 Потогъ богатырь—236.
 Потоцкій, Николай—213.
 Потоцкій, Феликсъ—216.
 Пукиревъ—244.
 Путята—155.
 Пушкинъ, А. С.—129, 192, 197, 223, 230, 237, 263.
 Пясть—80, 81, 82.
 Разинъ, Степанъ—197.
 Редея, кн. козожскій—118.

- Ржепиха—80.
 Робертъ, Дьяволъ—30, 134, 138.
 Рожинскій, кн. Богданъ—205, 206.
 Роксанда—241.
 Романъ, кн.—34.
 Романовъ, Иванъ Никит.—38.
 Романовъ, Никита—178, 183, 184.
 Романовы—33, 183.
 Ростопчинъ, гр.—249—250.
 Рудинъ—167.
 Румянцевъ—197.
 Рустемъ—35, 74.
 Рыбниковъ—23.
 Рыльевъ, К. О.—195.
 Рѣпинъ—225.
 Рюрикъ—43, 69.

 Савонарола—18.
 Садко—29, 49, 73, 134, 146—156, 260, 274.
 Садовниковъ—24.
 Садокъ—30, 154.
 Самсонъ—55, 56.
 Святогоръ—49, 50, 51, 52, 53, 54—64, 70, 72, 159, 231, 279, 280.
 Святополкъ, Окаянный—118.
 Святополкъ, кн.—131.
 Святославъ—66.
 Сергій Радонежскій—175, 176, 234.
 Сигизмундъ III—212.
 Сильвестръ пр.—19.
 Симеонъ, казанскій царь—176.
 Симета—270, 271, 272, 273.
 Синеусъ—69.
 Скопинъ-Шуйскій, кн. М. В.—37, 38, 193.
 Славинецкій, Епифаній—201.
 Словенъ—65.
 Смотрицкій—201.
 Соболевскій, акад.—24.
 Соловей Будиміровичъ—49, 74.
 Соловей разбойникъ—72, 96—100, 113, 238, 276, 287.
 Соловьевъ, Вл. С.—61, 111.
 Соловьевъ, С. М.—134.
 Сотко Богатый—147.

 Срезневскій—138.
 Ставръ Гоудиновичъ—33, 73.
 Стасовъ, В. В.—28, 29, 30, 31, 35, 127.
 Стрибогъ—260.
 Строгановы—178.
 Стрыйковскій—203.
 Сулейманъ паша—95.
 Сумароковъ—199, 285.
 Сусанинъ—107,
 Съдко, Сыгиничъ—147.

 Тараканова, кн.—245.
 Текели—217.
 Теренцій—285.
 Тиртей—227.
 Толстой, гр. А. К.—169.
 Толстой, гр. Л. Н.—129, 130, 223, 249.
 Торопъ—158.
 Торъ—28.
 Тредьяковскій—193.
 Tristan le Léonois—30, 154.
 Труворъ—69.
 Тугаринъ Змѣвичъ—116.
 Тургеневъ—175, 199, 223.
 Тѣнь, Ип.—168.
 Тютчевъ, О. И.—193, 250, 251, 262.

 Углеша—88.
 Узбекъ—166.
 Урошъ—88.
 Успенскій, Глѣбъ—57—60.

Фалать—246.
 Феть,—243, 263, 266.
 Филаретъ, патр.—38, 183.
 Филиппъ II—180.
 Филиппъ, митр.—176, 232, 233.
 Филонъ Кмита, Чернобыльскій—75.
 Фирдоуси—29.
 Флавицкій—245.
 Форстеръ—196.
 Фридрихъ I—30.

 Халанскій—30, 66, 79, 106.
 Хмельницкій—212—214.
 Хомяковъ, А. С.—82, 99, 104, 106, 111, 112, 173.

Цезарь—102.
Церера—70.
Цыгановъ—15

Челяковский—22.
Черनावушка—153, 155, 260.
Чеховъ—254
Чолканъ—164, 166.
Чудиновъ—304.
Чулковъ—24.
Чурило Пленковичъ 49, 74, 101, 102,
202, 242, 252, 287.

Шамбинаго, С. К.—57.
Шевыревъ, С. П.—159, 160, 162,
Шейнъ, кн.—38.
Шейнъ, П. И.—24, 194
Шереметевъ, Борисъ—189, 217.
Шиллеръ—70.
Шишкинъ—246.
Штроссмайеръ 22.

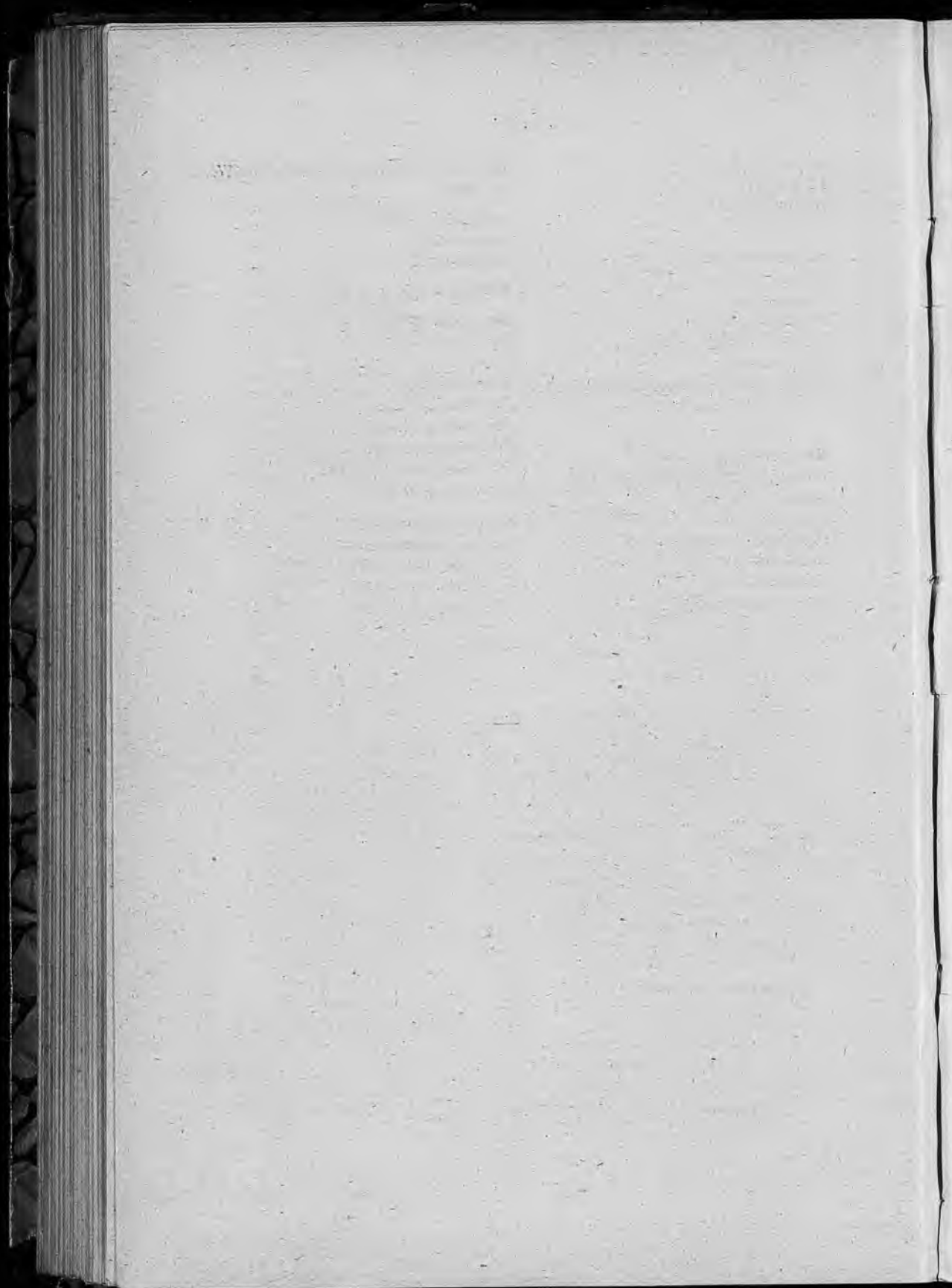
Щелканъ Дудентьевичъ—164, 170, 174,
226.

Эрихъ XIV—180.
Эротъ—271.
Эрбенъ—22.

Юпитеръ—152, 274, 275,

Ягеллоны—203.
Ягичъ, В.—30.
Яду 24.
Языковъ—225.
Якубовичъ—22.
Якушкинъ, П.—23.
Янъ-Казимиръ—212.
Ярославъ, кн.—118, 132.
Ярославна—32.

Федоровъ, Иванъ—201.
Федоръ Иоанновичъ—177.
Феодосій, Печерскій—18, 233.
Феокритъ—270, 271.
Фестилида—270—273.

Оглавление.

Предисловіе.	СТРАН. VII—XI
----------------------	------------------

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Предварительныя замѣчанія.

I. Происхожденіе слова «словесность». Что такое слово? Два главныхъ рода знаковъ, употребляемыхъ человѣкомъ для обозначенія понятій. Особенности значка звукового. Двѣ стороны въ словѣ. Что такое словесность и изученіе ея исторіи. Словесность и литература. Словесность, какъ часть науки объ языкѣ. Что такое языкъ? Значеніе словесности. Слова Боденштедта и Мицкевича. Связь между словомъ и дѣломъ, между словесностью и жизнью.	3
II. Начало и происхожденіе словесности. Словесности столько же лѣтъ, сколько и человѣчеству. Измѣненія въ формѣ и характерѣ народнаго творчества въ зависимости отъ измѣненій въ жизни. Три періода въ развитіи словесности. Періодъ безыменнаго творчества и преимущественнаго господства устной словесности, соотвѣтствующій родовому быту. Словесность настоящаго: періодъ развитія личнаго творчества. Словесность будущаго. Конечная цѣль, къ которой стремится словесность.	8
III. Враждебное отношеніе образованныхъ классовъ общества къ устной народной словесности. Проповѣди духовенства. Мѣры правительства. Указы царя Алексѣя Михайловича и ихъ результатъ. Народная поэзія и рационализмъ. Живучесть пѣсеннаго творчества. Скоморохи, какъ хранители народной исторической пѣсни. Поворотъ въ отношеніи общества къ пѣснѣ, совершившійся въ концѣ XVIII вѣка. Первые собиратели пѣсенъ у славянъ. Русскіе собиратели. Богатство славянской и русской народной поэзіи.	17

- IV. Начало изученій народной словесности вообще и былинъ въ частности. Мѣстныя и временныя влiянiя. Теорiя Гримма. Борьба славянофиловъ съ западниками. Славянофильская школа. Школа историческая. Ученые-мифологи. Теорiя заимствованiя. Восточная гипотеза Стасова. Западныя параллели Веселовскаго. Работы Вс. О. Миллера. Выводы. Народная поэзiя каждого историческаго народа по необходимости международная. Своеобразный складъ и самостоятельность русской народной поэзiи. 25
- V. Былина и ихъ форма. Три перiода въ развитiи былины. Былина въ минуту ея зарожденiя: записи Ричарда Джемса. Былина въ скоморошьей обдѣлкѣ. Составныя части былины. Типическiя мѣста. Зачинъ и его виды. Прибаутка. Исходъ былины. Перiодъ распада былинной поэзiи. Олонецкiе сказители. Причины, по которымъ сохранилась народная историческая поэзiя на сѣверѣ Россiи. Цѣль и задачи настоящаго труда. . . . 37

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О чемъ говорятъ былины?

- I. Что такое богатырь? Необоснованность дѣленiя богатырей на старшихъ и младшихъ. Былины, какъ цѣльная картина русской старины. Былина о Святогорѣ. Первоначальное объясненiе былины. Новый свѣтъ, брошенный на нее теорiей заимствованiя. Сличенiя Святогора съ Аникой воиномъ, Дигенисомъ Акритомъ, Самсономъ. Слабыя стороны новаго объясненiя. Исслѣдованiя Шамбинаго. Толкованiе былины Глѣбомъ Успенскимъ. Почва, на которой можно найти примиренiе всѣмъ толкованiямъ. Смыслъ былины. 49
- II. Былины о Вольгѣ Святославовичѣ и Микулѣ Селяиновичѣ. Западно-европейскiя параллели. Ихъ натянутасть и шаткость. Анализъ былины о Вольгѣ и Микулѣ. Встрѣча земскаго начала съ государственнымъ, какъ основной фактъ былины. Сопоставленiе былины съ лѣтописнымъ разсказомъ объ основанiи русскаго государства. Мысль былины. Чувство, лежащее въ ея основѣ 61
- III. Два цикла былинъ: кiевскiй и новгородскiй. Владимиръ Красное Солнышко и его богатыри. Илья Муромецъ, какъ богатырь всея Руси. Происхожденiе Ильи. Его родина. Былина о дарованiи ему силы. Ея сопоставленiе съ сербскими пѣснями о Маркѣ Королевичѣ. Ея смыслъ. Пѣсня объ Ильѣ и польское преданiе о Пястѣ. Общность идеаловъ русскаго и польскаго народовъ. Мицкевичъ и Хомяковъ. 72

- IV. Илья просить у отца благословения на подвиги. Его стремления. Служение Богу и родинѣ, какъ завѣтъ Божій. Возможность на этомъ пути «худыхъ дѣлъ». Наставления Ивана Тимофеевича. Поставленные имъ границы добра и зла въ служении Богу и родинѣ. Созвучный аккордъ въ сербской народной поэзи: Урошь и Мрлячевичи. 83
- V. Подвиги Ильи Двѣ темныхъ силы, тяготѣвшихъ надъ Киевской Русью: внутренняя неурядица и набѣги степныхъ народовъ. Илья освобождаетъ Черниговъ отъ татаръ. Черниговцы и болгары въ 1877 году. Илья и Соловей разбойникъ. Разночтения этой былины и ихъ значеніе. Стихи Хомякова Слова Владимира Мономаха. Илья и станишники. Цезарь при Укселлудунѣ и освобожденіе Ильею татарскихъ царевичей отъ плѣна. 91
- VI. Былина о заставѣ богатырской. Ея историческій фонъ. Лѣтописныя свидѣтельства о мѣрахъ защиты противъ кочевниковъ. Кто такое Жидовинъ? Сословная окраска богатырей и ея значеніе. Двѣ силы, при помощи которыхъ побѣдилъ Илья Жидовина. Объясненіе былины А. С. Хомяковымъ. 103
- VII. Илья Муромецъ и Идолице поганое, какъ отраженіе борьбы христіанства съ язычествомъ въ народной пѣснѣ. Особенности въ изображеніи Идолица. Какъ могъ создаться образъ Идолица? О символизмѣ въ народной поэзи. Идолице и Змѣй Горынище. Своеобразный способъ борьбы Ильи съ Идолицемъ. Сравненіе былины объ Идолицѣ съ лѣтописнымъ рассказомъ о нападеніи печенѣговъ. Лѣтопись и былины, какъ единое, органически цѣлостное созданіе русскаго народа. 112
- VIII. Смерть Ильи Муромца. Былина о трехъ поѣздочкахъ. Общій взглядъ на жизненный подвигъ Ильи въ его цѣломъ. Ступени, по которымъ восходитъ человѣкъ къ совершенству. Илья, какъ образъ красоты русскаго и всечеловѣческой. Важность и значеніе былины объ Ильѣ для русскаго народа. 119
- IX. Илья, какъ одинъ изъ героевъ европейскаго средневѣковья. Илья и западноевропейскіе рыцари. Отсутствие у Ильи понятій о рыцарской чести, личной и сословной. Благородство, какъ нравственная привилегія рыцарства. Крестьянство Ильи. Его демократизмъ. Пренебреженіе къ внѣшности. Широка сочувствій. Свобода ума и поступковъ. Былина о голи кабацкой. Сознаніе долга, какъ нравственная сдержка и руководящее начало въ жизни Ильи. Польскій ученый о русскомъ богатырѣ. 125
- X. Былины новгородскаго цикла. Особенности черты новгородской жизни и ихъ отраженіе въ былинахъ. Былины о Василии Буславѣ. Буйство и удалъ новгородская. Дружина богатырская. Драка съ Новгородомъ. Пилигримище, какъ примирительная сила духовнаго посредничества. Поѣздка Василія въ Иерусалимъ

- и его смерть. Василий Буслаевъ и Илья Муромецъ. Отношеніе народа къ Василию 131
- XI. Былины о Садкѣ богатомъ гостѣ. Торговое значеніе Новгорода. Купецъ, какъ богатырь. Лѣтописныя свидѣтельства о Садкѣ. Какъ получилъ онъ свое богатство? Его споръ съ Новгородомъ. Различный исходъ спора въ разныхъ вариантахъ и смыслъ этихъ разночтеній. Садко и морской царь. Разсказъ Овидія о спорѣ Нумы Помпилія съ Юпитеромъ. Западноевропейскія параллели былины. Ея языческая окраска. Недостаточность мифологическаго объясненія. Историческая точка зрѣнія . . . 144
- XII. Былина о гибели богатырей. Ея историческая подкладка. Толкованіе Шевырева. Его недостаточность. Смыслъ былины. Народъ русскій живъ, потому что погубилъ своихъ богатырей. 156
- XIII. Историческія пѣсни, какъ второй томъ народной исторіи. Ихъ отличія отъ былинъ. Пѣсни о татарскомъ игѣ. Пѣсня о Щелканѣ Дудентьевичѣ. Близость пѣсеннаго пересказа къ исторической дѣйствительности. Чѣмъ объясняются отступленія отъ исторіи? Вымыселъ и его права въ искусствѣ. Художникъ, какъ творецъ. Слова Ип. Тэва. Послѣдній стихъ пѣсни и его объясненіе. Правда фотографическая, художественная и нравственная. Пѣсня о Щелканѣ, какъ образецъ исторической пѣсни. 162
- XIV. Обзоръ позднѣйшихъ историческихъ пѣсенъ. Чуткость народа къ историческимъ событіямъ. Собираніе Руси. Два его центра. Пѣсни объ Иванѣ Грозномъ, какъ пѣсни о созданіи русской государственной мощи. Почему прикрѣпились онѣ къ имени Ивана? Объясненіе съ точки зрѣнія психологіи народнаго творчества и исторіи. Отрицательное отношеніе народа къ Годунову и Самозванцу. Пѣсни о Скопинѣ-Шуйскомъ и Романовыхъ.
- Новый періодъ въ жизни русскаго народа. Петръ и его дѣло. Народная поэзія о Петрѣ. Жалобы народа. Пѣсни о петровскихъ побѣдахъ. Былина о семейной жизни Петра, какъ свидѣтельство отношенія народа къ петровскимъ преобразованіямъ. Плачъ народа о Петрѣ. Результаты его дѣла.
- Ростъ общественно-національнаго сознанія. Идея отечества. Война 1812 г. и вызванныя ею общественныя теченія. Отношеніе къ этимъ событіямъ народа. Пѣсни о Наполеонѣ и отечественной войнѣ. Стоянь народнаго горя въ русской пѣснѣ. Пѣсни разбойничьи. Пѣсни объ екатерининскихъ генералахъ и Аракчеевѣ. Крѣпостное право въ народной пѣснѣ. Почему нѣтъ великорусскихъ пѣсенъ объ освобожденіи крестьянъ? . . . 171
- XV. Малорусская историческая поэзія. Особенныя судьбы малорусскаго народа. Ихъ отзвукъ въ народныхъ думахъ. Точки соприкосновенія малорусской поэзіи съ великорусской. Содержа-

ніе малорусской поэзіи. Борьба казачества за вѣру христіанскую. Татарскія разоренія. Казацкіе набѣги. Пѣсни о неволѣ турецкой. Русь и Польша. Пѣсни о гнетѣ экономическомъ, сословномъ, религіозномъ и народно-политическомъ. Казацкія возстанія. Хмельницкій. Пѣсни о соединеніи съ Москвою. Дума о Ганжѣ Андыберѣ. Пѣсни о Палѣѣ, о Потоцкомъ, объ уничтоженіи Сѣчи Запорожской, объ учрежденіи черноморскаго войска. Особенности малорусской поэзіи. Малорусскія пѣсни о «волѣ». Будущее русской пѣсни. 200

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Красота въ былинахъ.

- I. Необходимость сузить сдѣланное въ первой части опредѣленіе словесности. Словесность, какъ искусство. Красота, какъ ея главный признакъ. Почему наука о красотѣ называется эстетикой? Особенности художественнаго мышленія. Образность мышленія. Ученый и поэтъ. Сила творческой фантазіи. Картина Рѣпина: «Какой просторъ!» Что такое поэтъ? Чувство, какъ отличительный признакъ поэзіи. Разница между поэзіей и прозой. Поэзія въ ряду другихъ искусствъ. Основные законы поэзіи вытекаютъ изъ самой природы слова, какъ звукового значка 223
- II. Лессингъ и его книга о Лаокоонѣ. Живопись и поэзія. Основной художественный законъ: живопись изображаетъ тѣла, поэзія — дѣйствія. Примѣры. Былины съ вышеуказанной точки зрѣнія 228
- III. Необходимость ограниченій въ законѣ, обнаруженномъ Лессингомъ. Картины Новоскольцева и Нестерова. Два художественныхъ приема для изображенія тѣлъ при помощи дѣйствій. Замѣна описанія повѣствованіемъ. Примѣры изъ Гомера. Художественность былинныхъ описаній. Лукъ Потока. Вооруженіе Ильи. Замѣна описанія предмета разсказомъ о впечатлѣніи, имъ произведенномъ. Описаніе тѣлесной красоты у Аріосто, у Майкова, у Гомера, въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ. Изображеніе Чурилиной красоты и одежды въ былинахъ. Примѣненіе обоихъ художественныхъ приемовъ при описаніи весенняго утра въ стихотвореніи Фета. Изображеніе змѣи въ русской народной пѣснѣ. 232
- IV. Новыя указанія, вытекающія изъ обнаруженныхъ Лессингомъ законовъ живописи и поэзіи. Что значить для живописца искусно выбранный моментъ дѣйствія? Картины Пукирева и

- Флавицкаго. Пейзажи Шишкина и Фалата. Живописи заговорить легче, чѣмъ поэзіи стать живописной. Эпитеты и ихъ роль въ художественномъ творествѣ. Относительность великихъ эпитетовъ. Вліяніе чувства на ихъ выборъ. Ихъ зависимость отъ общей идеи произведенія. Примѣръ изъ Л. Толстого. Эпитеты Тютчева. Былинныя эпитеты. Ихъ простота и мѣткость. Два вида эпитетовъ. Постоянные эпитеты. Окаменѣніе эпитетовъ. Художественность былинныхъ эпитетовъ. Гдѣ источникъ былинной красоты? 244
- V. Совпаденіе высшихъ формъ художественности съ первобытной непосредственностью, чувства. Поэтъ и первобытный человѣкъ. Образъ старше понятія. Слово и его исторія. Поэта роднитъ съ первобытнымъ человѣкомъ не только общность представлений, но и міросозерцаніе. Особенности первобытнаго міровоззрѣнія. Анимизмъ. Поэтический стиль, какъ наслѣдіе первобытнаго міросозерцанія. Тропы и ихъ виды. Тропы въ былинахъ. Метафора, какъ остатокъ давней вѣры. 254
- VI. Происхожденіе метониміи и синекдохи. Какъ возникаютъ въ умѣ нашемъ представленія? Разборъ стихотворенія Фета. Примѣты. Ошибки человѣческаго сознанія. Переходъ отъ примѣты къ чарамъ, отъ чаръ къ заговорамъ. Идиллія Теокрита «Чародѣйки». Сила слова. Жизненное значеніе метониміи. Синекдоха, какъ ошибка познающей мысли. Измѣненія въ стилѣ, вызываемыя ростомъ человѣческаго сознанія. Исторія сравненія. Примѣры изъ былинъ. Анализъ побѣждаетъ вѣру, проза поэзію 265
- VII. Происхожденіе фигуръ. Разница между фигурами и тропами. Виды фигуръ. Обращеніе. Примѣры изъ былинъ. Смыслъ фигуры повторенія. Градація. Гипербола. Гиперболичность былиннаго стиля. Отсутствіе въ былинахъ ироніи. Языкъ былинъ—языкъ чувства. Народъ—поэтъ отъ рожденія. 275
- VIII. Былины, какъ художественное цѣлое. Отсутствіе въ нихъ преднамѣренности. Ширина захвата и сочувствій. Историческое ея объясненіе. Зоркость народа-художника. Различныя ступени художественнаго изображенія жизни. Типическое въ былинахъ. Изображеніе характеровъ. Народъ, какъ творецъ живыхъ личностей. Алеша. Добрыня. Илья. Илья и Василій Буслаевъ, какъ взаимно дополняющіе другъ друга образцы русскаго народнаго характера. Былины, какъ жизнь, прекрасны и, какъ жизнь, поучительны 282
- IX. Вышняя сторона былинной поэзіи. Народное стихосложеніе. Вольный и прихотливый строй народнаго стиха. Его плавность и пѣвучесть. Его широкая волнистость. Его разнообразіе. Былинныи стихъ отражаетъ въ себѣ свойства русскаго народа.

	СТРАН.
Форма былинъ художественна. Былина о гибели богатырей, какъ высшій цвѣтъ былинной поэзіи	288
X. Разборъ былинны о гибели богатырей съ художественной точки зрѣнія. Заключение	292

Приложенія.

I. Былина о Пястѣ (по хроникѣ Галла).	301
II. Урошъ и Мрлячевичи. Сербская народная пѣсня.	304
III. Къ былинѣ о заставѣ богатырской.	311
IV. Литературныя параллели къ былинѣ о Садкѣ.	320
V. Чешскій перепѣвъ былинны о гибели богатырей.	325
VI. Главнѣйшіе труды по изученію русской исторической поэзіи.	329
VII. Указатель личныхъ именъ.	334

Просятъ исправить нижеслѣдующіе недосмотры.

На стр. 22-ой 33-я строка напечатано: ѝ = рж;	надо: ѣ = рж.
„ 52-ой 10-я „ „ древнѣйшими;	„ позднѣйшими.
„ 212-ой 23-я „ „ корочвами;	„ корогвами.
„ 226-ой 30-я „ „ блага;	„ злата.
„ 229-ой 20-я „ „ подлѣ	„ послѣ.

Того же автора:

Народная школа у словаковъ. Спб. 1903 г. Ц. 20 к.

Разказы Вазова. Переводъ съ болгарскаго со статьею о
Вазовѣ. Спб. 1904 г. Ц. 90 к.

Стихотворенія Теоокрита. Переводъ съ греческаго. Спб. 1890 г.
Ц. 1 р.

Готовится къ печати:

Чешская грамматика съ хрестоматіей.

